

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ  
АСПЕКТЫ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ  
РОССИИ И НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ  
АЗИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ



ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ  
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА  
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР  
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА  
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

**ЦИВИЛИЗАЦИОННО-  
КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ  
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ  
РОССИИ И НАРОДОВ  
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ  
В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ  
(1916 год: уроки общей трагедии)**

Сборник докладов  
Международной научно-практической  
конференции

г. Москва,  
18 сентября 2015 г.

МОСКВА  
2016

УДК [94(47).083:323.173(574/575)](066)  
ББК 63.3(2)534-69я431+63.3(257)-454я431  
Ц58

Сборник подготовлен в рамках поддержанного обществом «Знание» исследовательского проекта «Исторический контекст взаимодействия России и Центральной Азии: к 100-летию Среднеазиатского восстания 1916 г.», грант № 523/11-2.

*Научные рецензенты*

д-р фил. наук Н.Т. Нурулла-Ходжаева  
(Институт востоковедения РАН),  
канд. ист. наук С.А. Асанова  
(Институт истории и этнологии  
им. Ч.Ч. Валиханова)

*Составитель и научный редактор*

канд. ист. наук Т. В. Котюкова  
(Институт всеобщей истории РАН)

**Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии)** : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. / Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова [и др.] ; [сост. и науч. ред. Т. В. Котюкова]. - М. : [б. и.], 2016. - 211 с. - ISBN 978-5-903715-98-5.

И. Котюкова, Татьяна Викторовна, ред.

В сборнике представлены доклады Международной научно-практической конференции «Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии)», прошедшей в г. Москве 18 сентября 2015 г. Сборник рассчитан как на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории межнациональных и межкультурных отношений в Российской империи в начале XX в.

ISBN 978-5-903715-98-5

## Содержание

- АШИМБАЕВ Д.Р. Восстание 1916 г.: вопросы трактовки в контексте современной политики 6
- МАСАУЛОВ С.И. Мифы и подлинные причины восстания 1916 г. в Кыргызстане 22
- БАХТУРИНА А.Ю. Управление в Туркестанском крае накануне и во время восстания 1916 г. 33
- ГАФАРОВ Н.У. Худжанд (Ходжент) – колыбель среднеазиатского восстания 1916 г. 50
- БОРУБАШОВ Б.И. Восстание 1916 г. в Кыргызстане: предпосылки и уроки 63
- АБАШИН С.Н. «Туземные» чиновники и восстание 1916 г. 84
- МАХМУДОВ О.А. Призраки и страхи колониальных властей Туркестана: мусульманское «духовенство» в восстании 1916 г. 93
- ВАСИЛЬЕВ А.Д. К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. 108
- БАРИНОВ И.И. Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны 114
- МАЛАБАЕВ С.К. Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане 119
- КАДЫРАЛИНА Ж.У. Роль казахской либерально-демократической интеллигенции в национально-освободительном движении в Казахстане в начале XX в. 127
- БАТЫРБАЕВ Б.С. Восстание 1916 г. в Туркестанском крае: правовой анализ 132
- АМАНЖОЛОВА Д.А. Восстание 1916 г. и проблемы этнополитической мобилизации казахской интеллигенции 137
- ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. Особенности взаимоотношений российской администрации Туркестана с Бухарой и Хивой во время восстания 1916 г. (политико-правовые аспекты) 156
- БАТЫРБАЕВА Ш.Д. Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: источники и методы их изучения 171
- САКТАГАНОВА З.Г. Грозный 1916 г.: к общей характеристике социально-экономической ситуации в Казахстане и причин восстания 179
- МАЛАБАЕВ С.К. Трагические события 1916 г.: мифы и реальность 198

АШИМБАЕВ Д.Р.

## Восстание 1916 г.: вопросы трактовки в контексте современной политики

---

**С**тарый афоризм гласит: «Никто так не изменил историю человечества, как историки». Если посмотреть на описание тех или иных событий в хронологическом порядке, то несложно увидеть изменение трактовок в соответствии с духом эпохи. Сама историческая наука, если не возникла сразу в качестве таковой, то практически всегда была одной из производных функций государственной идеологии, причем любой идеологии каждого государства. От историков всегда требовалось обосновать право правителя на власть, право государства на ту или иную территорию или доказать и показать важность смены общественной формации.

XX век и отечественная история в этом плане не просто не стали исключением, но возвели идеологизированность истории в ранг искусства и государственной политики. Вначале это нужно было для идеологического обеспечения советской власти, затем после распада СССР – для выстраивания новой идеологии и новой истории, возникших на руинах СССР государств.

Если изучить тенденции современной историографии любого постсоветского государства, то становятся очевидными общие черты. Во-первых, «удревление» национальной истории, обоснование права нации на нынешнюю государственность, независимость и как минимум современные границы. Во-вторых, выявление факторов, говорящих о «вековой борьбе» за эту независимость, процессе, начавшемся с древнейших времен и героически продолженном современными элитами. В-третьих, негативизация периода имперской и советской истории, т. к. критика данного периода позволяет отчеркнуть значимость нового этапа государственного строительства, социально-экономической политики и новой идеологии и обосновать вышеупомянутые права нынешних элит на власть и на

производные функции этой власти. В-четвертых, что хорошо видно на примере современной Украины или Казахстана, географическое и хронологическое сужение исторического контента.

Так, мифологизация «голодомора», рассматриваемого исключительно в контексте отношений метрополии и Украины, позволяет государственной пропаганде ставить вопрос о «геноциде украинского народа». То же касается и политических репрессий тридцатых годов: исключение общесоюзного контента позволяет сделать вывод о том, что речь идет о репрессиях в отношении той или иной национальной интеллигенции, управленческой элиты или народа целиком. Это что касается географического контекста. Сужение же временных рамок позволяет убрать причины коллективизации, индустриализации или миграционной политики и их последствий. Остается только фактор перегибов и проблем, возникающих с ее реализацией. За коллективизацией, правда, последовал рост сельскохозяйственного производства, обеспечивший во многом создание нынешней продовольственной базы нынешних национальных экономик. Индустриализация способствовала победе в Великой Отечественной войне, предопределила превращение Союза ССР в мировую сверхдержаву, а также заложила основы индустриального развития будущих новых независимых государств. Ведь речь идет, в первую очередь, о тех самых промышленных гигантах, энергетической и нефтегазовой инфраструктуре, ставших объектами пресловутых «залоговых аукционов» и «оффшорной приватизации», позволивших нынешней бизнес-элите занять места во всемирных списках миллиардеров.

Безусловно, перегибы при смене формаций всегда были, есть и будут исключением из истории, они будут способствовать утрате знаний, опыта, который мог бы быть полезным в будущем, но, будем откровенны, очень сложно назвать государственную власть, которая умела делать выводы, исходя из прошлого опыта, даже своего собственного. Напротив, история стала заложницей текущего политического момента, а заодно и элементом массовой культуры. Речь идет не только о произведениях искусства – книгах, фильмах, мультфильмах, но и о депрофессионализации историков в целом. Сейчас каждый человек, обладающий воображением и умением излагать свои мысли, может писать статьи и книги по истории, опи-

раясь не на материалы архивов, библиотек или археологических исследований, а на собственное видение. В качестве примера можно привести цитаты из недавнего выступления одного казахстанского государственного деятеля: «История свидетельствует, что наш народ был чрезвычайно богат, носил одежду, расшитую золотом, ел из золотых блюд, ездил в золотом седле, а правители восседали на золотом троне. Собrania проводились в золотых дворцах. А мы – потомки того великого народа. Это никакое не преувеличение, это есть историческая правда. Всему есть подтверждения. Легенды, эпосы, сказания, дошедшие до нас из глубины веков»<sup>1</sup>.

Особо важным аспектом новой современной историографии, действующей по государственному заказу и под давлением национал-популистской интеллигенции, является создание логического ряда, обосновывающего утрату прежней государственности, колониальную политику царизма и советской власти и ее негативное влияние на национальное развитие, факты, говорящие о национал-освободительном движении, которое увенчалось получением независимости и «современным прогрессивным развитием» под руководством правящих элит. Этот процесс был доведен до абсурда в Туркменистане, но надо признать, что вопрос характерен практически для всех остальных стран.

Одним из наиболее сложных вопросов для реализации этой государственной миссии является то обстоятельство, что история XX в. дает не так много фактов национал-освободительной борьбы против пресловутой колониальной политики. Диссидентское движение не в счет, поскольку оппонирование режимом со стороны его активистов и легализовавших зарубежных спонсоров и вдохновителей осталось фактом. История времен СССР не показывает значительного числа восстаний и акций протеста против советской власти и коммунистической партии, имевших при этом национальный характер. Были восстания заключенных, беспорядки на социальной основе, но с национально-освободительным движением возникла проблема. В итоге в ход пошла откровенная фальсификация. В качестве примера приведу историю одного студента, который в пятидесятые годы попал под следствие органами госбезопасности

---

<sup>1</sup> Мамынкул Б. Найти истину // Знамя труда. 2015. 5 ноября.



из-за высказываний в ходе дружеской и не вполне трезвой посиделки. Дело было закрыто практически сразу из-за отсутствия причин. Студент сделал карьеру в государственных и партийных органах, как в советский период, так и в годы независимости, а по прошествии лет уже утверждал в интервью, что именно он создал первую национал-демократическую партию в Казахстане, разгромленную спецслужбами.

Подобная трактовка, хотя и в менее анекдотичной форме в целом характеризует современные общественные исследования, к которым добавилось и активное внешнее воздействие. Западная советология, внедряемая ныне в качестве прогрессивного научного подхода, стала верным союзником и наставником новых или «переобувшихся» старых историков в плане негативизации образа Российской империи и Советского Союза. Мотивы этих действий и тогда, и сейчас достаточно очевидны. Взять хотя бы историю «Туркестанского легиона» или Мустафы Чокаева (Шокая).

С этой точки зрения, было бы весьма интересным рассмотреть историю «народно-освободительных движений» и «массовых беспорядков» вне контекста их идеологического освещения. Ведь по большому счету опытный историк, политолог или идеолог всегда может обосновать их причины, исторический ход и последствия с необходимой точки зрения, опираясь на отдельные факты и свое личное или служебное видение ситуации. То есть если логическим рядом будут события А, Б, В, Г, Д, то условный историк № 1, используя А, В и Г, обоснует события с точки зрения классовой борьбы, а историк № 2, опираясь на Б, Г и Д, сделает их национальным движением.

Прежде чем перейти к событиям 1916 г., хотелось бы сделать экскурс в историю иных подобных примеров из новейшей истории Казахстана. Каждое из них можно трактовать либо как элемент национально-освободительного движения, либо как «демократическое выступление против тоталитарной власти», но если внимательно изучить набор фактов, документы, свидетельства очевидцев не с точки зрения выявления причин и следствий, а с точки зрения выстраивания и выявления логики процесса, то можно сделать ряд парадоксальных открытий. Безусловно, причины и поводы есть всегда, но когда речь идет о событии с участием достаточно боль-

шого числа людей, использованием средств агитации и т. д., всегда должен присутствовать определенный организационный фактор.

Примером подобных фактов могут быть события 1979 г. – митинги и демонстрации в городе Целинограде (нынешней столице Казахстана) против создания в Казахской ССР Немецкой автономной республики. Им посвящен ряд книг – воспоминаний, сборников документов, монографий, в которых рассказано о причинах, ходе митингов, принятых мерах по исправлению допущенных ошибок. Некоторые книги написаны работниками органов государственной безопасности<sup>2</sup>. И что характерно: авторы описывают причины, по которым руководство республики решило создать Немецкую АССР, историю вопроса, обусловленность создания ее в Казахстане, намеченный состав обкома и облисполкома, отношение к этому вопросу республиканского руководства, ход и анализ выступлений митингующих, какие меры были приняты партийными и советскими органами, службами внутренних дел и государственной безопасности, кто был наказан, но при этом ни в одной работе не сказано о том, как проходила агитация против автономии, как информация попала к населению, кто выбрал место для стихийного митинга, кто, в конце концов, готовил листовки и плакаты. Если рассматривать события с этой точки зрения, то можно задуматься и прийти к выводу, а были ли акции протеста стихийными? Не стоял ли вопрос в таком контексте, что руководство Казахстана не могло высказаться против решения ЦК КПСС, но также не хотело поддерживать это решение, поскольку размещение Немецкой автономии на, как принято говорить в подобных случаях, «сакральных казахских землях» могло быть негативно воспринято в республике, а «стихийный», но организованный и политически корректный «народный протест» привел к удачному снятию вопроса с повестки дня.

То же самое можно сказать о событиях декабря 1986 г. в Алма-Ате. События, трактовка которых варьировались от «массовых беспорядков», организованных то ли сторонниками Кунаева, то ли националистически настроенной молодежью, до «желтоксанской революции, положившей начало падения советского тоталитариз-

<sup>2</sup> Какен А. Кремлевский колоброд, или Как немцам создавали автономию. Астана, 2013; Галушко Н.М. В спецслужбах трех государств. М., 2012; Омаров М., Какен А. Познай себя. К вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. Алматы, 1998.

ма». Один из очевидцев событий, работник ЦК Компартии Казахстана Едильбаев, в своих мемуарах описывает события тех дней следующим образом: «Кто-то из демонстрантов выстрелил в мой кабинет из ракетницы. Окно разбилось, заряд прошел в двадцати сантиметрах от моей головы, мебель в нескольких местах загорелась, начался пожар. Я не мог пошевелиться, так как был засыпан стекольными осколками и, видимо, какое-то время находился в шоке. Тут огонь, дым... Сотрудники стали тушить пожар. Потушили, очистили меня и оказали медицинскую помощь. В горячке от случившегося я выразился негативно в адрес стрелявших. Да и трудно было объективно оценить действия молодежи по ходу событий, находясь на службе и получая не всегда правдивую информацию. Позже благодаря президенту, видным деятелям и уважаемым людям республики восстановилась справедливость, была дана правильная политическая оценка гражданскому мужеству достойных дочерей и сыновей казахского народа»<sup>3</sup>. Комментарии, думаю, излишни.

О событиях 1986 г. также написано много воспоминаний, изданы сборники документов, монографии, поставлен памятник, сложены песни и т. д. Про причины можно говорить весьма долго: коррупция руководства, перегибы национальной политики, ошибки в работе с молодежью, политические интриги бывшего / действующего руководства (с каждым годом тональность слегка менялась в зависимости от ситуации в стране), но при этом опять-таки остался за бортом весьма важный фактор – организационный. Никто не искал агитаторов, ходивших по общежитиям и призывавших молодежь выйти на площадь, никто не искал тех, кто формировал колонны и выводил их на площадь, тех, кто готовил плакаты с требованием отметить решение ЦК КПСС о смене руководства республики и, можно подчеркнуть, назначении на пост руководителя республики человека со стороны (ни соратника Кунаева, ни представителя тех групп, что уже в открытую выступали против Кунаева). Если внимательно посмотреть на историю «декабрьских событий» в истории Казахстана, то в каждый конкретный момент каждой конкретной руководящей группе они были весьма выгодны самим фактом своего существования. Одним для демонстрации

<sup>3</sup> Едильбаев И.Б. Воспоминания горного инженера. Алматы, 2003. С. 43–44.

ошибок прежнего руководства, другим – как повод для кадровых чисток, третьим – как факт «национал-освободительного выступления», которыми история, как Казахстана, так и Центральной Азии, в целом во второй половине XX в. особенно не располагала к огорчению национал-патриотических сил, один из представителей которых заметил, что, «к сожалению, независимость досталась бескровно, без проявлений героизма и без борьбы». Проблема отсутствия «героев» тех дней весьма показательна, потому что отношение в республике к соответствующим персоналиям весьма неоднозначно. Так, один из них обвинялся в убийстве народного дружинника, другая, неоднократно представляемая к высшим государственным наградам, покончила с собой в те дни, по мнению одних, в знак протеста против «избиений молодежи», по мнению других – из-за подозрений в краже, что грозило исключением из института. То же относится и к информации о жертвах: общепринято мнение, что были десятки, если не сотни убитых (официальная версия – три человека), однако по сей день никто из родственников этих жертв не обратился с такой информацией ни в СМИ, ни в органы прокуратуры и суда.

Но если внимательно посмотреть на ход событий 16–18 декабря 1986 г., предысторию конфликта в руководстве республики, процесс смены власти, то можно найти немало схожего в событиях 1979 и 1986 гг. Никто не искал организаторов. «Идейных вдохновителей» находили, но с организаторами вышла осечка. Причем даже по прошествии стольких лет не нашлось людей, которые объявили себя лидерами молодежного протеста против тоталитаризма. Напротив, принят формат, по которому «протест молодежи» нужно оценивать позитивно, но самих рядовых участников событий, стремительно маргинализировавшихся еще в годы перестройки, приглашать на мероприятия государственного уровня и научные конференции – моветон.

Другим аспектом событий 1986 г., также оставшимся вне политико-идеологических, научных или журналистских расследований, стал вопрос наказания виновных. Массовые беспорядки в центре союзной республики с участием студентов различных вузов, рабочей молодежи из общежитий, находящихся в разных районах города, с выдвиганием политических лозунгов и использованием пусть и кустарных, но транспарантов, не только не могли не иметь

организаторов, но и по определению пройти мимо внимания соответствующих органов. Как известно, в СССР в системе органов государственной безопасности были специальные управления по идеологической работе, имевшие разветвленный круг информаторов, агентов и просто лояльных граждан, тем более в Казахстане, где эпистолярный жанр в вопросах информирования государства по всем возможным вопросам стал одной из важнейших составляющих частей национального менталитета. Но если рассмотреть кадровый состав органов МВД и КГБ республики до и после событий декабря 1986 г., то несложно заметить, что те структуры, которые должны были быть информированы о подготовке массовых беспорядков и оперативно их предотвратить, никаких кадровых потерь не понесли, как, впрочем, и те, кто руководил подавлением беспорядков. В последующие годы все они продолжили кадровый рост, достигнув весьма высоких постов, как и руководители республиканской комсомольской организации. Все это наводит на определенные размышления о мнимой спонтанности и стихийности событий.

Это касается и национально-освободительного движения 1916 г. в Центральной Азии. Причинами традиционно указываются колониальная политика царской России, особенно земельный вопрос, переселенческий фактор, угнетение коренного населения, отстранение местных элит от руководства, перегибы на местах, отсутствие социальной справедливости, законности и т. д. Поводом для событий также традиционно назван указ о мобилизации коренного населения Степного и Туркестанского края на тыловые работы. Вместе с тем в стадии разработки остается вопрос о том, насколько это восстание было стихийным. Если рассмотреть исторический и военно-политический контекст вокруг событий 1916 г. в Туркестане, следует обратить внимание на обстановку на фронтах Первой мировой войны.

В январе – апреле 1916 г. в ходе Эрзерумской и Трапезундской операций российская Кавказская армия нанесла серьезное поражение Турции, в июне – августе 1916 г. в ходе Брусиловского наступления были нанесены серьезные удары по немецкой и австрийской армии. В этих условиях (не говоря уже о «большой игре» за Центральную Азию) представляется, что вопрос о внешнем воздействии

на ситуацию в регионе остается открытым: восстание произошло в очень удачный для Германии и Турции период. Последняя, что немаловажно, воспринималась мусульманским населением края в качестве главного носителя веры, а тюркским – в качестве потенциального политического гегемона (в рамках набиравшего влияние пантюркизма). Поэтому исключать фактор причастности немецкой и турецкой агентуры, если не к самому восстанию, то хотя бы к обострению обстановки в регионе (антироссийская и протурецкая пропаганда), было бы абсурдным<sup>4</sup>. Восстание отвлекло необходимые на фронте воинские части, замедлило мобилизацию и отправку местного населения на тыловые работы, а заодно обострило межнациональные и межконфессиональные отношения в стране, что, в свою очередь, в какой-то степени усугубило кризисные события в стране, которые, как известно, привели к Февральской революции 1917 г.

В нынешних условиях, в эпоху развития информационных технологий, определенной открытости архивов, доступа к ранее секретной информации, расцвета политических технологий подноготная история многих событий, ранее объяснявшихся спонтанностью, «исторической предопределенностью», «классовой борьбой», «победой сил демократии», становится вполне очевидной. Есть соответствующие примеры и из нашего недавнего прошлого.

В сентябре 1944 г. в синьцзянском городе Нилке началось национально-освободительное восстание местных казахов, татар и уйгуров против гоминьдановского правительства. Восстание достаточно быстро охватило соседние провинции и привело к созданию Восточно-Туркестанской Республики (ВТР), по сути советского сателлита в регионе, богатом природными ресурсами и имеющем огромное геополитическое значение. Только в 1949 г. ВТР волилась в состав материкового Китая, где к тому времени победу одержали коммунисты.

За год до Нилкинского восстания, в июле 1943 г. при ЦК Компартии Казахстана были организованы «специальные курсы по линии

---

<sup>4</sup> О наличии внешнего фактора в событиях 1916 г. в Туркестане, в частности, есть упоминание в ряде исследований: *Валков И.* Военная контрразведка русского Туркестана и мировые процессы // *Власть.* 2009. № 8; *Мухлынин Б.Ф.* Восстание 1916 года в Чуйской долине // *belovodskoe-muh.ucoz.ru*; *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция императорской России // *Русский сборник.* Т. 5. М., 2008. С. 157; *Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века.* М., 2013. С. 119–121.

НКВД», официально именуемые «курсами аульных активистов», руководителем которых был назначен заместитель начальника 1-го отдела (разведка) НКГБ КазССР Арстанбеков. К выпускникам курсов предъявлялись следующие требования: «...быть готовыми в условиях заграницы развернуть просоветскую пропагандистскую работу, активную подрывную агитацию против враждебной нам политики, проникнуть в местное подпольное политическое формирование или повстанческую группу и направить ее деятельность в желаемом направлении». В программу курса были включены такие дисциплины, как «Методы постановки подрывной агитации на базе использования недовольств и возмущений в населении интересующей нас страны», «Техника изготовления и распространения нелегальных листовок, воззваний, бюллетеней и др.», «Формирование “групп национального возрождения” и использование для этой цели оппозиционно настроенных лиц и групп», «Тактика действия партизан». Любопытно, что многие слушатели «курсов аульных активистов», судя по их личным делам в архивах, находились с 1944 по 1946 г. в «специальной командировке в КНР», без особой конкретизации и при этом никогда не рассказывали о характере этой командировки.

Представляется, что логическую связь между созданием подобных курсов и началом соответствующего освободительного движения можно выстроить достаточно легко. От «туземных восстаний» в нужных местах до «оранжевых революций» и «арабской весны» общие принципы политических технологий не изменились.

Факт внешнего воздействия на Туркестан, тем не менее, не имеет прямых документальных доказательств, по крайней мере выявленных, и к тому же не может являться единственным поводом начала событий июля 1916 г. Представляется, что причины нужно рассматривать в более широком диапазоне.

Военно-политическая колонизация края, проходившая во второй половине XIX в., завоевание Коканда, Хивы и Бухары привели к формированию новой реальности, к которой ни Россия, ни присоединенные к ней народы не были готовы. Резко выросший уровень этнического и конфессионального взаимодействия, изменение политико-правовой системы управления краем, принципиально отличавшиеся от всего того, что имело место в Азии веками, изменения хозяйственного уклада, проходящие к тому же в доста-

точно мобильном темпе и сопровождающиеся фактами коррупции, непоследовательностью, перегибами и непониманием местной специфики, создали сложный клубок противоречий, который, по сути, был решен только в 20–30-е гг. XX в. в рамках проходящей общесоюзной трансформации и модернизации единого государства. (И как выяснилось впоследствии, имевших обратную силу.)

Представляется, что восстание 1916 г. в немалой степени может и должно быть объяснено тремя блоками причин. Во-первых, проблемы, связанные с освоением края Россией. Во-вторых, фактор внешнего воздействия. А в-третьих, военный контекст – оттягивание военных и кадровых ресурсов на Западный и Кавказский фронты – привел к ослаблению руководства в Туркестанском и Степном генерал-губернаторстве и перенапряжению сил империи, политических и экономических. Война замедлила работу по трансформации Туркестана и обострила социальные и этнические противоречия. Все это вкупе с военными поражениями 1914–1915 гг. распатало образ сильного государства в глазах местного населения и элиты, потерявшей власть после российского завоевания и не слишком этим довольной. В течение предыдущего периода сталкивавшейся с военно-политической мощью Российской империи, которая на момент восстания в имиджевом плане проигрывала сама себе на рубеже веков. Здесь можно также упомянуть факторы поражения в Русско-японской войне и революционного движения 1905–1907 гг. Безусловно, поскольку речь затрагивает и систему государственного управления, то среди причин можно назвать свойственное любому правительству (а наши в этом плане весьма характерны, что нынешние, что прошлые) умение не замечать проблему, пока она совсем не выйдет из-под контроля. Это касается и мониторинга ситуации, и учета (неучета) региональной, национальной специфики, и бесконтрольности местных органов власти, и веры в собственную непогрешимость, и выбора даты для объявления своего решения. Смена руководства краем, блокирование информации о беспорядках, четкость и слаженность при подавлении восстания, которое вполне можно было предотвратить, яркое тому подтверждение.

Говоря о социальных факторах восстания 1916 г., нельзя не упомянуть о том, что для казахского населения традиционными видами протеста были барымта и откочевка, однако первая выпала из пра-



вового поля, а вторая была ограничена ужесточением пограничного контроля и тем обстоятельством, что практически все традиционные территории кочевания казахов вошли в состав России. Оседлое население Туркестана, привыкшее к жестким формам угнетения со стороны феодальных и клерикальных слоев Бухары, Хивы и Коканда, столкнулось первоначально с намного более либеральным российским законодательством, что обусловило резкое падение традиционной морали и нравственности (весьма формальное, по мнению краеведов), что, в свою очередь, спровоцировало волну ностальгических и религиозных настроений антиросийского характера<sup>5</sup>.

Советскими, казахстанскими, российскими, узбекскими историками хорошо изучены причины, ход и последствия восстания<sup>6</sup>. Опираясь на соответствующие факты, они дали следующие характеристики событий: национально-освободительное движение, основанное на социальных, национальных и религиозных проблемах региона, вызванных колониальной политикой центра. Различаются в зависимости от эпохи и географического нахождения авторов отдельные оценочные суждения и фокусировка на тех или иных аспектах. Для одних события июля – ноября 1916 г. – это революционное восстание, ставшее предвестником революции 1917 г., для других – антиросийское и антирусское выступление, для третьих – антиколониальный бунт, ставший предвестником будущей государственной независимости стран Центральной Азии. В последнем случае можно еще раз акцентировать внимание на том, что антисоветских, антиправительственных выступлений в нашем регионе практически не было зафиксировано с 20-х гг. XX в. Одни историки особо обращают внимание на зверства со стороны восставших по отношению к славянскому населению региона, другие – на зверства карательных частей, введенных в регион для подавления восстания,

<sup>5</sup> См.: *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь: Этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. М., 2012.

<sup>6</sup> *Абдиров М.Ж., Ақтамбердиева З.С.* Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетгьсу. Алматы, 2011; *Аманжолова Д.А.* Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы, 2013; *Асфендияров С.Д.* История Казахстана (с древнейших времен). Алматы, 1993; *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. М., 2008; *Луценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010; *Джангильдин А.* Документы и материалы. Алматы, 2009; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008 и др.

казни арестованных руководителей. Советские и постсоветские историки при этом за редким исключением старались минимизировать тему межнациональных конфликтов в ходе событий 1916 г. В школьных учебниках по истории Казахстана допускались трактовки вроде: «В отдельных районах... баям и националистам удалось спровоцировать выступления казахов против русских, в результате чего произошли кровавые столкновения. Эти трагические события явились следствием политики национальной вражды, которую проводили царизм и феодально-байская знать»<sup>7</sup>. Подобным формулировкам придерживались и придерживаются многие старые и современные историки с целью минимизировать влияние тематики на современные межнациональные отношения в регионе<sup>8</sup>, хотя обратных фактов достаточно много<sup>9</sup>. Некоторые казахстанские историки слегка акцентируют внимание на том, что «именно кыргызы и особенно дунгане отличались наибольшей жестокостью к своим жертвам»<sup>10</sup>.

Политкорректность всегда являлась важной составляющей при освещении событий 1916 г. Так, в энциклопедиях, изданных в КазССР, подача материала отличалась филигранностью формулировок: «Казахский народ, как и народы Средней Азии, боролся не против русского народа, а за свободу, против царизма, империалистической буржуазии, феодально-патриархальной верхушки, против грабительской войны, за землю, за национальное равноправие»<sup>11</sup>. «Национально-освободительное движение в Казахстане было крестьянской войной и носило в основном антиимпериалистический, антиколониальный характер, являлось составной частью общероссийского революционного процесса. Развиваясь по его общим закономерностям, оно имело и свои особенности, обусловленные спецификой социально-экономических отношений в ауле. Отсутствие пролетарского руководства сказывалось

<sup>7</sup> Бекмаханов Е., Бекмаханова Н. История Казахской ССР: Учебное пособие для 9–10-х классов. Алма-Ата, 1975. С. 18.

<sup>8</sup> Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 290.

<sup>9</sup> Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. С. 487–539.

<sup>10</sup> Абдиров М.Ж., Ақтамбердиева З.С. Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу. С. 183–184.

<sup>11</sup> Казахская ССР: 4-томная краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 24.

на ходе восстания»<sup>12</sup>. Историки более позднего периода (хотя зачастую те же персоналии, но в условиях уже новой формации) слегка меняют акценты: «Восстание имело антиколониальную и антиимпериалистическую направленность, классовый момент (борьба против байской верхушки аула) был второстепенным по сравнению с главной задачей восстания – национального и политического освобождения народа из-под колониального ига»<sup>13</sup>. Также весьма неоднозначно и освещение фактов участия указанной «феодално-байской знати» и духовенства на стороне и во главе восстания. Анализ источников и трактовок показывает, что если для советского времени участие родовой и религиозной элиты было минимизировано и использовалось в основном для демонстрации перегибов, то для постсоветского периода напротив характерно акцентирование внимания на роли элиты, как и национальной интеллигенции, если не в руководстве, то хотя бы в идейном направлении восставшим населением и боевыми отрядами. С национально-либеральной интеллигенцией в этом плане существует известная проблема: восстание она не поддержала, за что советскими историками была подвергнута критике. Национал-либералы первоначально в 1915–1916 гг. выступали с инициативой создания казахских военных формирований для участия в боевых действиях<sup>14</sup>, однако потребность в кавалерийских частях к 1916 г. вызывала сомнения с военной точки зрения<sup>15</sup>. Не исключено, что именно эта дискуссия, проходившая на страницах печати и в стенах Государственной думы, собственно и стала одной из причин июньского указа о мобилизации «иностранцев» только не на фронт, а на тыловые работы.

Историки времен независимости столкнулись с необходимостью, с одной стороны, позитивного восприятия восстания 1916 г. как проявления борьбы казахского народа за независимость, с другой – не менее позитивного освещения деятельности казахских либералов того периода, будущих активистов партии «Алаш» и правительства

<sup>12</sup> Казахская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедический справочник. Алма-Ата, 1981. С. 192.

<sup>13</sup> История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3. Алматы, 2000. С. 650.

<sup>14</sup> Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. С. 115–116.

<sup>15</sup> Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция императорской России. С. 159.

«Алаш-Орды», которые в современной идеологии считаются предвестниками государственной независимости Казахстана. При этом необходимо учитывать, что национал-революционные круги интеллигенции восстание 1916 г. поддержали, местами возглавили или, как Турар Рыскулов, были идейными соратниками, но по болезни не смогли принять участие в боевых действиях<sup>16</sup>.

Можно отметить, что некий идеализм и патетичность в высказываниях были свойственны не только самим активистам «Алаша», но и современным историками и публицистам, изучающим деятельность и творческое наследие партии и созданного при ее участии в 1917 г. квазиправительства. При этом в расчет не берется ни тот факт, что исторически национал-либералы проиграли большевикам и в 1920-е гг. в определенной степени были кооптированы в управленческие структуры новой власти. Но они оказались востребованы идеологическим аппаратом после обретения независимости, хотя, как ни парадоксально, генетически этот аппарат и обслуживаемая им государственность имеют своим истоком не этих идеалистов начала XX в., а ту самую партию и государство, которые их смели с исторической сцены.

Ныне события 1916, 1928–1933, 1937–1938, 1947–1953, 1986 гг. рассматриваются в качестве вех геноцида казахского народа, проводимого правительствами Российской империи и СССР в рамках той самой хронологической и географической фокусировки, о которых речь шла выше. За рамками в большей степени остаются факты социально-экономического, научно-технического, гуманитарного и культурного развития региона, не говоря даже о событиях в оценке Великой Отечественной войны.

Есть немало исследований, придерживающихся нейтрального, объективного взгляда на события 1916 г. и, если брать шире, процессы присоединения Центральной Азии к Российской империи, событий Гражданской войны и развития региона в годы советской власти. Соответствующая государственная историко-идеологическая политика в регионе, в том числе на уровне школьных программ, периодически претерпевает определенные изменения в контексте отношений Астаны, Ташкента, Бишкека, Ашхабада и

---

<sup>16</sup> История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). С. 646–647.

---

Душанбе с Москвой и внутривосточных вопросов, когда руководство то приближает, то отдаляет от себя национально или религиозно настроенные круги.

К сожалению, объективный подход к вопросам общей истории России и Центральной Азии, занимая относительно устойчивые позиции в исторической науке, находится на периферии базовых процессов, происходящих в информационном и политическом пространстве. Трендом является высказывание взаимных претензий по пограничным вопросам, перегибам, репрессиям, языковым вопросам, проявлениям национализма и шовинизма, причем за весь период истории – от первого столкновения славян с кочевниками, печенегами и половцами до создания Евразийского экономического союза.

МАСАУЛОВ С.И.

## Мифы и подлинные причины восстания 1916 г. в Кыргызстане

---

**П**резидент Кыргызской Республики Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О 100-летию трагических событий 1916 года». В Указе главы государства отмечается, что национально-освободительное восстание кыргызского народа и последовавшая за ним трагедия 1916 г., сохранившаяся в памяти народа, как «Үркүн» («Великий исход»), должны занять особое место в истории страны. Общество продолжает нуждаться в объективной исторической оценке причин и последствий трагических событий. Предполагается, что реализация ряда мероприятий приведет к укреплению государственности и единства народа, устранению «белых пятен» в истории страны, воспитанию гражданственности и патриотизма<sup>1</sup>.

С этим нельзя не согласиться, и это уже поддержано многими общественными организациями и официальными лицами, например, в заявлении Посольства России в Кыргызстане. Однако стоит особо подчеркнуть: события 1916 г. нельзя дать на откуп всяким деятелям, объективно работающим на распад общества. Речь идет о националистических политиках, самозванных историках, малограмотных журналистах с одним принципом в голове – противопоставление частей общества друг другу по этническому признаку.

Последнее означает, что общественное обсуждение вопросов и памятные действия должны быть процедурно правильно организованы. Понятно, что необходимо обсудить ранее замалчивавшиеся или недостаточно исследованные вопросы. Но не менее важно понимать, как это надо сделать технологически, важно также сохранить трезвость в оценках и такт.

---

<sup>1</sup> 1916 год – причины восстания и миф о геноциде. <http://www.stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstanija-i-mif-o-genotside.html>; Исакеев Б. Кыргызское восстание 1916 года (доклад, 1932 г.). <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1369427580>; Традиционность в формах собственности современного среднеазиатского общества. Памяти проф. С.П. Полякова / Сб. неизданных работ / Сост. Е.И. Ларина. М., 2012.

## Администрирование края

После присоединения к России власти ввели новое административное деление в крае, которое не всегда учитывало характер родоплеменной организации жизни местного населения, в том числе кыргызов. Кыргызстан вошел в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Территория, населенная кыргызами, делилась между четырьмя областями: Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской. Численность кыргызского населения в то время достигала 500 тыс. человек.

Области делились на уезды, а уезды – на волости, которым подчинялись айлы (по-кыргызски – айылы). Население Кыргызстана занимало территории 73 волостей и управлялось избираемыми на три года волостелями и старшинами. Управленческий аппарат был полувоенным: во главе областей и уездов стояли офицеры и участковые приставы, которые не только управляли, но и властвовали на территориях. Иногда приставами и волостелями ставили местных манапов, присваивая им звания, вплоть до полковников царской службы. Это также вызывало недовольство других манапов, которые не смогли или не успели устроиться соответствующим образом.

Новая власть запретила межплеменные и родовые войны, ликвидировала рабство, упорядочила налоговую систему. Эти мероприятия положительно сказались на развитии кыргызского общества. В целом царская власть мало вмешивалась в управление кыргызским населением, вся полнота власти была передана местным родовым и владетельным лицам.

Административно-территориальное разделение Кыргызстана, несомненно, преследовало цели укрепления колониальной власти, но вместе с тем принесло кыргызскому народу ряд новшеств. Постепенно стали утрачиваться вековые традиции родовых взаимоотношений и связанная с этим зависимость населения от родовой верхушки. С введением выборности на управленческие должности стал разрушаться институт наследственной преемственности власти, ранее осуществляемый манапами (родовая власть) и биями (судебная власть, основанная на обычаях и традициях). Управление, производимое по российским законам, положило конец произволу верхних и местных эшелонов власти.

Однако в условиях отсутствия политического единства кыргызов и других народов Туркестана власть Туркестанского генерал-губернатора и всех нижестоящих структур управления противопоставляла их местным этническим институтам власти. Более того, манапы боролись за обретение поста внутри администрации Туркестана, который гарантировал им привилегированное положение относительно других родов и племен. Последние испытывали недовольство таким положением вещей, а вину возлагали на царскую администрацию.

Таким образом, недовольство именно в правящем классе подспудно зрело или присутствовало все время, вплоть до взрыва недовольства в 1916 г.

### **Причины восстания**

---

Тем не менее должны были быть какие-то конкретные причины восстания. К ним обычно причисляют: а) усиление налогового прессы; б) русификацию Туркестана, как основы колониально-националистической политики и массовое переселение крестьян из России; в) усиление произвола при расселении.

Поводом к восстанию явился царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации мужчин из местного населения призывных возрастов (от 19 до 43 лет) на военно-тыловые работы. Между тем ранее туземное население освобождалось от такого рода повинности, помимо того, что в армию также не призывалось. И это было гарантировано прежними царскими указами.

Началом восстания на всей территории Средней Азии и Казахстана послужили волнения жителей города Ходжента в Самаркандской области 4 июля 1916 г., решительно отказавшихся выполнять указ о мобилизации. Глухое недовольство прорвалось открытыми выступлениями горожан – коренных жителей края в уездных и областных городах Ферганской области, в том числе в Оше, в краевом центре Ташкенте в конце первой и начале второй декады июля. Все они были жестоко подавлены. С 10 июля до конца месяца выступали кыргызские и узбекские дехканы в южной части Кыргызстана. Волнения в Ошском и соседних с ним уездах Ферганской области (Андиджанском, Наманганском и Ко-



кандском) были быстро подавлены. В Туркестане было введено военное положение.

Вскоре движение распространилось и на долины Кетмен-Тюбе, Чаткала, Тогуз-Торо, в Ошский уезд и на другие территории юга Кыргызстана. Но особой остротой характеризовалось восстание на севере Кыргызстана. Здесь происходили вооруженные столкновения с войсками, начиная с августа и до октября 1916 г.

В советское время было принято считать причинами восстания, во-первых, эксплуатацию и «невыносимый колониальный гнет и грабеж» со стороны царского правительства; во-вторых, эксплуатацию трудящихся со стороны байско-манапских феодально-патриархальных элементов в самих туркестанских народностях; в-третьих, империалистическую войну; в-четвертых, набор рабочих на тыловые работы.

В современной историографии в странах Центральной Азии принято обращать внимание на усиление национального гнета и колониальную политику русификации Туркестана, проводимую царскими властями. В условиях военного времени положение народных масс особенно ухудшилось, что и привело к восстанию 1916 г. Социальный состав его участников был широк. Кроме простого люда, в нем участвовали представители байско-манапской верхушки и мусульманского духовенства, т. е. восстание было общенародным. Кроме того, в восстании участвовали представители многих национальных меньшинств Кыргызстана.

Однако подлинные причины развернувшихся событий лежат в иной плоскости. Представляется, что за пятьдесят лет после завоевания / включения Туркестана в состав России произошла существенная ломка общественных отношений, характерных для азиатской формации. На смену им пришла смесь традиционной азиатской системы, полицейско-административного управления территориями и вкраплениями капиталистических отношений в городах, пришедшими из Центральной России вместе с торговыми и иными отношениями. Все это многообразие властных структур еще не сложилось в систему в начале Первой мировой войны.

Здесь важно отметить, что азиатский способ производства предстает в сочетании трех хозяйственно-экономических типов: комплексного хозяйства, орошаемого земледелия и кочевого скотовод-

ства. Традиционное хозяйство, особенно комплексное, в целом не было товарным, а различные промыслы не сложились в ремесленное производство. Тем самым общество лишалось потенциала развития, которое начинается только с ломки традиционных отношений.

Комплексное хозяйство, распространенное в Кыргызстане, означало, что кыргызы не были чистыми кочевниками, они занимались сезонным отгонным скотоводством, а также земледелием, технологически недостаточно обеспеченным для получения значительного продукта, позволяющего преодолеть натуральность хозяйства. Кроме того, существовала тесная связь с аилом, как с землей проживания. Таким образом, подлинной причиной восстания было резкое изменение земельных отношений, последующий распад традиционного азиатского способа производства и т. д.

В 1869 г. Туркестанским генерал-губернатором был установлен душевой земельный надел на переселенческое хозяйство, занимавшее до тридцати десятин. Очевидно, что хозяйство, получившее тридцать десятин земельной площади, быстро превращалось в крупное и зажиточное по меркам Центральной России хозяйство. Кроме того, переселенческим хозяйствам в то время предоставлялась колоссальная государственная помощь и поддержка. Например, переселенческое хозяйство на пятнадцать лет было освобождено от налогов, ему давались разного рода ссуды на обустройство и ряд других привилегий.

С 1874 по 1908 г. в Туркестан было переселено свыше 5000 хозяйств и организовано 74 самостоятельных новых переселенческих поселка. После этого переселение идет масштабными темпами и уже в 1916 г. в Туркестане насчитывается свыше 940 русских переселенческих поселков. Это население занимало около 2 млн десятин самой лучшей пахотной, хорошо орошенной земли. Что это составляло к посевным площадям тогдашнего Туркестанского края?

Эти два миллиона десятин составляли 57,6 % общей посевной площади края. Иначе говоря, на каждого переселенца приходилось 3,17 десятины, а на каждого местного жителя (кыргыза, узбека, туркмена) – 0,21 десятины или в пятнадцать раз меньше. В то время узбеки, кыргызы и туркмены составляли 94 % от всего населения Туркестана. Эти 94 % занимали всего 42,4 % посевных площадей, а 6 % переселенческого населения занимало 57,6 % посевных площадей.

---

Это касалось всего Туркестана, а если рассматривать Семиреченскую область, в состав которой входила Киргизия, то здесь изменения, связанные с переселением, были более значительными. Например, к 1915 г. переселенческих самостоятельных поселков в Семиреченской области было 600, а земли взято у кыргызов 4200 тыс. десятин всех видов (пашни, покос, пастбища), из них одних посевных площадей 1200 тыс. десятин. Переселенцам доставались лучшие, наиболее удобные земли.

Именно это разрушало аил и традиционный образ жизни кыргызов, что идеологически переживалось как зависимость и гнет.

Вторая причина восстания – это налоговая политика в Туркестанском крае, фиксировавшая и усиливавшая имущественное неравенство. Например, земский налог. Этот налог взимался в одинаковом размере с каждой кибитки, каждой юрты, с каждого хозяйства независимо от материального положения семьи. Кроме того, во время войны увеличился военный и другие налоги, которые взимались без дифференциации в соответствии с имущественным положением. Весь центр тяжести налоговых сборов падал тогда на бедноту, поскольку байско-манапские элементы находили выход освободиться от этого налога, который касался их наравне с другими. Например, взимался налог с каждой головы скота. Волостные управители, старшины, сотники и десятники расписывали тогда большие отары овец богачей по 1 тыс. голов на всех родичей (по 30–40 голов) и тем самым уравнивали налог на всех родственников.

Кстати, так происходило и в советское время, при формальном наличии колхозов с коллективной собственностью, когда каждый участник объединения точно знал, какая из овец принадлежит ему. Имущественное неравенство и социальная зависимость сохранялись с помощью консервации родовых традиций.

И третья группа причин – это судебно-административный нажим и освященный традицией беспрецедентное кумовство и мздоимство местной администрации.

### **Восприятие восстания и людских потерь**

---

Восприятие восстания в русском обществе Туркестана во многом строилось на информации о кровавых эксцессах и на слухах. В го-

родах и переселенческих поселках циркулировала информация о близком вторжении многотысячных орд и ждущей кровавой расправе. Действительно, восстание 1916 г. стало чередой кровавых межнациональных по окраске столкновений, от которых пострадала часть переселенческого и коренного населения края.

Трагичными были по своим последствиям внезапные нападения восставших на переселенческие поселки в южной части Семиречья. Здесь в Пишпекском и Пржевальском уездах Киргизии были разгромлены 94 переселенческих поселка. Столь печальная участь постигла десятки русских селений по северному побережью озера Иссык-Куль и отдельных – по южному, а также в Ат-Башинском и Нарынском частях Пржевальского уезда. В результате в Семиреченской области пострадали главным образом простые крестьяне-переселенцы, женщины, дети и старики (мужчины призывных возрастов были в армии), в то время как царская администрация во всем Семиречье понесла незначительные потери. Только в Пишпекском и Пржевальском уездах из числа мирного населения было убито 2227, ранено 834, пропало без вести и взято в плен 1364 человека, имущественно пострадали 6024 семьи переселенцев.

По подсчетам туркестанских чиновников, коренное население Северного Кыргызстана после восстания 1916 г. уменьшилось на 42 %. Почти 150 тыс. человек бежало в Китай, было убито или пропало без вести. Эта цифра легла в основание многих последующих оценок и кочевала из одной исторической работы в другую. Между тем имеются и другие оценки, ничуть не умаляющие трагичность событий.

Действительно, было жесткое подавление восстания. Но нельзя умалчивать о причинах этого. Когда карательные отряды, присланные для усмирения бунта, увидели посаженные на вилы головы русских женщин и детей, то их реакция была соответствующая. Но это не кыргызско-русские проблемы, это последствия восстания и борьбы. Нельзя давать этим событиям этническую окраску. Такие трагические случаи были и в период набегов казахов на кыргызскую землю в XIX в., и в период родовой междоусобицы между кыргызскими племенами бугинцев и сарыбагышей.

Наряду с тяжелейшими последствиями кровавых событий 1916 г. во многих районах Туркестана в документах и памяти свидетелей восстания 1916 г. зафиксированы факты сочувствия

и проявления добрососедства простого люда. Отдельные рядовые общинники-кыргызы нередко тайно предупреждали своих соседей, знакомых и друзей из переселенцев о грозивших бедах, укрывали русских женщин и детей от расправы. А русские крестьяне, рискуя своей головой, спасали жизнь кыргызским семьям.

Сейчас, когда в ряде заинтересованных источников называется количество потерь кыргызского населения во время подавления восстания и последующего бегства в Китай, в зависимости от идеологических задач, пропагандистского запала и проплаченных извне денег используются цифры от трехсот тысяч до одного миллиона человек. Не так давно один ретивый «исследователь» и «аналитик» настаивал на трех-четырёх миллионах жертв «геноцида».

Первая всероссийская перепись, в которой были учтены кыргызы, была проведена в 1897 г. Во всем Туркестанском генерал-губернаторстве численность кыргызов не превышала 650 тыс. В 1926 г. только в пределах современной территории Киргизии численность достигла одного миллиона. Согласно данным переписи 1897 г., в двух уездах – Пржевальском и Пишпекском – насчитывалось 278,9 тыс. кыргызов.

Следующая перепись была проведена летом 1917 г., причем переписчики тогда работали весьма ответственно. В двух уездах, где проходило восстание 1916 г., через год проживало 324 тыс. кыргызов. Если за основу взять среднегодовой темп прироста, то можно посчитать рост численности населения. Если допустить, что восстания 1916 г. не было, то при 1,3-процентном среднегодовом темпе прироста кыргызского населения его численность с 1897 по 1917 г. должна была составить 357,6 тыс. Таким образом, разница составляет 33,6 тыс. человек. Надо учитывать, что это прямые и косвенные потери, включая погибших и тех, кто бежал в Китай, а также всех, кто мог родиться, но не родился у погибших, раненых или сбежавших людей.

А во время самого восстания 1916 г. погибло 4 тыс. кыргызов. Сегодня этими цифрами манипулируют и делают из этого события один из рычагов для управления общественным мнением, чтобы повлиять на отношения с Россией.

В принципе историками стран Центральной Азии неплохо изучены попытки использования ситуации восстания 1916 г. страна-

ми Тройственного союза в своих целях. Прежде всего, речь идет о попытках офицеров разведки турецкого генштаба повлиять на развитие событий в направлении масштабного неповиновения всего населения Туркестана властям. Предполагалось также под знаменем ислама вести «священную войну» против кафиров. Турецкие офицеры, а также туркестанские купцы – проводники такой политики делали попытки усиления противостояния на почве религиозной розни, имея целью открыть Туркестанский фронт против России.

### Усмирение восстания и бегство в Китай

Проблем в усмирении восстания, особенно после приказа о возвращении в Туркестан с фронта семиреченских казаков, не было. И дело здесь не только в техническом превосходстве оружия и организованного боя над беспорядочным нападением лавы джигитов. Восстание было стихийным бунтом без политических целей, поэтому после разгрома части поселений переселенцев оно потеряло смысл. При появлении регулярных войск повстанцы вынуждены были бежать, чтобы не быть уничтоженными.

Бегство в Китай было тяжелым. Путь был длинным и проходил по непроходимым тропам. Приходилось переходить совершенно незнакомые, высокие и труднопроходимые ледниковые перевалы. Пришлось переезжать вброд десяток больших рек и сотни малых горных речек, по несколько суток подряд ехать и идти по глухим и темным ущельям. Пришлось преодолевать знаменитые по высоте и крутизне перевалы Когур-Олан, Бедел, Ак-Огуз и Кызыл-Суу. Многие из этих перевалов и опасных путей пришлось пройти ночью. Остановки и передышки невозможны – сзади по следам беженцев следуют войска. Поэтому переход на китайскую территорию кыргызам-повстанцам обошелся чрезвычайно дорогой ценой – большими жертвами людей и скота. Потери были и в Китае. Для того, чтобы устроиться на новом месте, семьям приходилось подчас продавать в рабство девушек.

А через год после революции для многих людей повторился путь назад, столь же тяжелый физически. Конечно, это не могло не отложить тяжелый осадок в народной памяти. И называется эта трагедия «Уркун» – «Исход».

Последствия восстания были катастрофическими для местного населения, особенно в Киргизии, где сопротивление войскам было упорным, а бегство в Китай массовым. Потеря значительной части населения у кыргызов и других народов Туркестана, включая переселенцев разной этнической принадлежности, по большей части русских, ударила по хозяйственному порядку и климату доверия, который был в стране до трагических событий. Однако дальнейшая революция и гражданская война с господством идеологии классового противостояния надолго поменяли акценты. В дальнейшем советская власть старалась обойти некоторые факты и оценки, если они делались в духе национального противостояния. Считалось, что источником бед народа были действия бай-манапских элементов, поддерживавших до 1930-х гг. басмаческое движение.

### Механизмы памяти и будущее страны

Обычным механизмом памяти было устное предание. Пересказ событий, обрастаемый массой новых деталей, стал средством поддержания исторической памяти народа. Понятно, что рассказы по мере отдаления от событий прирастали новыми деталями.

Другой механизм – постоянные попытки национальной интеллигенции дать иную, нежели в канонической версии трактовку событий 1916 и последующих годов. Чаще всего это были версии национально-освободительной войны против русского гнета или в ослабленной версии за усиление статуса национального языка, сохранение традиционной культуры, мифологии и т. п., как это было в осужденных работах профессора Нурбекова, широко негласно обсуждавшихся в 1970-х гг.

В период революции, в Гражданскую войну и чуть позже национальная интеллигенция в Туркестане пыталась создавать национальные государственные образования. Неудача таких действий привела часть представителей ранее господствовавших классов к басмачеству и в дальнейшем к эмиграции. Некоторые из этих деятелей стали сотрудничать с Германией и участвовали в создании Туркестанского легиона Вермахта.

Однако здесь имеется крайне интересный факт: несмотря на более ожесточенный характер восстания, именно в районах Се-

верного Кыргызстана Туркестанский легион практически не получил притока кыргызов. Таким образом, вряд ли будет верным утверждать значимую связь между восстанием 1916 г., желанием отомстить за жертвы и деятельностью людей, предавших свою Родину. Это всецело миф.

В устной традиции влияние рассказов было значительным. В изучении истории данная тема была под негласным запретом, точнее она считалась опасной для карьеры историка.

Однако в советское время восстание не воспринималось в массовом сознании как национально-освободительная война, как столкновение на этнической почве и т. п. Не было пафоса взаимного противостояния различных частей общества. Подобные подходы появились только после 1991 г. Выстраивая суверенную национальную государственность, часть элиты приняла данную тему в разработку.

Постсоветские государства Центральной Азии стоят перед нелегкой дилеммой. Догонять так называемый цивилизованный мир надо (по крайней мере элиты в странах Центральной Азии формулируют такую задачу), но эта «догоняющая модернизация» чревата двумя опасностями – европеизацией элиты, архаизацией и исламизацией массы населения. Этот процесс переживают и постсоветские государства Центральной Азии. Здесь был реализован модернизационный проект в условиях управляемой дозированной демократии.

Часть элиты будет эксплуатировать архаику в обществе, помноженную на исламистские тенденции, и на этой основе укреплять свою власть. Так что усиление националистических трендов во внутренней политике центрально-азиатских режимов неизбежно и мифология восстания 1916 г. играет здесь не последнюю роль. Как, к примеру, «увязывание» георгиевских лент с карательными действиями войск против восставших и наградами за них. Якобы так чувствуется в массовом сознании местного населения.



БАХТУРИНА А.Ю. **Управление  
в Туркестанском крае  
накануне и во время  
восстания 1916 г.**

.....

**В**осстание в Туркестане 1916 г. заставило задуматься о причинах волнений на далекой и многие годы казавшейся стабильной окраине. В историографии выделяется комплекс причин, среди которых несовершенная система управления и непрофессионализм местной администрации. Эта версия появилась уже в 1916 г. и до последнего времени сомнению не подвергалась.

Система управления Туркестаном и ее юридическая основа создавались постепенно. В 1865 г. было издано Временное положение об управлении Туркестанской областью, согласно которому вся власть в новой области была сосредоточена в руках военных. В 1867 г. император утвердил новый проект управления Туркестаном, основным принципом которого было единство административной и военной власти и объединение ее в одних руках. В управлении Туркестанским генерал-губернаторством были соединены гражданская и военная власть. В 1886 г. было принято новое положение об управлении Туркестаном. Считалось, что необходимость в максимально широких полномочиях для Туркестанского генерал-губернатора отпала, поэтому все преобразования в управлении краем с конца 80-х гг. XIX в. шли в направлении отказа от чрезвычайных методов в управлении Туркестаном. Положением 1886 г. были установлены основные начала судебного устройства, поземельного устройства оседлого и кочевого населения, определены размеры налогов, земских повинностей.

Управление Туркестаном, за исключением суда, финансов, контроля, народного просвещения, почты и телеграфа, по Положению 1886 г. находилось в ведении военного министерства<sup>1</sup>. В историо-

<sup>1</sup> Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия): Сборник документов / Сост., редактор и автор вступительной статьи Ю.И. Семенов. М., 1997. С. 378.

графии довольно прочно утвердилось мнение о лидирующей роли военного министерства в управлении Туркестаном, но фактически Положение 1886 г. открыло широкие возможности для вмешательства различных ведомств в управление краем.

Полномочия генерал-губернатора и его канцелярии во внешнеполитических вопросах существенно сократились. В январе 1886 г. было учреждено Российское императорское политическое агентство в Бухаре – орган МИД. С 1899 г. внешнеполитические вопросы в Туркестане в целом также были поставлены под контроль Министерства иностранных дел. Они перешли в ведение дипломатического чиновника, находившегося в двойном подчинении и непосредственно занимавшегося связями с сопредельными странами. Однако стремление сконцентрировать все дипломатические дела в ведении чиновника внешнеполитического ведомства не было проведено в жизнь. За начальником Закаспийской области было оставлено право самостоятельно решать вопросы пограничных сношений с Ираном, а начальник Аму-Дарьинского отдела сохранил статус дипломатического представителя при хивинском хане.

Одновременно свобода действий генерал-губернатора была существенно ограничена по ведомственной линии и в конце XIX – начале XX в. находилась под жестким контролем военного министерства. Осуществлявшая этот контроль Азиатская часть Главного штаба принимала непосредственное участие в окончательном решении всех более или менее важных вопросов колониального управления. Законом на генерал-губернатора было возложено общее руководство и надзор за деятельностью всех органов управления, кроме государственного контроля и суда. В действительности все решения генерал-губернатор должен был согласовывать с соответствующими ведомствами.

Отсутствие у Министерства внутренних дел необходимых прав для вмешательства в управление Туркестаном привело к тому, что в крае отсутствовала полиция, что к началу XX в. превратилось в крайне сложную проблему. В итоге с 1905 г. полиция создавалась на частные средства<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Национальная политика в императорской России: Сборник документов. М., 1997. С. 380.

Вне ведомственного административного контроля в Туркестане находились конфессиональная мусульманская школа и мусульманское духовенство. В Российской империи имелся опыт государственного управления делами татарских и кавказских мусульман через муфтияты, находившиеся в ведении МВД. Первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман рассматривал вопрос о целесообразности создания муфтията в Туркестане, но вскоре оставил эту идею. Это было вызвано желанием не допустить какого-либо вмешательства МВД в деятельность туркестанской администрации.

Отсутствие системы контроля за деятельностью духовенства с конца XIX в. стало беспокоить русскую администрацию в Туркестане. Холерный бунт в Ташкенте 1892 г. и восстание в Андижане 1898 г., где явно прослеживалось участие духовенства, заставляли задуматься о правильности политики игнорирования. Вопрос о взаимоотношениях российских властей с мусульманским духовенством в Туркестане к началу XX в. становится все более актуальным.

В 1898 г. после андижанских событий Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской организовал комиссию для разработки проекта организации управления мусульманскими делами, которой поручил параллельно рассмотреть вопрос о создании органа управления мусульманским духовенством. Местная администрация высказалась против создания муфтията в Туркестане. Аналогичной позиции придерживалось и руководство военного министерства. Предложения МВД по созданию муфтията не были поддержаны. МВД на время отступило, но с конца 1904 г. начало энергично продвигать идею создания Туркестанского муфтията в правительстве, инспирировав поток соответствующих прошений от подчиненного ему исламского духовенства и верующих. Активность Министерства внутренних дел привела к тому, что Комитет министров на заседаниях 22 февраля и 1 марта 1905 г. высказался за учреждение в Туркестанском крае Особого управления по делам веры. Позиции министерства еще более усилились после издания царского указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., в котором перед МВД ставилась задача создания новых муфтиятов в разных регионах, в том числе в Туркестане. Опасаясь утраты своих позиций в Средней Азии, военное министерство в мае 1905 г. предложило Туркестанскому генерал-губернатору Н.Н. Тевяшеву подготовить для правительства документ,

в котором обосновывалась бы «вредность» учреждения муфтията в крае. 29 сентября 1905 г. Тевяшев направил такое представление, указывая в нем на то, что в Средней Азии никогда не было «официального духовенства» и оно испокон веков никем не управлялось. Тевяшев подчеркивал, что в течение сорока лет правительство стояло на верном пути, т. к. принцип игнорирования никаких недоразумений не вызывал и не вызывает. Он отметил, что создание муфтията превратит мусульманское духовенство Туркестана в особую касту и будет способствовать его консолидации во вред интересам империи.

Издание указа 17 апреля 1905 г. активизировало деятельность мусульман в Российской империи. III Всероссийский мусульманский съезд, прошедший в Нижнем Новгороде в 1906 г., рекомендовал создание в Туркестане и Семиреченской области особого Махкама-и-Исламия с Шейх-уль-Исламом во главе<sup>3</sup>. В мае 1907 г. депутаты Государственной думы от Туркестанского края обратились с аналогичной просьбой к П.А. Столыпину, которая была отклонена. В 1911 г. рядом представителей мусульман Туркестана был выдвинут проект образования самостоятельных духовных правлений и расширения прав муфтиятов. Департамент духовных дел МВД, военное министерство однозначно высказались против этого предложения. Чиновники обоих ведомств единодушно отмечали, что учреждение мусульманских крупных центров для заведования религиозной жизнью населения имеет политическое значение, если говорить о тенденциях к объединению мусульманского мира. Поэтому реформы в управлении мусульманскими делами были признаны нецелесообразными.

Идею об учреждении муфтията накануне войны последовательно отвергли Совецание по выработке основных начал преобразования управления Туркестанским краем (1908–1911 гг.) и Совецание по мусульманским делам при МВД (1914 г.). На последнем совещании снова ярко проявились разногласия между МВД и военным министерством. Последнее по-прежнему считало, что мусульманское духовенство Туркестана не нуждается ни в опеке своего муфтия, ни уфимского. Вплоть до 1917 г. мусульманское духовенство не было подчинено специальному органу, а правительство продолжало кауфмановскую политику. Этому способствовали, с одной стороны,

<sup>3</sup> III Всероссийский съезд мусульман. Казань, 1906. С. 10.

постоянные противоречия между МВД и военным министерством. Стремление военного ведомства к сохранению власти в крае заставляло его руководителей и туркестанскую администрацию искать все новые аргументы против создания муфтията. С другой стороны, правительство поддерживало эту тенденцию, несмотря на возникшие незадолго до Первой мировой войны сомнения в правильности прежнего курса. Решение следовать прежней религиозной политике в Туркестане было обусловлено боязнью распространения панисламизма в империи. Это обстоятельство существенно повлияло на решение вопроса об организации управления мусульманским духовенством в Туркестане. С учреждением там муфтията можно было ожидать большего сплочения мусульманского духовенства в Туркестане. Подчинение его Уфимскому муфтияту также казалось нежелательным, т. к. могло привести к установлению тесных связей с духовенством других областей и созданию в Российской империи мусульманского треугольника Туркестан – Поволжье – Крым. Кроме того, образование муфтията для туркестанской администрации означало возникновение еще одного учреждения, занимавшегося делами коренного населения и в силу своей специфики оторванного от местной русской администрации. Все это было крайне нежелательно, и муфтият в Туркестане создан не был.

Постоянные противоречия между МВД и администрацией Туркестана, стремившейся к независимости от министерства, привели к тому, что вплоть до 1917 г. сохранялось автономное положение мусульманского духовенства в Туркестане, а многочисленные попытки Уфимского муфтията установить там своей контроль оканчивались неудачей.

Мусульманские школы также находились практически вне контроля администрации. В Департаменте духовных дел МВД неоднократно обсуждался вопрос об организации такого контроля. Еще в 1879 г. на инспекторов народных училищ Туркестанского края была возложена задача наблюдения за мусульманскими школами. В 1889–1896 гг. была создана особая инспекция, занимавшаяся исключительно ими. Инспекция выполняла только надзорные и посреднические функции между мусульманскими школами и российской администрацией. В 1896 г. главный инспектор училищ Туркестанского края Ф.М. Керенский настоял на ликвидации центра-

лизованного надзора за деятельностью мусульманских конфессиональных школ. Необходимость этой меры он мотивировал тем, что надзор раздражает духовенство, считающее, что российские власти грубо вмешиваются в деятельность мактабов. В этом же году мусульманские учебные заведения были переданы в ведение местной администрации. Это резко снизило эффективность правительственного надзора за деятельностью мусульманских религиозных школ, т. к. местная администрация основное внимание уделяла организации работы русских школ<sup>4</sup>. Ликвидация единой системы надзора за мусульманскими учебными заведениями в Туркестане привела к их отрыву от краевой администрации, лишенной с этого момента достаточной информации, необходимой для выработки единой образовательной политики в крае.

К началу XX в. стали очевидны как недостатки организации административно-правовой системы управления краем по Положению 1886 г., так и недостатки избранного принципа управления в Туркестане в целом.

Примечательно, что предложения по изменению организации управления Туркестаном в конце XIX в. были связаны с волнениями среди коренного населения, которые участились с 1892 г. Генерал-губернатор А.Б. Вревский считал, что их причина заключается в изменении системы управления и предлагал поменять систему городского самоуправления, сократив представительство коренного населения до одной пятой от общего количества членов до тех пор, «пока обрусевшее поколение туземцев не окажется на высоте восприятия благодетельной самодержавия»<sup>5</sup>. Но законодательного оформления инициативы Вревского не получила.

Множество нареканий вызывала деятельность народных судов в Туркестане. В 1900 г. А.Н. Куропаткин внес в Государственный совет проект о народном суде в Туркестане, предлагая ограничить круг деятельности судей и установить непосредственный контроль администрации за деятельностью судов. Проект был отложен, а затем переработан комиссией Нестеровского. Комиссия была учреждена в Туркестанском генерал-губернаторстве в 1902 г. для

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 577. Л. 102–102 а.

<sup>5</sup> Абдурахимова Н.А. Из истории туркестанского чиновничества второй половины XIX – начала XX в. // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985. С. 45.

разработки нового Положения об управлении краем. Члены комиссии отмечали, что деятельность народных судов на основе законов шариата нарушает единство права в государстве, ведет к укреплению связи населения с мусульманским миром, а не с российским общеимперским центром. Эту позицию поддерживало большинство туркестанской администрации, считавшее, что существование народных судов было временной уступкой для более спокойного перехода края под власть России. Прокурор Ташкентской судебной палаты в этой связи писал, что «введение для всего Туркестана общеимперского русского суда послужило бы самым надежным средством к уничтожению обособленности, к объединению и слиянию инородцев с русскими». Хотя законодательство не изменилось, но к началу Первой мировой войны выборный принцип в формировании народного суда в Туркестане почти не действовал. Процедура утверждения казиев и биев русской администрацией привела к тому, что судьи стали фактически назначаемыми.

Незадолго до начала Первой мировой войны вопросы управления Туркестанским краем стали беспокоить не только краевую администрацию, но и правительство. В 1908 г. графом К.К. Паленом была проведена в Туркестане сенаторская ревизия. Во время ревизии Пален выявил ряд существенных недостатков в управлении краем. В области административного управления Пален считал, что сложности в управлении Туркестаном возникают вследствие несогласованных действий различных ведомств на территории генерал-губернаторства, каждое из которых ведет в крае свою политику и вопросы, затрагивающие Туркестан, решаются с позиции узковедомственных задач<sup>6</sup>. В связи с этим Пален предлагал восстановить права генерал-губернатора в Туркестане в том объеме, как это было при Кауфмане. Также Пален предлагал обратить особое внимание на низовое звено управления. В своем отчете он отмечал, что привыкшие подчиняться власти победителей «туземцы не считали бы нарушением своих прав, если бы, соединив русские селения в административном отношении с туземными волостями, во главе этой организации поставить назначаемого правительственной властью русского волостного стар-

<sup>6</sup> Вспеподданейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. 2. Административный строй. СПб., 1910. С. 99–125.

шину». Он предлагал создать единую систему местного управления, отказавшись от традиционных управленческих структур коренного населения. Пален писал о необходимости объединить русское и туземное население края «крепкими рамками единообразных административных учреждений», повсеместно усилить в крае русскую администрацию и ликвидировать те элементы военно-народного управления, которые ведут к «племенной розни и сепаратизму»<sup>7</sup>.

Состояние местной администрации, и особенно ее низового звена обращало на себя внимание военного ведомства. В 1912 г. военный министр В.А. Сухомлинов после своей поездки в Туркестан писал председателю Совета министров В.Н. Коковцову о состоянии управления. Он отмечал, что чиновников в крае недостаточно и русская администрация не обеспечивает должного порядка и безопасности. Полицейские органы на местах чрезвычайно слабы и «административная власть не имеет в руках никакой реальной силы, на которую она могла бы опираться в случае надобности»<sup>8</sup>.

Позднее, после восстания 1916 г., А.Н. Куропаткин в рапорте Николаю II в августе 1916 г. обращал внимание на то, что наиболее существенный недостаток в организации управления по Положению 1887 г. – свертывание полномочий русской администрации на уровне уездов. Он писал, что управление в крае организовано таким образом, что непосредственный контроль русской администрации над коренным населением отсутствует. Во-первых, в 1887 г. уездных начальников приравнивали к исправникам и этим отодвинули их от населения. Во-вторых, низовая администрация отличалась малочисленностью и материально обеспечивалась очень плохо. В итоге, заключил Куропаткин, «этими мерами передали фактическую власть над населением в руки туземной администрации: волостных казиев и биев. Эти туземные власти заслонили население от администрации и приобрели огромную силу»<sup>9</sup>.

Таким образом, незадолго до войны и после событий 1916 г. было отмечено, что одну из основных проблем в управлении Тур-

<sup>7</sup> Всеподданейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. С. 99–125.

<sup>8</sup> Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. СПб., 1998. С. 885.

<sup>9</sup> АВПРИ. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 252. Л. 27.



кестаном составляет крайне несовершенное низовое звено местной администрации.

После сенаторской ревизии Палена в 1911 г. началась работа Совещания для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем. Дискуссия разгорелась вокруг вопроса о ведомственной принадлежности генерал-губернаторства военному министерству или МВД. В работе совещания принял участие Туркестанский генерал-губернатор Самсонов, который активно поддерживал идею отказа от военно-народного управления и усиления низовой русской администрации. Члены Совета министров согласились с мнением Палена и Самсонова о том, что выборные должности в низовом звене управления представляют собой «искусственное насаждение» и решили полностью отказаться от выборного принципа на этом уровне. Было также поддержано предложение Самсонова о полной ликвидации народных судов и передаче их дел в мировые суды. При этом отмечалось, что народные суды поддерживают мусульманский фанатизм и противодействуют решению общегосударственных задач в Туркестане<sup>10</sup>. Таким образом, в ходе обсуждения новых принципов управления Туркестаном накануне войны вновь звучал вопрос о проблемах в низовом звене администрации и необходимости отказа от военно-народного управления. Последнее объяснялось тем, что в Туркестане мусульманское население стремится сблизиться с единоверцами в Турции и Афганистане, поэтому для сближения с Россией необходимо создание универсальных общеимперских органов для всего населения.

Совет министров выработал основные принципы преобразований в управлении Туркестаном. Они были одобрены императором 25 февраля 1913 г. Предполагалось отказаться от чрезвычайных подходов в организации управления, которые закрепились со времен завоевания Средней Азии. Было решено изменить подчиненность Туркестанского генерал-губернаторства, передав его из ведения военного министерства в распоряжение МВД. Но при этом в целях усиления власти генерал-губернатора представители различных ведомств в Туркестане, за исключением министерства император-

---

<sup>10</sup> Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 887.

ского двора, министерства юстиции, государственного контроля и государственного банка, должны были назначаться только по согласованию с Туркестанским генерал-губернатором<sup>11</sup>. Также разрабатывалась целая серия мер по надзору за культурной жизнью мусульманского населения: создание инспекции мусульманских школ, цензурные учреждения и особого управления для наблюдения за жизнью местных мусульман. Для упорядочения правовой сферы планировалось сократить компетенцию народных судов, изменить порядок выборов народных судей. Но новое положение об управлении Туркестаном не было составлено в окончательном виде и не поступило на рассмотрение в Государственный совет и Государственную думу.

В целом преобразования в Туркестане, которые готовились накануне войны, должны были в первую очередь затронуть систему административного управления, расширить права генерал-губернатора, усилить штаты местной администрации. Готовилось преобразование судебной системы и слияние ее с общеимперской. Предполагаемые реорганизации практически не затрагивали культурную и религиозную жизнь мусульманского населения Туркестана. Правительство и туркестанская администрация пытались установить контроль над мусульманским духовенством и профессиональной школой накануне войны, но шаги в этом направлении были крайне осторожными и существующего порядка практически не нарушили.

Начало войны не внесло никаких коренных изменений в управление Туркестаном. Среднеазиатские окраины считались самыми спокойными территориями Российской империи. Ситуация изменилась в 1916 г., когда там начались волнения местного населения. Толчком к восстанию послужило решение о мобилизации коренного населения на тыловые работы. Этому решению предшествовал ряд административных процедур, на которых хотелось остановиться подробнее.

Вопрос о воинской повинности для инородческого населения Российской империи обсуждался еще в 1910 г. в межведомственной комиссии по пересмотру устава воинской повинности. Следует от-

---

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 613. Л. 87–92.

метить, что население Туркестана на тот момент не несло воинской повинности; комиссия обсуждала вопрос о призыве на воинскую службу как представителей коренного, так и местного населения. При принятии решения комиссия учла заключение Туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов края, которые высказались против призыва инородцев. В результате комиссия, «приняв во внимание заключение Туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов края, постановила привлечь к воинской повинности на общем основании русское население». Но применение этой меры ко всем инородцам Туркестана было решено отложить на неопределенное время<sup>12</sup>. Таким образом, при обсуждении вопроса в 1910 г. была полностью соблюдена соответствующая административная процедура, согласно которой все решения, касающиеся национальных окраин, принимались с учетом мнения местной администрации.

13 августа 1915 г. Азиатская часть Главного штаба была запрошена членами Государственной думы и Государственного совета о возможности привлечения к защите Родины инородческого населения окраин, в том числе Туркестанского края<sup>13</sup>. Запрос был переадресован в Ташкент и 21 августа получен ответ временно исполняющего обязанности Туркестанского генерал-губернатора Ф.В. Мартсона. Он телеграфировал: «Призыв туземцев в ряды армии даже как временная мера в настоящую войну при религиозном единстве их с народностями, настроенными к нам враждебно, может вызвать крупное брожение и создать благоприятную обстановку для выступления Афганистана и Персии...»<sup>14</sup>

23 ноября 1915 г. в Совет министров обратился военный министр с предложением привлечь к воинской повинности освобожденных от нее инородцев. Предложение было отклонено и передано на отзыв в МВД<sup>15</sup>. На заседании Совета министров 27 ноября 1915 г., где обсуждался этот вопрос, товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий заметил, что коренному населению Туркестана, в частности киргизам, «чуждо понятие о России как об отечестве,

<sup>12</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4462. Л. 1.

<sup>13</sup> Там же. Л. 1.

<sup>14</sup> Там же. Л. 5.

<sup>15</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 89. Л. 25.

которое долг их защищать. Напротив, к воинской повинности они питают непреодолимое отвращение»<sup>16</sup>.

Летом 1916 г. в Ставке состоялось совещание о производстве работ по устройству оборонительных сооружений в прифронтовых местностях. Выяснилось, что нужно мобилизовать 1 млн человек. Совет министров обсуждал эту проблему 3, 6 и 14 июня 1916 г. Во время обсуждения Управление воинской повинности МВД послало секретную депешу на имя Туркестанского генерал-губернатора. В ней сообщалось, что Совет министров в принципе одобрил законопроект о привлечении инородцев, но считает необходимым собрать дополнительные сведения. При этом управление просило генерал-губернатора ответить на вопрос: не следует ли опасаться каких-либо затруднений при призыве инородцев. Примечательно, что независимо от ответа туркестанской администрации последовало высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. о наборе рабочих для нужд действующей армии<sup>17</sup>. При этом во втором пункте высочайшего повеления говорилось, что министр внутренних дел и военный министр должны разработать подробные правила набора инородцев. Затем последовал циркуляр МВД от 27 июня 1916 г. за подписью Б.В. Штюмерера «О привлечении реквизиционным порядком инородцев к строительным работам в районе действующей армии». Им предписывалось с кратчайший срок провести призыв инородцев<sup>18</sup>. Никакие правила проведения призыва коренного населения Туркестана на тыловые работы разработаны не были. Указ был опубликован в то время, когда местное население приступило к сельскохозяйственным работам.

После появления циркуляра МВД в Ташкенте 2–3 июля 1916 г. состоялось совещание у исполняющего обязанности Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева с участием губернаторов Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. Участники совещания решили, что с мобилизацией справится волостная и сельская администрация из числа коренного населения. Они считали, что «опасаться выступления, эксцессов против реквизиций нет оснований, надо только разъяснить и наиболее усердным

<sup>16</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 89. Л. 25.

<sup>17</sup> Исторический архив. 1997. № 2. С. 7.

<sup>18</sup> Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 934.

пообещать медали»<sup>19</sup>. Против такого подхода выступил военный губернатор Ферганский области А.И. Гиппиус. Он возражал против привлечения низовой администрации к набору рабочих. Гиппиус отмечал, что обеспеченные классы постараются сделать так, что вся тяжесть набора упадет на бедноту и может привести к возмущению народа. Гиппиус внес конкретные предложения по организации набора: ввести денежную повинность для богатых и рабочую для бедноты, а также нанимать рабочих за плату. Фактически Гиппиус предложил разработать правила, которые не были разработаны в МВД и военном министерстве. Он считал, что при таком подходе мобилизация станет похожа на привычные для населения натуральные повинности, но его предложения учтены не были.

Итак, Туркестанская губернская администрация фактически передоверила проведение мобилизации рабочих низовой администрации. Как отмечал позднее прокурор Ташкентской судебной палаты в рапорте министру юстиции, наблюдалось довольно прохладное отношение российских чиновников к своим обязанностям. В некоторых случаях они приказывали собрать местное население для разъяснений указа, а сами эти собрания не посещали, что открывало возможности для распространения самых невероятных слухов<sup>20</sup>. Как отмечал позднее А.Н. Куропаткин, «чины администрации оказались неосведомленными о том, как отнесется население к призыву рабочих». «Чины администрации были не осведомлены о действиях волостных»<sup>21</sup> и «послали старшин и разных русских “статистиков” делать населению перепись. Население во многих местностях возмутилось, перебило свою туземную администрацию, перебило “статистиков”»<sup>22</sup>.

Беспорядки начались 13 июля 1916 г. в Джизакском уезде Самаркандской области и чрезвычайно быстро переросли в восстание. Примечательно, что туркестанская администрация первоначально расценила эти события как случайный эпизод. Убеждение в этом было настолько сильным, что Джизакский уездный начальник Рукин, получив сообщение о начавшихся беспорядках в старом

<sup>19</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89. Л. 77.

<sup>20</sup> Там же. Л. 76 об.

<sup>21</sup> АВПРИ. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 252. Л. 27 об.

<sup>22</sup> Красный архив. 1929. № 3. С. 47.

городе, пошел туда пешком, не взяв с собой даже шашки, в сопровождении только одного переводчика и погиб<sup>23</sup>.

Более стабильной оказалась обстановка в Фергане, где генерал-губернатор А.И. Гиппиус 16 июля 1916 г. разослал воззвание к населению, где заявил, что на тыловые работы будут отправлены только добровольцы. Гиппиус был не одинок в своих попытках скорректировать решения о мобилизации. Так, в Акмолинской области было принято решение об освобождении от призыва мулл, учителей, фельдшеров, переводчиков при учреждениях и должностных лиц, писарей при волостных управителях<sup>24</sup>. За самостоятельное произвольное толкование указа по инициативе военного министра Д.С. Шуваева 14 августа 1916 г. Гиппиус был отстранен от должности военного губернатора. Пытаясь объяснить свои действия в Фергане, Гиппиус писал: «Я, не убоившись ответственности, стал распоряжаться самостоятельно <...> имея в виду лишь одну государственную пользу»<sup>25</sup>. Примечательно, что, объясняя свои действия, Гиппиус также ссылался на действующее законодательство, разрешающее превышение власти в чрезвычайных обстоятельствах. «Военные губернаторы, не посмевающие в нужный момент распоряжаться смело и решительно, с превышением власти довели дело до того, что беспорядки разгорелись, перекинулись и на религиозную, и на политическую почву, приняли характер настоящего восстания... И только одна Ферганская область вышла вполне благополучно из этой смуты... потому что я... стал распоряжаться самостоятельно»<sup>26</sup>. Следует обратить внимание на административный аспект дела Гиппиуса. Военный министр Д.С. Шуваев считал, что военный губернатор Ферганской области нарушил воинскую дисциплину, а А.И. Гиппиус настаивал на том, что он управлял гражданским населением и должен был опираться на гражданское законодательство, в том числе на ст. 340 Уложения о наказаниях, разрешавшую превышение власти в чрезвычайных обстоятельствах. Возникший конфликт показал, что двойственный характер организации управления в Туркестане и подчинение гражданской по сути администрации военному ведомству может при-

<sup>23</sup> Исторический архив. 1997. № 2. С. 9.

<sup>24</sup> Красный архив. 1929. № 3. С. 47–49.

<sup>25</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 89. Л. 426.

<sup>26</sup> Красный архив. С. 47.

вести к серьезным противоречиям. Действительно, будь Гипшиус гражданским губернатором, его действия были бы объяснимы, а как военный губернатор он был обязан выполнять распоряжения по линии военного министерства.

Для скорейшего урегулирования ситуации на пост Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа 8 августа 1916 г. с поста командующего Северо-Западного фронта был переведен генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, имевший двадцатилетний опыт службы в Туркестане.

В рапорте на имя императора Куропаткин попытался выделить причины восстания. Среди них, по его мнению, не последнее место занимали административные проблемы. Во-первых, создание низовой администрации из представителей коренного населения, малочисленность русской администрации и, во-вторых, то обстоятельство, что новое Положение по управлению краем так и не было принято. Он подчеркивал, что в проекте Положения предусматривалось усиление областной и уездной администрации и «объединение в областных правлениях и уездных съездах представителей различных ведомств»<sup>27</sup>. Административный аспект упоминали и другие государственные деятели. Т.В. Котюкова отмечает, что версия «административной ошибки была наиболее характерной для представителей власти», но оставалось выяснить, чья это ошибка<sup>28</sup>.

Сразу же после начала восстания различные ведомства – МИД, МВД и военное министерство попытались переложить ответственность друг на друга. В секретной телеграмме от 16 июля 1916 г. управляющий 3-м политическим отделом МИД В.О. Клемм отмечал: «Призыв туземцев Туркестана и других окраин состоялся без участия и даже без ведома МИД, Главного штаба и Туркестанского генерал-губернатора»<sup>29</sup>. Действительно, все вышеназванные ведомства были поставлены перед свершившимся фактом. Это обстоятельство являлось нарушением действовавшего законодательства. В ст. 205 Учреждения министерств говорилось, что мероприятия общеимперского значения в местностях, находящихся под управлением генерал-гу-

<sup>27</sup> АВПРИ. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 252. Л. 31 об.

<sup>28</sup> Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 117.

<sup>29</sup> АВПРИ. Среднеазиатский стол. Д. 343. Л. 191.

бернатора, принимаются только «по предварительном истребовании соображений и заключений» последнего.

Чиновники российского МИД ответственность за принятие этого решения единодушно возлагали на МВД, а ошибки, допущенные в циркуляре МВД от 26 июня 1916 г., объясняли малой осведомленностью министерства о туркестанских делах. Управляющий Министерством внутренних дел А.Д. Протопопов считал, что отвечать должно военное ведомство, поскольку «оно все это затеяло, а МВД выполняло»<sup>30</sup>. Военный министр С.Д. Шуваев считал, что основную ошибку допустило МВД, направив на места циркуляр о скорейшем призыве инородцев<sup>31</sup>. А.Н. Куропаткин в дневниковой записи от 31 июля 1916 г. отмечал, что «... Штюрмер и Шуваев сделали все возможное, чтобы возбудить население. Приказание о соборе туземцев отправлено Штюрмером без запроса начальствующих лиц на местах и получения их мнения о порядке и сроках приведения высочайшей воли о призыве населения к работам»<sup>32</sup>.

По инициативе общественного деятеля Туркестана эсера В.А. Чайкина в августе 1916 г. была организована поездка членов думской фракции в Туркестан, тогда же сюда приехал А.Ф. Керенский. По итогам поездки в Туркестан были составлены три запроса думских депутатов, поданных 19 ноября 1916 г. председателю Совета министров, военному министру, министрам внутренних дел и юстиции. В них указывалось, что в ходе мобилизации было нарушено действующее законодательство, имели место должностные преступления местной бюрократии. Во время обсуждения туркестанской проблемы в Думе в декабре 1916 г. в выступлении С.П. Мансырева вновь прозвучало указание на архаичный характер местного управления как одну из причин восстания<sup>33</sup>.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют говорить о том, что решение о мобилизации было принято при обоюдном согласии Совета министров, военного министерства, Ставки и МВД<sup>34</sup>. При подготовке текста высочайшего повеления о призыве «туземцев» не было учтено то, что в Туркестане никогда не велась перепись ино-

<sup>30</sup> Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 930.

<sup>31</sup> Там же. С. 930.

<sup>32</sup> Красный архив. 1929. № 3. С. 46–47.

<sup>33</sup> Национальный вопрос в Государственных думах России. М., 1999. С. 195–199.

<sup>34</sup> Дякин В.С. Указ. соч. С. 930.



родческого населения. В результате призыв мужчин от 19 до 43 лет было невозможно осуществить, не проведя предварительную перепись. Составление списков лиц, подлежащих призыву, было поручено казиям и биям, которые по-своему толковали императорский указ.

События 1916 г. дали повод новому Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину, как это уже было в 1892 и 1887 гг., обратиться к императору с проектом образования в Средней Азии единого военного и административного района<sup>35</sup>. Осенью 1916 г. Куропаткин начал разрабатывать новое положение по управлению краем. После событий 1916 г. правительство вновь вернулось к туркестанской проблеме. А.Н. Куропаткин считал, что политика «благожелательного попечительства» и расширение прав «туземной администрации» в низовом звене управления себя не оправдали. В итоге он пришел к выводу о том, что основные причины восстания – кадровые и административные, а именно: малочисленность и общая неподготовленность русского административного аппарата, неправильные приемы управления, отсутствие твердой правительственной программы в управлении Туркестаном, частая смена чинов российской администрации и недостаточное знание края и населения.

На основе предложений Куропаткина к 1 февраля 1916 г. был разработан проект нового положения по управлению Туркестанским краем. Проект предполагал усиление власти генерал-губернатора, областной и уездной администрации. Планировалось объединить в областных правлениях и уездных съездах деятельность представителей различных ведомств, также признавалось необходимым увеличить количество чинов администрации и полиции. Одновременно с сентября 1916 по февраль 1917 г. было отстранено от должности около десятка волостных управителей, ряд сельских старшин. Более масштабные увольнения прошли среди российских чиновников, были отстранены от должности военные губернаторы Галкин, Лыкошин и другие, а также многие чины областной и уездной администрации.

Ведомственная разобщенность в управлении Туркестанским краем представляла собой весьма серьезную проблему с конца XIX в. Восстание 1916 г. показало, к каким пагубным последствиям может привести несогласованная деятельность различных министерств.

<sup>35</sup> РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ч. 1. Д. 373, 429.

ГАФАРОВ Н.У.

## Худжанд (Ходжент) – колыбель среднеазиатского восстания 1916 г.

---

**В**осстание 1916 г. в Туркестане как одно из наиболее значимых событий в истории народов Средней Азии и Казахстана XX в. привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей и широких кругов общественности. Предпосылки восстания, его начало, ход, движущие силы, характер, поражение и уроки в Ходженте – таков круг вопросов, на которых нам хотелось бы остановиться.

Предпосылки восстания сложились в годы Первой мировой войны, принесшей миллионам людей невосполнимые утраты, лишения и страдания. Война оказала разрушительное воздействие на экономику не только метрополии, но и колониальные окраины, в том числе регионы с таджикским населением. К 1916 г. население Ходжента состояло главным образом из кустарей, а в волостях преобладали батраки, чайрикеры и безземельные дехкане. Мировая война губительно влияла на их экономическое положение. Местные баи, ишаны и спекулянты использовали тяжелое положение рабочих и дехкан, доводя их угнетение до последних пределов<sup>1</sup>.

Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, был царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве «инородцев» – населения национальных окраин России в особые дружины для тыловых работ. Согласно разработанному генерал-губернатором Туркестана плану, предполагалось произвести набор 250 тысяч мужчин 19–43-летнего возраста<sup>2</sup>.

Позднее в связи с острым недостатком рабочих рук внутри края и недовольством местного населения число призываемых было

---

<sup>1</sup> Коммунистическая мысль. Ташкент. 1927. № 5. С. 137.

<sup>2</sup> История таджикского народа. Т. IV. Позднее Средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) / Под ред. Р.М. Масова. Душанбе, 2010. С. 816.

снижено до двухсот тысяч<sup>3</sup>. Ходжентский уезд согласно разверстке должен был выставить 8140 человек рабочих-тыловиков, из них на город Ходжент приходилось 2708 человек<sup>4</sup>.

29 июня 1916 г. начальник Ходжентского уезда подполковник Н.Б. Рубах получил от вышестоящих царских органов по телеграфу предписание об ускорении царского указа о наборе рабочих для тыловых работ. В этот день он вызвал городского пристава и приказал ему немедленно приступить к выполнению царского указа. На совещании было объявлено о наборе рабочих по уезду в количестве 8948 человек<sup>5</sup>. Полицейский пристав города Ходжента штабс-капитан Устимович, получив предписание своего уездного начальника, 2 июля 1916 г. вызвал к себе старшего аксакала города Мирзо Баходура, казия (судью) Саида Ахмадходжи Бузургходжаева, должностных лиц местной администрации, богатых жителей и объявил им о царском указе. Местная байская верхушка обещала оказать всяческую поддержку в осуществлении набора рабочих<sup>6</sup>.

Утром 3 июля полицейский пристав Устимович созвал в здании полиции расширенное совещание пятидесятников (эликбоши) города, на котором присутствовало 85 человек из 116 приглашенных. На совещании, кроме старшего аксакала и казия, присутствовали депутат городской думы Мирзо Муинов, крупный торговец и землевладелец Камилджан Алимджанов, представитель местной администрации Мирза Кабил Умаров, старшина Бобо Рахим, а также чиновники и местные богачи. Совещание должно было разработать меры, обеспечивающие немедленное составление списка по набору. После оглашения телеграммы о призыве населения на тыловые работы собравшиеся начали просить пристава отсрочить составление списков до появления таковых в других городах Туркестанского края. На совещании присутствовали не все пятидесятники, так как напуганные народным возмущением не все явились на сбор, поэтому было решено в этот же день вечером собраться у мечети Шайха Муслихитдина.

<sup>3</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960. С. 77.

<sup>4</sup> Хайдаров Г. О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана // Известия Академии наук Таджикской ССР: Отделение общественных наук. 1967. № 1 (47). С. 23.

<sup>5</sup> Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 339.

<sup>6</sup> Раджабов З.Ш. Шуриши соли 1916 дар музофоти Худжанд. Сталинобод, 1955. С. 23.

Вечером 3 июля у мечети Шайха Муслихитдина собралось новое совещание с участием широкого круга имущих слоев города. Пристав города через переводчика Аюба Собирджонова объявил об указе и объяснил, что надо немедленно приступить к составлению списков по возрастам. Собравшиеся потребовали от Устимовича прекратить или на некоторое время отложить составление списков до окончания месяца Рамазан (мусульманского поста), который начался 19 июня и должен был завершиться 19 июля мусульманским религиозным праздником<sup>7</sup>. Собравшиеся потребовали у полицейского пристава отмены набора рабочих и уничтожения составленных списков с фамилиями будущих «тыловиков». Однако Устимович наотрез отказался выполнить требование народа и настаивал, чтобы пятидесятники приступили к составлению списков не позже следующего утра, после чего, не видя причин для беспокойства, уехал и не доложил о случившемся начальнику Ходжентского уезда<sup>8</sup>.

Указ о «реквизиции инородцев» был объявлен неожиданно, он нарушил сложившееся положение, по которому население Туркестанского края уже более пятидесяти лет не призывалось на военную службу и тыловые работы. Среди местного населения существовало определенное убеждение, что многочисленные «пожертвования» на нужды войны заменят воинскую повинность. В официальных документах не раз говорилось о том, что жители Туркестана освобождены от воинской повинности. Указ 25 июня 1916 г. коснулся в основном бедных семей, где призывники являлись единственными кормильцами. Что касается представителей местной администрации, то согласно инструкции к указу должностные лица, духовенство и имущие слои населения освобождались от призыва, им поручалось составление списков лиц, призываемых на тыловые работы. Все это еще более усилило ненависть простого народа к царской и местной администрации. Изъятие значительной массы рабочих в самый разгар летней сельскохозяйственной страды ставило население в крайне тяжелое экономическое положение. Это был вынужден признать сам генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин в рапорте на имя царя<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в. (1870–1917). Душанбе, 1963. С. 134.

<sup>8</sup> Уэльс А. К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте // Революционный Восток. 1936. № 4. С. 80.

<sup>9</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 93.

В колониальной «кухне» началась настоящая суета и круговерть: никто толком не знал, каким образом выполнять царский заказ. Было решено дело практического набора тыловых рабочих поручить волостной и сельской «туземной» администрации. Иначе говоря, дело государственной важности доверялось местным баям и феодалам. Спешная и сложная бюрократическая работа вертелась на холостом ходу, не выходя за пределы канцелярий губернаторов и уездных начальников. Она сразу же натолкнулась на сопротивление народных масс, поднимавшихся на борьбу против войны, против царизма и колониально-феодального гнета.

Дело в том, что мобилизация на тыловые работы была воспринята коренным населением как насилие над бытовым укладом, элементарными правами и материальным положением местных национальностей. В довершение всего царское правительство, вводя военно-трудовую повинность на восточных окраинах, в спешке «забыло» отменить 21-процентный военный налог, введенный в начале войны в связи с освобождением коренного населения от воинской повинности.

Мобилизация усугубляла действие причин, порожденных колониальным положением края, она усиливала колониальную эксплуатацию народов, ибо семьи трудящихся лишались кормильцев, причем самых работоспособных возрастов, которых угоняли в далекую европейскую часть империи в пекло кровавой бойни. Мобилизация усиливала феодальный гнет, т. к. проводилась «туземной» феодально-байской администрацией, которая увидела в мобилизации новый источник эксплуатации и вымогательства по отношению к населению. Большую помощь Ходжентскому уездному начальнику должны были оказать знатные люди города – старший казий старгородской части города Ходжента Саид Ахмаджон, депутат городской думы Муминов, староста Ходжента Мирзо Баходур, известный бай Аминджанов, старшина уезда Ходжа Юсуф и др.<sup>10</sup>

Волостные, пятидесятники, мирзы, муллы, купцы и баи путем подкупа жадных на деньги царских чиновников вместо себя и своих родственников заносили в списки мобилизованных исключительно бедняков и обездоленных, платя за это незначительную сумму.

<sup>10</sup> История таджикского народа. Т. IV. Позднее Средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). С. 806.

Подобные несправедливости, допускаемые «туземной» администрацией, вызывали гнев и возмущение трудовых слоев населения. В жилых кварталах, чайханах, мечетях, на базарах возмущенные люди открыто выступали против мобилизации и требовали отправки на тыловые работы также сыновей богатей.

Царский указ от 25 июня 1916 г. был лишь искрой, вызвавшей в условиях накаленной атмосферы вспышку народного гнева. Он сыграл роль катализатора, ускорившего начало одного из крупнейших восстаний народов Средней Азии против колониальной системы Российской империи и деспотии местных угнетателей. Далеко не последнее место в цепи причин восстания занимали волокита и бюрократизм, анархия и произвол, которые допускались местной администрацией при осуществлении указа о наборе рабочих. Исполнение «высочайшей воли» местной администрацией осуществлялось без всякой предварительной подготовки. Важным элементом во всей кампании по набору рабочих было составление списков мобилизуемого мужского населения, но в этой работе допускались явные нарушения и беззакония. Богатые откупались от мобилизации, на работы забиралась беднота.

Уроженец Ходжента Джура Закиров (1894–1929 гг.), который вместе с другими земляками был в 1916 г. отправлен в Россию, в своих воспоминаниях писал, что «вся тягость набора легла, конечно, на плечи бедняков-трудящихся, а байские сынки спокойно остались в своем родном городе»<sup>11</sup>. Следует отметить, что Джура Закиров, попавший на тыловые работы на завод в Бердянске (ныне – город Осипенко), впоследствии стал членом Бердянского Совета рабочих и солдатских депутатов и сыграл видную роль в установлении советской власти в Туркестанском крае<sup>12</sup>.

Таким образом, мобилизация на тыловые работы несла коренному населению новые моральные и материальные лишения. Ее объявление стало ближайшей причиной изменения обстановки в крае и перехода народных масс из пассивного состояния в активное возмущение.

<sup>11</sup> Закиров Дж. Ходжент в дни революции // Революция в Средней Азии (Сборник воспоминаний). Сталинабад-Самарканд, 1931. С. 190.

<sup>12</sup> См.: Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны (1916 – май 1917). Ташкент, 1957. С. 160–161.

Народы Туркестана ответили на новый акт колониальной политики царизма движением сопротивления, демонстрациями протеста. В Ходженте выступление народных масс началось с резкого протеста против набора и требования дать отсрочку или заменить набор денежной повинностью. Волнение народа началось еще 3 июля, о чем было немедленно сообщено военному губернатору Самаркандской области. В ответ на имя Н.Б. Рубаха вечером 3 июля от военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина поступила следующая телеграмма: «Во избежание всеобщего восстания, временно приостановить составление возрастных списков по набору рабочих»<sup>13</sup>.

Всю ночь с 3 по 4 июля в городе было беспокойно. Жители собирались небольшими группами в домах и обсуждали царский указ. В семь часов утра 4 июля 1916 г. полицейский пристав Устимович вместе с пятью старшинами и двумя младшими полицейскими приехал к старшине (аксакалу) в его канцелярию, которая находилась в квартале Гузари Охун, для наблюдения за ходом составления списков горожан, подлежащих мобилизации на тыловые работы. Не застав в канцелярии никого из старшин и пятидесятников, Устимович разослал полицейских найти и привести их. Спустя некоторое время они явились к приставу в сопровождении большого количества горожан. Как подчеркивается в документах следственной комиссии, «... к толпе присоединились женщины и дети, толпа вскоре начала шуметь, раздался вой, плач женщин, выкрики из толпы: “Дод!” (“помогите”), “Арз” (просьба) и др. Слышались более решительные голоса: “Рабочих не дадим!”, “Лучше умереть” и др.»<sup>14</sup>. Вот как отмечен этот эпизод в архивных документах: «В толпе было много женщин, подростков и детей, которые громко плакали и кричали, а женщины бросились в ноги приставу»<sup>15</sup>.

В это время некоторые лица, только что приехавшие из Самарканда, принесли известие, что там составление списков отмене-

<sup>13</sup> Цит. по: История таджикского народа. Т. IV. Позднее Средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). С. 818.

<sup>14</sup> Искандаров Б.И. Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии // Известия Академии наук Таджикской ССР: Отделение общественных наук. 1967. № 1 (47). С. 12.

<sup>15</sup> Цит.: Кастельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М.: Наука, 1972. С. 93.

но<sup>16</sup>. Эти слухи еще больше усилили возбуждение народных масс Ходжента.

Пристав Устимович и помощник начальника уезда В.К. Арцишевский стали уговаривать Н.Б. Рубаха выйти к собравшимся и попросить их разойтись по домам. Но Рубах категорически отказался выйти к народу. К этому времени к восставшим жителям квартала Калаинав присоединились жители квартала Раззок. Это были в основном ремесленники в количестве более пятисот человек, а также жители кишлаков Румон и Пуличукур. Около канцелярии полицейского пристава собралось около восьми тысяч человек. Они требовали разорвать составленные списки. Толпа стала требовать самосуда старшего аксакала и народного судью (казия), но получив отказ в выдаче названных лиц, стала напирать на канцелярию, где они прятались. Здесь следует отметить, что народ Ходжента ненавидел казия Саида Ахмаджона, который все скандальные дела решал после получения взятки<sup>17</sup>.

К народу вышли представители колониальной власти, казий Бузургоджа и именитые баи Ходжента, пытавшиеся уговорить собравшихся разойтись, однако те продолжали настаивать на уничтожении списков по набору. В общем людском гуле особенно выделялись голоса возмущенных женщин в парандже. Кстати сказать, женщины-мусульманки впервые участвовали в народном движении.

В.К. Арцишевский приказал старшему аксакалу города уговорить собравшихся разойтись, но народные массы, увидев его, начали еще больше и громче кричать<sup>18</sup>. Повстанцы потребовали выдачи списков по набору, чтобы их уничтожить. Везде были слышны возгласы: «дафтарро те!» («дай тетрадь»)<sup>19</sup>. Видя происходящее, В.К. Арцишевский благодаря помощи местного богача Алибая сел в фаэтон во дворе канцелярии и уехал на железнодорожную станцию<sup>20</sup>.

Вскоре восьмитысячная толпа переходит к активным действиям, начинает теснить полицейское отделение, выхватывает винтовки у блюстителей порядка. Перепуганные полицейские скрылись

<sup>16</sup> Уэльс А. К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте. С. 81.

<sup>17</sup> Из воспоминания участника восстания 1916 года в Ходженте Яхёходжи Орифова // Известия Академии наук Таджикской ССР: Отделение общественных наук. 1967. № 1 (47). С. 76.

<sup>18</sup> Каримов Т. Шуриши соли 1916 дар Тоджикистон. Душанбе, 1966. С. 62.

<sup>19</sup> Турсунов Х.Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 218.

<sup>20</sup> Раджабов З.Ш. Шуриши соли 1916 дар музофоти Худжанд. С. 27.



во внутренних помещениях. Пристав Устимович приказал полицейским Полюцкому, Дьядову, Фазылбаеву и другим отгеснить народ от крыльца полицейской канцелярии. Но жители оказали им упорное сопротивление. Повстанцы с палками и камнями в руках стали напирать на блюстителей порядка. Некоторые срывали погоны с полицейских, другие наносили удары по головам, а третьи пытались отобрать у них оружие.

4 июля 1916 г. военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин направил на имя исполняющего должность генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофееву телеграмму, в которой отмечалось, что в 3 часа дня он получил от Ходжентского уездного начальника депешу следующего содержания: «Сегодня в канцелярии пристава собралась огромная толпа туземцев, недовольная реквизицией труда. Буйствовали, напали на полицейских. Предварительное ознакомление, уговоры не действовали. Четыре нижних чина дежурной части по собственной инициативе прибыли на помощь милиции. После того как у одного из них туземцы осмелились забрать ружье, был произведен выстрел, за которым остальные дежурные части команды произвели пятнадцать выстрелов в толпу. Убито двое, ранен один. Толпа разошлась. Приняты все меры для водворения порядка...»<sup>21</sup>

В рапорте начальника Ходжентского гарнизона Н.Б. Рубаха царю Николаю II о событиях в городе Ходженте от 7 июля 1916 г. отмечалось, что «4 сего июля, днем, в г. Ходженте толпа туземцев-горожан, явившись в канцелярию полицейского пристава, требовала отмены составления списков рабочих, предполагаемых к отправке на работы в тылу армии по повелению Е. И. В. от 25 июня сего года. Несмотря на разъяснения и уговоры полицейских властей разойтись, толпа продолжала шуметь и требовать. Когда же полицейские стали оттеснять толпу, туземцы оказали сопротивление, нанося им побои»<sup>22</sup>.

По приказу Рубаха для усмирения восставших направили солдат гарнизона. Развернувшись в цепь, солдаты стали теснить народ. Тем временем полицейский Дьяков ударил Машарипова шашкой по руке. Все возмутились и бросились на солдат и полицейских,

<sup>21</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 103–104.

<sup>22</sup> Там же. С. 105.

стараясь их разоружить. Солдаты не выдержали натиска и стали отступать к крепостным воротам. С крепостной стены началась пальба по безоружному народу. Пролилась невинная кровь: 80-летний Акил Нематшейхов и 23-летний Мухаммадхон Миробидов погибли, а Мирзоджон Мирфозилов был тяжело ранен. Началась паника и суматоха. Перепуганная толпа мгновенно разбежалась.

К середине дня 4 июля 1916 г. в Ходженте насчитывалось уже двести солдат и казаков с артиллерией и пулеметами, к вечеру того же дня город был объявлен на военном положении. Затем с санкции Туркестанского генерал-губернатора был издан приказ, которым строжайшим образом запрещалось скопление местного населения и даже выход на улицу. Жители города не могли свободно ходить за водой на реку Сыр-Дарью, а те, кто на свой риск днем ходили за водой, жестоко наказывались. Только после указанных мер царская администрация с городскими депутатами Муминовым, Умаровым и крупным торговцем Абиджановым приступили к составлению списков рабочих.

Между тем уговоры и увещания со стороны местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, под конец все это вылилось в форму открытого восстания. Касаясь причин восстания в Ходженте, царские чиновники объясняли его «нераспорядительностью начальника уезда, а также вспыльчивостью характера местных жителей». «Туземец, – говорилось в одном документе, – в споре способен на все и действует сплошь и рядом ножом даже в обычных ссорах и драках между собой»<sup>23</sup>.

Ходжентская трагедия не на шутку напугала колониальную администрацию. Царские власти на местах стали принимать экстренные меры. В городе Ходженте после подавления восстания сразу было арестовано 22 человека<sup>24</sup>. Военный губернатор Н.С. Лыкошин 7 июля 1916 г. обратился к начальнику штаба войск Туркестанского военного округа Н.Н. Сиверсу и просил его направить в распоряжение Ходжентского уездного начальника для города Ходжента один пулемет и полсотни казаков<sup>25</sup>. Нужно констати-

<sup>23</sup> Цит.: Искандаров Б.И. Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии. С. 13.

<sup>24</sup> Уэльс А. К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте. С. 84.

<sup>25</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 109.

ровать, что губернатор тревожился неспроста: эхо ходжентских кровавых событий с быстротой молнии разнеслось за пределы уездного города. Из селений Костакоз, Исписар, железнодорожной станции Ходжент и других прилегающих к уездному центру поселений направились в Ходжент тысячи людей, чтобы выразить жителям свою солидарность.

В Северном Таджикистане восстанием были охвачены почти все волости. 10 июля началось восстание в селении Дальверзин, 17 июля – в Пунуке, Нижнем и Верхнем Аште. В те июльские дни состоялись народные выступления в Уратюбе и его округе, в Кухистане, Шахристанской и Исфаринской волостях. Волнения отмечались 1 августа в Ганчинской волости, 4 августа – в селении Костакоз, 8 августа – в Унджинской волости и т. д. 9 августа 1916 г. вновь вспыхнуло волнение в Костакозе.

12 июля 1916 г. военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин выехал в Ходжент для личного объяснения местным жителям правил реквизиции тыловых рабочих. 13 июля 1916 г. в 8 часов утра на станции Ходжент по случаю приезда военного губернатора были собраны для его встречи почетные и влиятельные лица из местного населения, «но толпа стояла с мрачными лицами и хранила жуткое молчание». При встрече с этими лицами губернатор «изволил разъяснить цель набора рабочих туземцев в тыл армии и указал о безотлагательном исполнении Высочайшего повеления»<sup>26</sup>. Однако прибытие генерала Лыкошина в Ходжент не успокоило жителей города, где местная власть продолжала готовить к реквизиции рабочих на тыловые работы.

Отзвуки кровавой драмы, разыгравшейся в Ходженте, распространились по всему Туркестану. Вслед за восставшими Ходжента и Ходжентского уезда поднялся на борьбу трудовой люд Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Закаспийской областей края. Восстание, словно половодье, охватило всю Центральную Азию. Повсюду народные массы, собираясь толпами в сотни и тысячи человек, нападали на канцелярии и дома волостных и сельских старшин, расправлялись с представителями феодально-байской

<sup>26</sup> Цит.: История таджикского народа. Т. IV. Позднее Средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). С. 824.

администрации, уничтожали списки тыловых рабочих и другие официальные документы, нередко смело вступая в сражения с полицией и карательными войсками.

Несмотря на принятые меры царскими властями, сопротивление ходжентцев набору тыловых рабочих в городе не уменьшалось. 5 августа 1916 г. полковник Н.Б. Рубах рассмотрел рапорт старшины Разакской части города Ходжента о том, что житель города Абдукадыр Мухаммад Юсупов 1 августа 1916 г. «на сходе при обсуждении вопроса относительно наряда рабочих для тыловых работ действующей армии открыто выражал недовольство в отношении распоряжения правительства и, крича, смущал собравшихся на сходе не давая согласия относительно наряда рабочих». Н.Б. Рубах издал приказ, в котором указывались, что исходя из этого, жителя города Ходжента Абдукадыра Мухаммада Юсупова, «как явно выступавшего против правительственных распоряжений, заключить под стражу при ходжентской тюрьме».

Народные волнения и восстания повсюду были подавлены жесточайшим образом. Тысячи участников подвергались арестам, избиениям, гонениям, ссылкам на каторжные работы. Чтобы на месте выяснить причины бунта доселе покорных, а ставших «неразумными» ходжентцев и определить для них меры наказания, в Ходжент прибыл со своей свитой сам генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин. Его торжественно встретили во дворе мавзолея Шайх Муслихитдина местные чиновники, крупные торговцы, офицеры гарнизона и представители мусульманского духовенства. Начальник края, выступая перед собравшимися, сказал: «Указ царя о наборе тыловиков будет выполнен во что бы то ни стало. И в этом нет никакого сомнения. Вы поступили разумно, подавив антигосударственный мятеж небольшой кучки ходжентской черни, и правительство его величества вам за этот ваш верноподданнический поступок благодарно»<sup>27</sup>. Затем он наградил золотыми медалями с изображением царя ряд лиц из среды царских чиновников и местной знати.

Согласно приказу № 220 от 23 августа 1916 г. по Туркестанскому краю из города Ходжента по новому наряду рабочих на тыловые

<sup>27</sup> Раджабов З. Страницы прошлого. Душанбе, 1986. С. 37.

работы было предусмотрено реквизировать 1626 человек<sup>28</sup>. Самаркандский военный губернатор Н.С. Лыкошин в своем докладе «Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области» писал, что «все туземцы категорически решили не давать рабочих ни при каких условиях и только хорошо скрывают свои намерения под личиной спокойствия и преданности. После беспорядков 4 июля чувствуется тревожное настроение и хотя чайханы открыты и отменены военные патрули, но туземцы все кажутся угнетенными и озабоченными»<sup>29</sup>.

После 15 сентября 1916 г. началась усиленная отправка мобилизованных на тыловые работы. Для содействия царским властям организуются местные комитеты. Н.С. Лыкошин 25 ноября 1916 г. доносил Туркестанскому генерал-губернатору о том, что «16 ноября с. г. явились к Ходжентскому уездному начальнику представители Ходжента – Мулла Умар Бабаджанов и Абдулла Ходжа Якубходжаев, ездившие с эшелонем рабочих от города, и доложили, что эшелон распределен по городам Одесса, Николаев, Бердянск, Керчь и Харьков. В последнем оставлено 520 человек, которые были распределены по заводам: паровозостроительному, Русского электрического общества и сахарном». В газете «Ачиг соз», издававшейся в Баку, 8 декабря 1916 г. была опубликована статья под названием «На службе обороне». В этой статье отмечается, что «в настоящее время в Харькове на промышленных предприятиях работают 2,5 тыс. рабочих, многие из которых являются выходцами из Ходжента и других городов Средней Азии. Все они работают на заводах «Гельфрих Задл», «Всеобщая компания электричества» и др. Рабочие живут в специальных зданиях при заводах, пищу готовят сами, получая продовольственные продукты от администрации промышленных предприятий»<sup>30</sup>.

Управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства Н.В. Ефремов направил телеграмму начальнику Ходжентского уезда, в которой писал, что из эшелона, отправляемого 9 декабря 1916 г., двести человек рабочих должны были остаться в Ходженте для отправки их затем на станции Коканд и Андижан Ферганской

<sup>28</sup> ЦГА РТ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 8. Л. 80.

<sup>29</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии: Сборник документов / Под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932. С. 15.

<sup>30</sup> Цит.: История таджикского народа. Т. IV. Позднее Средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.). С. 834–835.

железной дороги по сто человек на каждую станцию. Оставление двух сотен рабочих должно быть решено по жребию. Тот же Ефремов 8 декабря 1916 г. направил телеграмму начальнику военных сообщений штаба Туркестанского военного округа, в которой извещал, что эшелон, отправлявшийся из Ходжента, должен принять 800 рабочих из коренных жителей вместо одной тысячи, а 200 человек рабочих будут переданы Ферганской железной дороге<sup>31</sup>.

Колониальные власти силою оружия и при содействии «туземной администрации» Ходжента исполнили царский указ – до начала 1917 г. из Ходжента были направлены в европейские тылы действующей армии сотни рабочих. «Тыловики» в качестве чернорабочих трудились на оборонных предприятиях, заводах, прифронтовых строительных объектах, жили в сырых землянках. Десятки завербованных ходжентцев гибли от непомерно тяжелого труда, жутких бытовых условий и жгучей тоски по родным.

Таким образом, Ходжентское восстание было началом событий 1916 г. в Средней Азии. Оно было направлено против царского правительства, местных эксплуататоров и, несомненно, имело народный, национально-освободительный, антиколониальный и антифеодальный характер. Основными движущими силами восстания были дехканы, обнищавшие кустари, городской бедный люд, полупролетарские элементы, окрестное крестьянство, батраки, женщины. Что же касается имущих категорий населения, тесно связанных с российским торгово-промышленным капиталом, то они были на стороне колониальной администрации царизма и оказали ей поддержку в усмирении народных выступлений. В силу ряда объективных и субъективных причин (стихийность, неорганизованность, разрозненность и т. д.) восстание 1916 г. в Ходженте потерпело поражение. Призыв активных участников ходжентских событий к организованности не нашел поддержки у разногласной, темной народной толпы. Поэтому им не удалось придать движению политический и целеустремленный характер.

Восстание 1916 г. в Ходженте явилось серьезным ударом по царскому самодержавию, способствовало ускорению революционного кризиса и нанесло удар по колониальной системе царизма в Центральной Азии.

<sup>31</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1160. Л. 301.

Борубашов Б.И. **Восстание 1916 г.  
в Кыргызстане:  
предпосылки и уроки**

---

**П**риближается 100-летняя годовщина трагических событий восстания 1916 г. в Кыргызстане, жертвами которых стали по разным материалам до 100 тыс. человек. Издан Указ Президента Кыргызской Республики А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 года»<sup>1</sup>, направленный на тщательное и непредвзятое исследование всех обстоятельств этого восстания и исключение различных спекуляций на эту тему. Появление указа связано с тем, что общество нуждается в объективной исторической оценке причин и следствий этих трагических событий.

Восстание 1916 г. – одно из крупнейших массовых выступлений в Кыргызстане за 60 лет русского господства, поэтому для более детального его изучения необходимо рассмотреть предпосылки восстания, а также исследовать процесс присоединения Кыргызстана к Российской империи.

Присоединение Кыргызстана к России во второй половине XIX в. сыграло важную роль в истории региона, поскольку были проведены фундаментальные экономические, социальные, политические и правовые преобразования во всех сферах общественной жизни, определившие ход его дальнейшего развития. Были созданы новые государственные, административные и судебные учреждения, появились новые органы общественного самоуправления, проведена систематизация обычного права кыргызов.

Процесс вхождения Кыргызстана в состав России значительно активизировался с середины XIX в., большую роль в этом сыграли переговоры между представителями кыргызской и российской сторон. Обе стороны были заинтересованы в переговорном процессе, в ходе которого обменивались послами и грамотами. Принятие кыргызов

---

<sup>1</sup> Указ Президента Кыргызской Республики А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 года» от 27 мая 2015 г. <http://www.president.kg>

в российское подданство было осуществлено на правовой основе путем заключения соглашений, обмена грамотами и официальным, торжественным обещанием кыргызской стороны в своей верности. Соглашение и присяга имели большое политико-правовое значение.

Примером такого взаимодействия является «Соглашение от 13 октября 1854 г. между кыргызским родом бугу и Россией», в котором подробно установлены права и обязанности сторон. В соответствии с данным соглашением кыргызы рода бугу обязывались исполнять определенные повинности и не признавать над собой никакой юрисдикции, кроме власти российского императора и его наследников, заключать союзы или иметь какие-либо сношения с соседними государствами без разрешения администрации России.

Система управления у бугинцев осталась прежней, причем российское правительство предоставило манапам, не вмешиваясь в их внутренние дела, абсолютную власть во внутреннем управлении, разборе всех дел, а также об отправлении правосудия по своему усмотрению.

Формирование российской административной системы в Кыргызстане имело ряд специфических свойств. Вся полнота власти принадлежала военным начальникам, что объяснялось военно-политической ситуацией в регионе. С середины XIX в. началось администрирование Кыргызстана на низовом уровне, для чего была создана система приставов. Следовательно, на первом этапе административного реформирования (1855–1866 гг.) кыргызы находились под властью пристава Большой орды Западно-Сибирского генерал-губернатора.

Российская империя была заинтересована в сохранении традиционной системы управления кыргызов, что привело к введению военно-народного управления. 12 февраля 1865 г. была образована Туркестанская область и утверждено Временное положение об управлении Туркестанской областью, по которому система организации власти называлась «военно-народным управлением». Военно-народное управление предполагало деление Туркестана на области во главе с военным губернатором, областей – на уезды, начальниками которых были офицеры российской армии, уезды делились на волости, а волости – на аксакальства в оседлых районах, а в кочевых районах – на аульные общества.



Установление государственной власти России в Кыргызстане не повлекло за собой изменения структуры традиционного кыргызского общества, что было обусловлено политикой невмешательства российского правительства в сферу внутреннего управления.

Положение 1867 г. предусматривало общественное самоуправление для местного кочевого населения на основе адата, для оседлого населения – на основе шарията по делам, не имеющим политического характера.

Низшим звеном административной системы стало общественное самоуправление. Органы общественного самоуправления кыргызов состояли из двух уровней – аульные сходы и волостные съезды. В составе Российского государства кыргызская аульная община стала политической, хозяйственной и фискальной единицей общества. Вместе с тем община превратилась в низовую организацию общественного самоуправления, обеспечивающую поступление налогов, несение натуральных повинностей и охрану общественного порядка.

В процессе административной реформы родовое начало было заменено выборным. Волости и аулы управлялись выборными волостными управителями и аульными старшинами. Активным избирательным правом пользовались только мужчины, так как они являлись в большинстве случаев кибитковладельцами. Однако ст. 91 данного положения предоставляла это право на аульных сходах и тем женщинам, которые являлись кибитковладельцами<sup>2</sup>.

Выборный способ формирования должностных лиц общественного самоуправления в целом отвечал интересам кыргызского народа, в нем отражались определенные элементы народовластия, соблюдались основные принципы избирательного права: принцип прямых и регулярных выборов, принцип тайного голосования.

Правовое положение кыргызского населения регулировалось нормативно-правовыми актами Российского государства и нормами обычного права. В законодательных актах российского государства был определен правовой статус кыргызского народа. Они были причислены к инородцам, их правовое положение было ниже, чем у российских переселенцев. По административной реформе 1867 г. все кыргызы были причислены к категории сельских обывателей.

<sup>2</sup> Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы, 1996. С. 125.

Социальная структура кыргызского общества представляла собой сложную иерархическую систему. В нормах обычного права кыргызов имелись такие понятия, как должностное и почетное лицо, среднее и низшее сословия. Правовое положение батраков, жатакчи, чайрыкеров, мардикеров и других категорий трудового населения определялось наличием собственного хозяйства.

Вопрос о равноправии мужчин и женщин среди коренного населения оставался нерешенным. В большинстве случаев женщины не имели экономических и политических прав. Женский кун составлял половину мужского куна, они дискриминировались в вопросах собственности и наследования. Однако в условиях кочевой жизни, по сравнению с женщиной у оседлых народов, кыргызская женщина находилась в более благоприятных условиях.

Значительную роль в урегулировании большинства общественных отношений играло российское законодательство и право. Нормативно-правовые акты Российской империи, действовавшие на территории Туркестанского генерал-губернаторства, можно разделить на две группы: общеимперские и специальные.

К общеимперским актам относились все законодательные акты России, действие которых распространялось также и на территорию Туркестанского генерал-губернаторства с некоторыми изъятиями. Специальными актами являлись инструкции и приказы генерал-губернатора, Совета при генерал-губернаторе и военных губернаторов, носившие строго обязательный характер.

Традиционное кыргызское общество функционировало на основе обычного права, которое представляло собой систему норм и обычаев, регулирующих экономические, социальные, политические и духовные сферы общественных отношений кыргызов и санкционированных определенной формой властной организации общества. Правовые обычаи кыргызов (адат), имевшие силу закона, законодательно не были закреплены, а представляли собой собрание устных наставлений и изречений, которые должен был знать каждый бий-судья, старшина и аксакал кыргызских родов, племен и аулов.

Российское правительство во Временном положении 1867 г. (§181) официально признало кыргызское обычное право одним из

источников действующего права в Кыргызстане для разрешения дел в судах биев<sup>3</sup>.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Кыргызстане сформировалась государственная и частная собственность на главные средства производства – землю и скот, которая являлась основой производственных отношений. Однако ее предметом могло быть и всё, что передавалось путем продажи, мены, дарения или наследования.

Все земли были объявлены государственной собственностью. Роду и аульной общине принадлежали зимние пастбища и пашни, а единственной частной собственностью кыргызов оставался скот.

Налоговая система включала государственные налоги, поземельные подати (харадж и танап), земские и общественные повинности натурой и денежными сборами. Налоги были прямыми и косвенными. Натуральные повинности делились на земские и местные. Сборы состояли из земских и общественных. Формировался местный и краевой бюджет.

С 1867 г. начала создаваться российская судебная система, появились местные и общие суды. Согласно Проекту положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г. «военным судом киргизы и сарты судятся за измену, возбуждение своих соплеменников к сопротивлению против правительства, нападение на почту и военные транспорты, убийство христиан и других лиц, изъявивших желание принять христианство, и за убийство должностных лиц»<sup>4</sup>. Следовательно, российские суды рассматривали гражданские, уголовные дела и преступления против государственного управления. На территории Кыргызстана наряду с гражданскими судами действовали военные суды, которым были подсудны преступления против представителей российских властей. Кыргызы как поданные Российской империи имели непосредственное право на обращения в эти суды.

В годы народных волнений в Кыргызстане создавалась сеть военных и военно-полевых судов. Военно-судная комиссия на территории Кыргызстана рассматривала наиболее опасные для

<sup>3</sup> Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Даринской областей от 11 июля 1867 г. СПб., 1867. С. 29.

<sup>4</sup> Там же. С. 20–21.

российской власти преступления. В рамках российской судебной системы действовала прокуратура, которая осуществляла надзор через областное правление.

По Проекту положения 1867 г. российская власть предоставила право кыргызам судиться в своих народных судах – судах казиев и биев, за исключением дел по некоторым политическим преступлениям и делам по нарушению общественного порядка. Произошло формирование новой системы судебной власти кыргызского народа, состоявшей из трех инстанций: а) единоличные аульные судьи; б) волостные съезды судей и в) чрезвычайные съезды судей<sup>5</sup>.

Были введены в действие такие принципы судебной системы, как отделение суда от администрации, выборность судей, их несменяемость, независимость и подотчетность.

Судопроизводство проходило в три этапа: начало судебного процесса; предоставление доказательств; вынесение решения. Судебный процесс кыргызов проводился открыто, гласно, с соблюдением принципа состязательности. Стороны судебного разбирательства могли по своему усмотрению обратиться к любому баю или третьим лицам. Сторонами судебного процесса выступали родовые группы, связанные на уровне аула нераздельным имуществом, а на более высоких уровнях – общими хозяйственными и военными интересами.

Предпосылки восстания 1916 г. формировались в течение всего периода господства Российской власти и носили социально-экономический и политический характер.

После присоединения к России, а также при определении формы пользования землей кочевым населением «Положением об управлении Туркестанским краем» было установлено, что земля является государственной собственностью и предоставляется в бессрочное общественное пользование кочевникам.

Создание русских поселений началось сразу же после присоединения края, это был один из пунктов военно-стратегического закрепления россиян. Первое время этот вопрос не стоял остро. С одной стороны, переселение в Семиречье в первые годы не было

---

<sup>5</sup> Продеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области // Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 205.

массовым и были нередки случаи, когда крестьяне, не приспособившиеся к поливному земледелию, возвращались обратно.

Переселение крестьян из центральных регионов России имело своей целью разрешения проблемы малоземелья. В 1868 г. «Временным уложением» доступ к земле получили русские переселенцы. Дальнейшее развитие законодательной базы привело к ограничению родоплеменного землевладения.

Переселение в то время происходило по двум основным линиям: во-первых, плановое переселение, когда крестьяне переселялись с помощью государства, и, во-вторых, самовольное переселение. Русские поселенцы условно делились на две части: старожилы – те, кто переселился до 1890 г., и новоселы, переехавшие с 1900 г.

Ввиду того что приезжающие в Киргизию крестьяне получали лучшие и наиболее плодородные земли, причем в большом количестве, поэтому безземельные и малоземельные крестьяне из Центральной России стремились попасть сюда. Так произошло самовольное переселение крестьян.

В Северной Киргизии первые переселенцы появились в 1868 г. В Иссык-Кульском уезде в 1886 г. было уже шесть русских селений, а в Пишпекском – десять. В 70–80-е гг. XIX в. волна переселенцев из России направилась в Таласскую долину.

В последующие годы, особенно с начала 90-х гг., количество переселенцев все увеличивалось. В конце XIX в. первые поселки русских переселенцев возникли на юге Киргизии, а в 1905 г. насчитывалось уже до 25 поселков русских крестьян. В те же годы в Киргизию начали переселяться дунгане и уйгуры из Западного Китая. Восстание дунган в провинции Шень-Си (1862–1877 гг.) было подавлено. После этого многие дунгане, решив принять подданство России, пересекли границу несколькими партиями. Кроме крестьянских переселенцев, в край двинулись беженцы из районов военных действий, таким образом в Туркестане было расселено 70 тыс. беженцев.

Для урегулирование прав собственности были созданы переселенческие управления, подчиненные министерству земледелия и государственных имуществ, наделенные широкими полномочиями и независимые от местной администрации, включая генерал-губернатора, что вызывало разногласия между местной администрацией и переселенческим управлением.

Начиная с 1906 г. в Семиречье, в том числе на кыргызских землях, были созданы учреждения, занимавшиеся расселением переселенцев из России. Земельная политика переселенческого управления была направлена на расчистку земли для колонизации, которая стала основной социально-экономической причиной событий 1916 г.

Деятельность переселенческой организации вызывала недовольство не только администрации, но и манапской верхушки, которая была ущемлена и ограничена в распоряжении землей. Переселенческие хозяйства, пользовавшиеся колоссальными преимуществами и дешевым батрацким трудом, быстро превращались в нетрудовые кулацкие хозяйства.

Основной причиной восстания была все расширяющаяся колонизация и изъятие плодородных земель у кыргызов в пользу переселенцев из России. К примеру, в 1916 г. русские и украинцы, составлявшие в Пржевальском уезде немногим более 24 %, имели свыше 67 % всей пахотной земли. Примерно такое же положение сохранялось в Пишпекском уезде.

Причиной недовольства кыргызов, приведшей впоследствии к открытому возмущению, стало изъятие за десять лет около 2 млн десятин земли, нередко со значительным смещением хозяйств и, как следствие, земельное стеснение кыргызов, сокращение перекочевок. Форсированное водворение и устройство до 40 тыс. крестьян на лучших землях Пишпека и Пржевальска повлекло значительный экономический ущерб для многих хозяйств кыргызов в этих уездах и вызвало неприязненное отношение к крестьянам.

Таким образом, между русскими, главным образом новосельцами, и кыргызами установились враждебные отношения. Чиновник переселенческого управления Г.К. Гинс писал: «Зажиточные крестьяне (русские) часто относятся к последним (киргизам) с презрением. Это презрение доходит иногда до полного отрицания в киргизах человеческой личности. Бывают на этой почве случаи бесчеловечной и бессмысленной жестокости: крестьяне безжалостно убивают киргизов и не чувствуют угрызений совести... Бывает и хуже»<sup>6</sup>.

Причиной сложившегося положения с нехваткой земель было не только массовое переселение крестьян в Туркестан, непроду-

<sup>6</sup> Гинс Г.К. В киргизских аулах: Туркестанский сборник. Т. 555. Ташкент, 1913. С. 331.

манная переселенческая политика властей, неудовлетворительная работа переселенческих комиссий, но и самоуправство местных властей. В обезземеливании простых кочевников основную роль сыграла местная администрация.

Главными причинами обезземеливания кыргызов стали захват манапами земли, выделенной кыргызам, сдача родовой верхушкой общественных земель в аренду для своей выгоды, препятствие феодалами кочевникам к оседанию.

В результате, «занимая почти все волостные должности, манапы давно уже захватили в свои руки все лучшие земли»<sup>7</sup>. Манапы захватывали общественные земли не только для себя, но и для продажи. Так, например, Е. Ефремов сообщал, что «этими землями кыргызы торгуют. Продают по 100 и по 150 десятин. За каждую десятину берут по пять рублей»<sup>8</sup>.

Самая распространенная причина обезземеливания рядовых кочевников – это сдача манапами общественных земель в аренду. В исследованиях нередко приводятся цифры, показывающие, что в землепользовании у русских было больше земли, чем у кыргызов.

Положением об управлении Степным краем в отдельных случаях кочевникам разрешалась сдача земли в аренду по решению общества или выборщиков. Так как выборщиками были сами манапы или их ставленники, то манапы широко пользовались этой преференцией, они через выборщиков сдавали общественные земли в аренду, а арендную плату присваивали себе. Сдача земель в аренду стала одной из доходных статей манапов. В 1910 г. стоимость одной десятины земли с правом аренды на тридцать лет в Пишпекском уезде доходила до 200–300 руб., а за аренду одной десятины пашни за год платили 4–6 руб.<sup>9</sup> В 1910 г. в Пишпекском уезде около восьми тысяч самовольных переселенцев возвели постройки на арендованных землях<sup>10</sup>.

Кроме того, арендный вопрос в то время разрешался следующим образом: в наем земля сдавалась на основании соответствующего решения общества или почетного лица из аула или кишлака. Так

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 844. Л. 119.

<sup>8</sup> Там же. Оп. 2. Д. 1575. Л. 13.

<sup>9</sup> Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 14.

<sup>10</sup> Там же. Л. 20.

как почетными лицами для царского правительства являлись байско-манапские элементы, то они и принимали решения и отдавали землю в аренду на 30–35 лет.

Высокие налоги и сборы стали причиной народных волнений. Общая сумма всех сборов с взрослого человека составляла 10–12 руб. В Пишпекском уезде в 1902–1904 гг. на каждое самостоятельное крестьянское хозяйство в среднем приходилось 26 руб. 60 коп. платежей<sup>11</sup>.

Местный налог собирался исключительно для обслуживавших манапов почтенных лиц – волостного управителя, старшины и т. д. Каждая поездка главы аула, волостного управителя в ближайший город по государственным или собственным делам стоила колоссальных средств, которые после возвращения раскладывались по кибиткам и с них взимались.

С кыргызского населения местной администрацией, кроме государственной подати, падыша-сальк, собирались еще и всевозможные незаконные сборы на разные административные нужды и в пользу волостной верхушки – чыгым. Чыгым включал две постоянные составляющие – тютюн-сальк (сбор с юрты) и джан-сальк (подушный сбор), а также поборы по всевозможным поводам.

Волостные и аульные чыгымы превышали цифру всех государственных податей и налогов в несколько раз. Сообщая о поборах манапов с кыргызского населения, заведующий Переселенческим отделом в Семиреченской области В.А. Гончаревский писал: «Манапы (кстати сказать, этот вредный элемент имеет среди киргизов огромное влияние) собирали более чем вдвое»<sup>12</sup>.

Усугублялось это еще и тем, что все эти сборы проводились по указанию вышестоящей администрации, без решений (приговоров) местных собраний. Этим пользовались волостные и аульные старшины, собирая с подчиненных им кыргызов гораздо больше того, чем требовалось, а разницу оставляя себе.

В связи с призывом на фронт русского мужского населения на кыргызов была возложена еще одна повинность: выставлять рабочих для работы на полях русских солдат. Губернатор области

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 1152. Оп. 13. Д. 140. Л. 28.

<sup>12</sup> ЦГА РК. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.



приказал из кыргызов, которые были освобождены от призыва, организовывать артели и отправлять на уборку урожая за плату.

Следующей предпосылкой восстания была коррумпированность власти, повсеместное как со стороны представителей Российской империи, так и со стороны местной администрации – кыргызских биев взяточничество, поборы и вымогательство. У местных кыргызских правителей к ранее существовавшим поборам и подношениям добавилось использование в своей политической и предвыборной борьбе чыгыма, о котором уже говорилось ранее.

Беднякам доступа в суд при обсуждении их жалоб не было, никакого внимания им как со стороны царского правительства, так местных чиновников в лице волостного управителя и аульной старшины не уделялось.

Огромную роль в притеснении отдельных родов при перераспределении земель сыграла сама кыргызская элита, вошедшая в туземный административный аппарат. Контроль со стороны русских чиновников за «туземными администраторами» был объективно ограничен языковым барьером, слабым пониманием местным населением законов и своих правовых возможностей. Разрыв между русской администрацией и местным населением привел к существенным искажениям законоположений и административных мер. Обращая народный суд и туземную администрацию на служение своим корыстным интересам, манапы фактически продолжали держать народ в том же зависимом положении, в каком он находился до покорения края.

Власть, находящаяся в руках военных представителей русского правительства и туземной администрации, грабила население. Взяточничество в Кыргызстане было обычным явлением. Взятки брали все, начиная с городского, полицейского и заканчивая генерал-губернатором.

На основании этого можно сделать вывод, что, во-первых, те политические, социально-экономические условия, о которых мы говорили выше, являлись основными причинами трагических событий, а, во-вторых, набор рабочих на тыловые работы послужил новым толчком к восстанию 1916 г.

25 июня 1916 г. был издан царский указ о мобилизации на военно-тыловые работы мужского населения в возрасте от 19 до

43 лет. Согласно «Временному положению Верховного главнокомандующего от 29 сентября 1916 г.» призванным на тыловые работы производилась оплата в размере одного рубля в день, начиная со времени посадки в отправляемый поезд, они также обеспечивались питанием и жильем<sup>13</sup>.

Первые признаки недовольства в Семиречье и Пишпекском уезде проявились среди кыргызов уже в июле 1916 г. В Иссык-Ате 7 и 8 июля прошло совещание представителей местной знати некоторых волостей Пишпекского уезда. На нем обсуждался предстоящий набор рабочих. В конце июля – начале августа состоялось новое совещание манапов под Пишпекком. Оно проходило строго секретно, в нем участвовали манапы ведущих волостей Пишпекского уезда. Обсуждался набор рабочих, большинство манапов считало необходимым содействовать набору. Иного мнения придерживались некоторые влиятельные манапы. Ссылаясь на усиливающееся народное волнение, они выступили против набора. Участники совещались несколько дней, но к единому мнению так и не пришли.

Манапы, пользуясь своим положением, освобождали своих сыновей от призыва, отправляя вместо них бедняков. Местные власти превратили призыв в способ расправы с неугодными. А. Чыныков, кыргыз Тлеубердинской волости Беловодского участка, в показаниях следствию сообщал: «Когда вышло распоряжение о наряде рабочих, население приняло объявление спокойно. Собирались уже составить требуемый приговор, как стало известно, что сам старшина придет для составления приговора. Старшина приехал, но приговор составлен не был»<sup>14</sup>.

Приговоры составлялись исключительно манапами, так как в их руках находились бразды правления кыргызскими волостями. В составлении приговоров народ участия не принимал. При таком положении дел ясно, что манапы в рабочие записывали только бедняков, а сыновья манапов и влиятельных людей в списки не попадали.

За взятку они освобождали от призыва сыновей баев и манапов, а вместо них вносили в списки бедняков непризывного возраста, по несколько человек из одной семьи. Такие нарушения набора

<sup>13</sup> ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 331. Л. 281–282 об.

<sup>14</sup> Там же. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 18. Л. 54 об.

вызвали со стороны призывников недовольство и служили еще одной причиной восстания. Помощник начальника Пишпекского уезда Рымшевич отмечал, что поводом к восстанию послужил не столько указ о призыве мусульман на тыловые работы, а то «обстоятельство, что при составлении приговоров назначали в рабочие лишь бедных киргизов, совершенно не трогая влиятельных и богатых лиц»<sup>15</sup>.

Против нарастающего недовольства российские власти начинают принимать меры. Чтобы привлечь на свою сторону родовую знать и верхушку общества, 11 июля объявляется дополнение к Указу, по которому от призыва освобождались: 1) должностные лица; 2) полицейские чины; 3) служители культа; 4) лица, занимающие классные должности по табелю о рангах; 5) пользующиеся правом дворяне и почетные граждане; 6) допускалось нанимать вместо себя другого. Простые люди сразу увидели избирательность набора, дискриминационный характер льгот. Последней льготой стали широко пользоваться имущие, и призыв в конечном счете ложился на бедноту, причем не только нуждавшуюся в материальном отношении, но и находившуюся в кабале у имущих.

Таким образом, используя правовые нормы для своей выгоды, одни волостные управители, руководствуясь межродовой борьбой и пользуясь царским указом, пытались свести счеты со своими партийными врагами. Они стали включать в списки призываемых всех своих противников призывного возраста. Эта масса бедняков, «которая не имела средств и возможности воспользоваться услугами своих продажных управителей, главных при составлении списков лиц, подлежащих реквизиции, составила затем кадры бунтовщиков»<sup>16</sup>.

17 июля весь Туркестанский край был объявлен на особом положении, а Туркестанский генерал-губернатор получил чрезвычайные полномочия.

3 августа триста волостных управителей, манапов и почетных лиц снова собираются в Пишпек и сообщают, что они опасаются за свою жизнь. За составление списков им угрожают расправой, у многих были отняты печати, чтобы они не могли скрепить приговор.

<sup>15</sup> Там же. Д. 34. Л. 16.

<sup>16</sup> РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1956. Л. 12.

3 августа кыргызы и дунгане, собравшиеся у здания Пржевальского уездного управления, стали требовать отмены набора тыловых рабочих. Их грубо разогнали солдаты, что еще более накалило обстановку в городе и уезде.

В жалобе на пристава Грибановского кыргызы Беловодского участка писали: «Темная масса, руководимая главарями-манапами, шла на дело, не сознавая цели и его результатов. Манапство в данном случае является главным корнем зла для Пишпекского уезда»<sup>17</sup>. Вновь назначенный начальник Загорного участка в рапорте о настроении кыргызов после восстания отмечал, что «слышится среди некоторых раскаяние в содеянном и во всем винят своих манапов»<sup>18</sup>.

Манапы, чтобы прикрыть свои преступления, отвести от себя народный гнев, все беды простого народа сваливали на русских, стремясь придать восстанию антирусский характер. Так, управитель Атекинской волости Б. Солтоноев, выступая перед повстанцами, говорил: «Надо русских грабить и гнать их до Ташкента»<sup>19</sup>.

Среди кыргызов были и просвещенные, и просто мудрые люди, которые говорили о бесперспективности восстания, о военном превосходстве царского правительства. Семиреченский губернатор 9 августа 1916 г. писал военному министру: «Бесспорно известно, что много благомыслящих киргиз против мятежа, но как они, так и почетные лица, волостные правители бессильны». Безумие всей затеи восстания учитывали немногие. Например, Кыдыр, управитель Тургенской волости Пржевальского уезда, как установлено фактами, «не выступал в массе активно»<sup>20</sup>. Управитель Сусамырской волости К. Раимбеков зарекомендовал себя как человек, верный русскому правительству, он во время мятежа спас от гибели несколько техников из Джумгальской партии<sup>21</sup>.

9 августа сарыбагишевы на большом съезде дали клятву ни в коем случае не давать рабочих, не подчиняться приказам русских властей и торжественно провозгласили ханом манапа Муку-

<sup>17</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1128. Л. 211.

<sup>18</sup> ЦГА РК. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

<sup>19</sup> Там же. Л. 12 об.

<sup>20</sup> РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 764. Л. 64.

<sup>21</sup> Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 422. Л. 84.

ша Шабданова<sup>22</sup>. Восстание в Прииссыккулье началось 9 августа, немного позднее, чем на юге Киргизии, что дало возможность повстанцам более организованно подготовиться к выступлению: заранее подковать лошадей, изготовить оружие, закупить продовольствие, фураж и т. д.

Своеобразным сигналом к выступлению кыргызов в Пржевальском уезде послужило удачное нападение повстанцев в районе Рыбачье на военный транспорт с винтовками, направляющийся со слабой охраной из Пишпека в Пржевальск. Этот успех сразу поднял боевой дух повстанцев, они перерезали трактовую дорогу между Пржевальском и Пишпекком, начали нападать на почтовые станции и разрушать телеграфную связь.

Феодалная верхушка спровоцировала восставших на выступления против русских, что способствовало поражению восстания и возникновению ответных грабежей и погромов русскими кыргызов после подавления восстания. Проявленная жестокость во время восстания против русских поселений имела в дальнейшем для кыргызов пагубные последствия.

Одной из особенностей восстания 1916 г. в Иссыккульской котловине и соседних с ней местностях юго-восточного Казахстана стало участие в нем, помимо кыргызов и казахов, также дунган, уйгуров, сарт-калмыков и представителей других национальностей. Примечательны факты сочувствия и помощи повстанцам, а также прямого участия в восстании отдельных русских переселенцев из Прииссыккулья. Известны случаи проявления интернациональной солидарности кыргызских и русских трудящихся накануне, в ходе восстания и после его поражения. Кыргызские бедняки предупреждали своих русских соседей о готовящемся нападении на их села, прятали и защищали их от погромов. Русские крестьяне спасали кыргызские семьи от царских карателей и кулаков.

Восстание 1916 г., охватившее весь Туркестан, не имело единого центра и общего руководства, но в ходе его из народных масс выдвинулся целый ряд способных организаторов. Некоторые из них остались верными восстанию до конца, разделив участь повстанцев, погибших в борьбе с карателями или репрессированных.

<sup>22</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1182. Л. 11 об.

Другие, напротив, предали восставших, перейдя на сторону карателей и активно содействовали подавлению восстания. Большинство, боясь потерять власть и влияние на своих сородичей, бежало вместе с основной массой повстанцев в Китай. Восстание 1916 г. сопровождалось и рядом кровавых межнациональных столкновений, от которых пострадала часть переселенческого и коренного населения края.

Выступления кыргызов проявлялись и в форме сопротивления изыскателям и землеустроителям при отмежевании земель: создавались препятствия работе межевщиков, землемеров, топографов; уничтожались межевые знаки.

Восставшие присоединились к своим вожакам, соблазнившись обещанием на выдачу им благ, отнятых у русских, а также из-за страха перед силой и влиянием манапов. Один из руководителей восстания Канат Абукин, рассказывая про осаду Токмака, сообщал, что «бойцы шли в бой неохотно, их приходилось подгонять сзади нагайками»<sup>23</sup>.

Трагичными были по своим последствиям внезапные нападения восставших на переселенческие поселки в южной части Семиречья. Здесь в Пишпекском и Пржевальском уездах были разгромлены 94 переселенческих поселка. Нападения сопровождалась убийствами и избиениями, нередко зверскими, без различия возраста, пола и занятия, насилиями и надругательствами над женщинами.

Многочисленные, но слабо вооруженные повстанцы упорно сопротивлялись. Однако под давлением хорошо вооруженных армейских частей восставшие кыргызы отступили на сырты, бросив скот и имущество. В середине ноября последние очаги восстания в горных местностях Пржевальского уезда были подавлены.

Были отмечены отдельные факты проявления чрезмерной жестокости по отношению к местному населению со стороны войск царской армии. Здесь можно говорить о событиях в селе Беловодском.

На заседаниях Государственной думы 13 и 15 декабря 1916 г. обсуждались действия карательных отрядов. А.Ф. Керенский в своем выступлении коснулся событий в Беловодском, подметив жестокость карательных отрядов и их командиров в момент подавления восстания. 13 августа 1916 г. в Беловодске были убиты кыргызы<sup>24</sup>.

<sup>23</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 934. Л. 22.

<sup>24</sup> ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 971а. Л. 12 об.

После убийства арестованных повстанцев в Беловодском генерал-губернатор А.Н. Куропаткин 17 августа телеграфирует военному губернатору Семиреченской области М.А. Фольбауму: «Вы доноситесь 16 августа, что русское население Беловодского участка вышло из повиновения пристава и озлобленно уничтожает киргиз. Предлагаю выходящих из повиновения русских судить тем же порядком, с такою же строгостью, как и вышедших из повиновения туземцев. Сообщите это приказание во все уезды и всем войсковым начальникам»<sup>25</sup>. За попустительство, приведшее к убийству людей, для Беловодского участкового пристава Грибановского, обвиняемого по ст. 342 и другим статьям Уголовного уложения, постановлением судебного следователя Верненского окружного суда от 22 марта избрано заключение под стражу<sup>26</sup>.

Особую жестокость при подавлении восстания проявили в Семиреченской области. Повстанцы не могли вынести тяжести огнестрельного удара и в поисках спасения значительная часть кыргызов, проживавших на современной территории Иссык-Кульской, Нарынской и Чуйской областей, вынуждены были бежать в Китай. В результате трагических событий, по оценкам отечественных историков, численность местного населения на этих территориях сократилась более чем на 40 %.

С 1917 г. беженцы начинают возвращаться обратно. Так, в упомянутом Указе Президента Кыргызской Республики говорится, что Февральская и Октябрьская революции 1917 г. кардинально изменили положение кыргызов, после установления советской власти, а избежавшим гибели беженцам были созданы условия для возвращения из Китая в Кыргызстан.

14 марта 1917 г. было объявлено о полной амнистии. Туркестанским генерал-губернатором была получена телеграмма: «Все уголовные дела инородцев, возникшие по поводу привлечения их к тыловым работам, согласно Указу об амнистии подлежат прекращению»<sup>27</sup>.

5 мая 1917 г. Временное правительство приняло постановление о возвращении домой всех инородцев, призванных на тыловые

<sup>25</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1128. Л. 219.

<sup>26</sup> ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 971а. Л. 77 об.

<sup>27</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068. Л. 25.

работы, в том числе бежавших с работ, находящихся на сборных пунктах и не привлеченных к реквизиции.

В начале 1918 г. был организован специальный комитет помощи беженцам «Комбеж», появились специальные пункты снабжения хлебом и т. д. Советская власть провела переговоры с китайскими властями о возвращении бежавших кыргызов на родину. На границе с Китаем работала специальная комиссия, которая оказывала помощь кыргызам. Эти мероприятия оказали неоценимую помощь для спасения кыргызов, разлученных с родиной, вследствие невыносимой тяжести и разрухи в связи с подавлением восстания.

В феврале 1920 г. по указанию В.И. Ленина была создана Особая комиссия для оказания помощи беженцам из Туркестанского края, участвовавших в восстании. На эти цели советское правительство выделило 100 млн руб., из них 25 млн руб. золотыми рублями. Указанные средства пошли в основном на возвращение беженцев на Родину.

Тогда же в 1920 г. была создана специальная организация бедноты «Союз кошчи», которая явилась основной силой для проведения земельно-водной реформы. Указанная земельно-водная реформа 1920–1921 гг. была направлена на разрушение остатков колониаторской политики. Благодаря этой реформе кыргызам были возвращены отобранные у них земли и землеустроены кыргызы-беженцы. В 1922 г. программа завершилась.

В 1924 г. нынешнюю Баткенскую область вывели из состава Самаркандской, а Ошскую и Джалал-Абадскую области отделили от Ферганской области. Так была создана Кара-Кыргызская автономная область, положившая начало возрождению кыргызской государственности.

Таким образом, в настоящей работе дается анализ на социально-экономическую и политико-правовую систему во второй половине XIX и начала XX в., чтобы выявить истинные причины восстания 1916 г. и определить степень ответственности российской и местной администрации.

Изучая 60-летнюю историю кыргызов в составе Российского государства, необходимо отметить, что государственная политика была направлена в основном на гармоничное вхождение, вливание кыргызского народа в состав России. Причиной же трагических



восстаний послужили отсутствие социальной справедливости, отчуждение людей от собственности и противопоставление представителей этносов. Политической предпосылкой восстания 1916 г. явилось антинародное действие переселенческого управления, коррупционность административной системы.

Надо отметить, что в возникновении восстания были виноваты не только русские чиновники, но и кыргызские. Как отмечалось ранее, местные кыргызские чиновники составляли списки граждан, которые должны были направляться на тыловые работы. Как правило, это были представители бедных семей, а своих детей богачи отдавать не хотели. Волостные управители и другие должностные лица, которые толкали людей к восстанию, отошли от ответственности и во всем обвинили российскую администрацию и переселенцев.

С подачи руководителей восстаний создалось ложное мнение о том, что, разграбив и проявив жестокость в отношении к переселенцам, можно добиться успехов. В настоящее время не дана оценка деятельности руководителей восстаний, поскольку ими были допущены ошибки. Во-первых, они не смогли как следует подготовить восстание, несмотря на регулярно проводившиеся совещания должностных лиц. Во-вторых, руководители не прислушались к мнению противников восстания, которые говорили о его нецелесообразности. Так, например, Тургенский волостной управитель Кыдыр Байсариев выступил противником восстания, призывая других не делать ошибочных действий и думать о будущей судьбе народа.

Необходимо отметить, что в истории кыргызов XX в. найдется не так много событий, вызывающих столько споров и кривотолков, как восстание 1916 г. В советский период его рассматривали через призму теории классовой борьбы, поэтому характеризовали восстание не только как антиколониальное и антивоенное, но и как антифеодальное, направленное против царского режима и империалистической войны. В постсоветский период это событие в Кыргызстане изучалось более широко и без идеологических штампов, но при этом ему придавался некий националистический оттенок, чем пользовались некоторые политики, пытавшиеся заработать очки на националистической риторике.

Сегодня некоторые политики пытаются сделать себе имя, заверяя, что радуют за интересы кыргызского народа. В любом случае нельзя противопоставлять кыргызское и российское государства. Россия как была, так и остается нашим стратегическим партнером. Тем не менее нельзя отрицать масштаб трагедии 1916 г., и впредь нужно делать все, чтобы не допустить повторения таких трагических событий.

На мой взгляд, столетие восстания кыргызов в 1916 г. будет проходить в условиях обострения противостояния Российской Федерации со странами Запада. Особенность момента заключается в том, что, учитывая сложное развитие международной политики сегодняшнего времени, западные государства готовы использовать против современной России любые исторические факты, пусть даже из далекого прошлого, связанные с действиями царской власти в Туркестанском крае. Это говорит о том, что в политике некоторых западных стран давно выработаны стратегия и план по использованию столетия восстания кыргызов 1916 г. в антироссийских целях.

Однако важно помнить, что данные события не являются межэтническим конфликтом. В Указе Президента Кыргызской Республики об этом говорится: «Массовые волнения в Кыргызстане приняли характер восстания, причем не против русского народа, а против царского колониализма. Выступления кыргызов были поддержаны представителями других этносов. В Прииссыкулье отмечались случаи, когда русские крестьяне открывали огонь против царских войск»<sup>28</sup>. В исследованиях российских ученых также говорится, что местное население из числа русских и украинских крестьян-переселенцев в основном поддерживало восставших, однако в некоторых районах Кыргызстана возникли столкновения на межнациональной почве, но они были исключением.

Политическая жизнь сегодняшнего Кыргызстана постоянно бурлит от накопившихся проблем общества, и политическая элита вместо того, чтобы их решать, постоянно ссылается на какие-то внешние силы или на исторические события для того, чтобы отвлечь внимание людей от современных проблем.

---

<sup>28</sup> Указ Президента Кыргызской Республики А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 г.» от 27 мая 2015 г. <http://www.president.kg>

Те же земельные вопросы, которые стали главной причиной восстания 1916 г., остаются нерешенными в современном Кыргызстане. В настоящее время появились крупные землевладельцы, которые имеют несколько сотен гектаров земли в личном пользовании, а рядовые граждане не имеют пяти сотых земли для построения жилища.

Коррупция в системе органов государственной власти приобретает небывалые масштабы, а в судебной системе, правоохранительных органах объемы мздоимства набирают новые обороты.

В настоящее время в Кыргызстане ситуация во многом напоминает начало XX в. Об этом говорят народные волнения, которые произошли в 2005 и 2010 гг.

Восстания 1916 г. – очень щепетильный вопрос, который требует детального изучения ученых. Сегодня даются разные трактовки тех событий. Некоторые люди, собирая односторонние факты, обвиняют противоположные стороны.

Много архивных документов о данных событиях хранится в Казахстане, Санкт-Петербурге, Омске, с ними нужно ознакомиться более детально. Задача исследователя заключается в изучении архивных материалов и на основании этого сделать объективный, научно выверенный вывод.

Необходимо накануне столетия восстания создать условия для тщательного исследования еще не изученных материалов. Давая объективную историческую оценку событиям 1916 г., мы можем предостеречь от повторения подобных конфликтов в будущем.

Изучение исторического опыта и применение его положительных сторон на практике поможет дальнейшему совершенствованию политико-правовой системы Кыргызской Республики, отвечающей общедемократическим стандартам организации государственной власти.

АБАШИН С.Н.

## «Туземные» чиновники и восстание 1916 г.

---

**В**осстание 1916 г. – это очень сложное и многоплановое явление, оно происходило как серия где-то стихийных, где-то более организованных локальных беспорядков, которые так или иначе затронули все регионы Центральной Азии. Из этого следует, что мы должны видеть и некие общие условия этих событий, и конкретные контексты каждого из них.

К числу общих факторов можно отнести сам колониальный характер российской имперской власти, которая была внешней, во многом чуждой (по языку, религии, культурным привычкам) и абсолютно доминирующей, основанной на военном могуществе силой. Это не означает, что российская власть всегда действовала только во вред местному населению, не учитывала его интересы и не пыталась привлечь местных жителей к разным формам самоуправления. Любая колониальная власть заинтересована в том, чтобы поддерживать некоторый баланс, но при этом она не перестает быть колониальной и видеть ситуацию, прежде всего, с собственной точки зрения. Этот баланс как раз и был нарушен в 1916 г., когда указом Николая II было решено призывать на тыловые работы жителей Центральной Азии. Конечно, указ был вызван необходимостью чрезвычайного военного времени и не означал призыва на фронт, но он резко поменял отношения власти и людей, расшатал внутренние противоречия в обществе. А поспешность с его исполнением только усилила негативные последствия, что признавали сами российские чиновники.

И вот на таком общем фоне стали вспыхивать все многочисленные точки напряжения, которые здесь существовали. В одних случаях это было прямое противостояние с колониальными чиновниками и военными. В других многочисленных случаях конфликт развивался внутри местного общества между разными группами населения, одни из которых были в более привилегированном положении (например, волостные, сельские и аульные старосты,

пятидесятники и их окружение), другие – в худшем положении. В третьих случаях там (а это, в первую очередь, касалось «кочевых» регионов), где жили переселенцы, выходцы из других регионов Российской империи, конфликт стал быстро перерастать в межобщинные столкновения.

В данном докладе я хочу обратить внимание только на один факт: убийства и избиения местных «туземных» чиновников, которые приобрели массовый характер в Ферганской области. Приведу в качестве примера копию рапорта Чадакского участкового пристава на имя начальника Наманганского уезда от 20 июля 1916 г.:

«В с. Нижний Ашт 17-го числа сего июля толпой народа убиты: брат Аштского волостного управителя Мад Муса Ташматов, дядя его Уста Мирза Шариф Адинабаев и Верхне-Аштский сельский старшина Рахмат Назар Аминбаев, при этом в доме управителя и старшины толпой произведен полный разгром, некоторое имущество уничтожено на месте, но большая часть его расхищена толпой. Все книги, дела и бумаги, в том числе книги раскладок и окладные листы на сей 1916 г., также уничтожены. Сын управителя Масадых Алимбаев успел вовремя убежать и тем избежал от смерти. Участников бунта пока задержано 46 человек. Настроение населения беспокойное... В с. Пнук Аштской волости 17-го числа сего июля толпой народа убит пятидесятник Милибай Мулла Сабиров, нанесены тяжкие побои сельскому старшине Абдуназару Норматову, его писарю Мулла Абдумумыну Мулла Шарипову, при этом у старшины сожгли дом с надворными постройками. Причина убийства, нанесение побоев и поджог учинены на почве проверки списков населения, хотя списки проверяться в Пнукке еще и не начинались. Пятидесятник убит только за то, что уговаривал толпу разойтись и не буянить. Участников убийства и поджога пока задержано 19 человек. О чем и доношу Вашему Высокоблагородию...»

Таких документов было много, большинство из них собраны и опубликованы. Почему именно «туземные» чиновники оказались жертвой восстания 1916 г. в этом случае? И как трактовать этот факт? Можно ли назвать «туземных» чиновников колониальными чиновниками? Или коллаборационистами, помощниками колониальной власти, или, как иногда говорят, предателями?

Система управления в Туркестанском крае, как известно, формировалась примерно двадцать лет. Управление сначала было установлено временным положением 1867 г., затем утверждено окончательно в 1886 г. В литературе его называют «военно-народное управление». Почему «военное» и «народное»? Потому что основные верхние позиции (областной и уездный уровни) занимали по назначению исключительно российские чиновники, причем они подчинялись военному министерству, низшие же должности (волостной и сельский уровни) занимали выборные чиновники из числа местного населения.

«Туземное управление» действовало таким образом: раз в три года в каждом сельском обществе на сходе происходили выборы сельского старшины-аксакала, его кандидата, т. е. помощника и заместителя, а также пятидесятников-эликбаши, своеобразных депутатов от каждого пятидесяти домохозяйств данного сельского общества. В выборах, которые происходили в присутствии волостного правителя, «не вмешивающегося в самое направление выборов», участвовали только главы домохозяйств. Решение считалось принятым, если за него проголосовала половина присутствующих, при кворуме не менее половины общего числа представителей заранее объявленных и учтенных домохозяйств. На этих же сходах большинством голосов производилась раскладка податей на домохозяйства. На указанные выше должности мог быть избран «каждый туземный житель» не младше 25 лет, не имевший наказаний в судебном порядке. В обязанности сельского старшины входили сбор податей и повинностей, выдача квитанций, наблюдение за порядком.

Депутаты-пятидесятники должны были помогать сельскому старшине в его обязанностях, в частности, в сборе налогов и учете населения, а кроме того, участвовать в волостном съезде, на котором в присутствии уездного российского чиновника они избирали волостного управителя-мингбаши (глава тысячи), кандидата (заместителя) к нему и народного судью. Волостной съезд признавался действительным, если в нем участвовало не менее двух третей выборных от всех сельских обществ, входящих в волость. Волостной управитель мог иметь писаря и рассыльных. В обязанности волостного управителя входил контроль за приведением в

исполнение судебных решений, ведение учета домохозяйств, убыли и прибыли населения, наблюдение за своевременным поступлением сборов и исполнением повинностей. Сельский старшина и волостной управитель имели «особые знаки» для ношения и «печати по должности». Волостной управитель имел должностной оклад от 300 до 500 руб., сельский старшина – до 200 руб. (что соответствовало жалованью младших чиновничьих чинов в Российской империи). Эти деньги собирались с населения по раскладке вместе с налогами и передавались в казначейство, а оттуда выплачивались «туземным» чиновникам.

Итак, были ли сельский староста-аксакал, депутаты-пятидесятники-эликбаши и волостные управители-мингбаши колониальными чиновниками? И да, и нет. Формально да. Они избирались по общему законодательству империи, собирали налоги и вели учет населения в пользу империи, выполняли другие поручения вышестоящих военных колониальных чиновников. Более того, в некоторых случаях и сельские старшины, и волостные управители могли назначаться уездными начальниками.

Однако не все так просто. Избранные (а иногда назначенные) на все эти должности (я не говорю о должности народного судьи) люди находились в непростых отношениях между собой, с населением и с российской властью. Лояльность к колониальной власти у «туземных» чиновников не была абсолютной. Процедура, которую установила сама колониальная власть и согласно которой «туземные» чиновники выбирались, заставляла их постоянно искать поддержку у населения или различных его фракций и выстраивать совместную стратегию локального сопротивления. Одним из главных был, например, вопрос о податях и повинностях. Как упоминалось, колониальная власть ввела систему круговой поруки при сборе налогов, когда сумма налога начислялась на все сельское общество, а члены последнего сами решали, каким образом распределять ее между собой. Разумеется, при такой схеме и «туземные» чиновники, и обычные крестьяне были связаны общей заинтересованностью в сокрытии тех или иных ресурсов от налогообложения.

При этом фронт сопротивления вовсе не был, как и лояльность к российской власти, абсолютно единым. Некоторая автономия и существенные, но плохо определенные и плохо контролируемые

полномочия «туземных» чиновников позволяли им преследовать собственные цели. Тот же сельский старшина, используя большинство на сходе или свое право выдавать квитанции, мог вступать в игру, в которой тот же сбор налогов превращался в демонстрацию власти и силы, выступая в этом процессе как манипулятор, вести персональные переговоры с каждым рядовым членом сообщества, обманывать одновременно все стороны, укрывая часть собранных налогов в свою личную пользу, он мог шантажировать своей близостью к колониальной власти, чтобы получить за сокрытие от нее информации и налогов дополнительные рычаги влияния на «туземцев», обеспечивая их моральную или социальную зависимость. В таких играх пятидесятники, сельские старшины и волостные могли выступать и как союзники, и как соперники, либо используя полезные связи для укрепления своих позиций, либо вступая в конкуренцию и даже конфликт в надежде получить дополнительный выигрыш. Причем «туземные» чиновники действовали по-разному: одни создавали коалиции друг с другом, другие опирались на влиятельные фракции и семьи в обществе, третьи апеллировали к общему мнению широких слоев, четвертые искали возможности «свалить» противника руками колониальной власти.

Отголоски всех этих локальных битв мы находим в многочисленных жалобах и петициях, которыми была буквально завалена российская администрация. В них говорилось о взятках, незаконных поборах, разных формах давления: грубости, угрозах, об утаивании земельных наделов, о драках и даже убийствах во время выборов сельских старшин. Эти внутренние конфликты имели свои локальные причины.

Мы должны внимательно отнестись к понятию «колониальный» и еще раз задуматься над тем, как его определять, что в него вкладывать, как видеть историю колонизации и деколонизации.

Британский историк Рональд Робинсон в статье с провокационным названием «Неевропейские основания европейского империализма», опубликованной в 1972 г., провозгласил необходимость создания новой «теории империализма». «Старые» теории исходили из логики капиталистического развития Европы, которой понадобились колонии, как рынки сбыта и эксплуатации ресурсов, и которая безраздельно господствовала в них. По мнению Робинсона,



«...новая теория должна признать, что империализм в равной мере был производной как самой европейской экспансии, так и сотрудничества, демонстрируемого его местными жертвами. Мощные силы, генерируемые индустриальной Европой, требовалось объединить с элементами аграрных обществ остального мира. Без этого империя не смогла бы функционировать...»<sup>1</sup> Другими словами, по мнению автора, империи создавались совместно европейцами и неевропейцами путем взаимного сотрудничества.

Европа, писал Робинсон, приходила в другие части света, конечно, со своими представлениями и интересами, но могла создавать какую-то устойчивую систему управления, только переводя свою власть на язык «местной политической экономии». По убеждению британского историка, без посредников, т. е. людей, которые сами заинтересованы в приходе европейцев, империи невозможны. С точки зрения медиаторов, внешние завоеватели приносят с собой новые источники власти и богатства, которые могут быть использованы местной элитой и служат укреплению ее могущества, а значит, колониальное управление местным элитам было нужно не меньше, чем иноземным. Завоеватели же имели ограниченные силы, чтобы полностью контролировать коллаборационистов и использовать их в своих собственных интересах.

Эта точка зрения позволяет увидеть более сложный репертуар поведения колонизируемых и колонизаторов, нежели простая схема доминирования, подчинения и сопротивления, которая все взаимоотношения в колонизованном сообществе сводит к довольно ограниченному набору реакций на действия извне. Схема Робинсона, в частности, ставит под вопрос всемогущество европейской колониальной власти, ее безграничную способность навязывать новые категории и порядки.

Современный британский историк Александр Моррисон в книге «Российское управление в Самарканде» пишет, что колониальные государственные институты были фактически подчинены интересам локальной элиты, «государственной властью и государственным авторитетом они манипулировали, используя их в разнообразных целях, будь то личное обогащение или создание патронажной

<sup>1</sup> *Robinson R. Non-European foundations of European imperialism: Sketch for a theory of collaboration // Studies in the Theory of Imperialism / Roger Owen, Bob Sutcliffe (eds). London: Longman, 1972. P. 118.*

системы»<sup>2</sup>. Моррисон, кстати, опираясь на работу Владимира Наливкина «Туземцы раньше и теперь»<sup>3</sup>, отмечает не только слабость российской власти, но и преемственность между доколониальными и колониальными режимами, рассматривая местные элиты как заинтересованных участников имперского управления. Только подключение к внешним, колониальным механизмам доминирования местных механизмов управления и регулирования давало возможность российским чиновникам господствовать в регионе, в т. ч. осуществлять свои проекты его трансформации, причем распределение выгод и дивидендов от этих проектов также было многосторонним и не всегда несправедливым.

С тезисом о слабости российской колониальной власти спорить трудно. Если посмотреть на то, как чиновники использовали накопленные ими знания для контроля за сообществами, то окажется, что их знания были далеко не полными и даже ошибочными, а сама власть неэффективной. А если удастся, убрав колониальное искажение, увидеть все происходящее в таких сообществах, то там обнаружатся социальные разграничения, свои сильные и слабые, победители и проигравшие, свои противоречия и борьба, не сводимые к оппозиции колонизаторов и колонизируемых. Российские чиновники вынуждены были опираться на местные группировки, члены которых вольно или невольно превращались в коллаборационистов.

Однако я бы сделал несколько уточнений к этому тезису. Российская империя все-таки пыталась создавать на завоеванных территориях институты и пространства, которые могла бы обустроить полностью или почти полностью по собственному плану, – это города и промышленное производство (фабрики, железные дороги), русские и русско-«туземные» школы, суды, тюрьмы, больницы. Отдельные сельские районы, селения и социальные группы по тем или иным причинам также становились объектом пристального внимания колониальных чиновников, они учились использовать свои знания, чтобы управлять ими. Контроль за этими, часто ключевыми и опорными пунктами и сообществами позволял колони-

<sup>2</sup> Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910. A Comparison with British India. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 199.

<sup>3</sup> Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

альной власти удерживать все завоеванное пространство в своем подчинении, не вникая в специфические детали, не заглядывая пристально во все уголки, не тратя времени и средств на их изучение. Значительная часть местного общества, особенно в стороне от городов и железных дорог, продолжала, конечно, жить со своими классификациями времени, географии, истории и социальных делений, но и она менялась, пусть очень медленно, незаметно в результате множества хаотических движений, без какого-то плана и прямого воздействия со стороны колонизаторов. Колониальное влияние со временем кумулятивно набирало силу, власть расширяла сферу своего контроля, захватывала все новые и новые области – в территориальном и социальном смысле рекрутировала и сама возвращала лояльных «туземцев». Эту динамику следует учитывать, внося соответствующую поправку в оценку колониальной политики в Туркестане.

Тезис о слабости российской власти вовсе не означает, что мы не должны говорить о колониальном характере присутствия Российской империи в Средней Азии и существенной диспропорции между российскими завоевателями, подчинившими себе регион, и местным обществом, которое оказалось в составе страны с иной политической и культурной иерархией. На мой взгляд, мы должны видеть все пространство колониальной власти, которое не было однородным, в нем были точки сильного и слабого напряжения противоречий, в одних таких точках конфликт между колонизаторами и колонизованными был острее и предопределял динамику событий, в других – колониальные диспропорции были менее заметными, чем диспропорции внутри самого местного общества.

Колониальная власть имела право и возможности провозглашать окончательный вердикт и наказывала виновного, утверждая тем самым свое господство в этой ситуации. Она вводила правила и ограничения, определяла те рамки, в которых шла игра. Таким образом, одновременно с тем, как линии взаимодействия растягивались и опутывали общество, количество точек с сильным напряжением, да и само напряжение нарастали, конфликты смещались к ним, создавая условия для восстаний и войн. Собственные внутренние иерархии и противоречия в местном обществе сохранялись, как сохранялась и некоторая замкнутость, закрытость этого мира

для внешнего наблюдателя, но империя настойчиво вмешивалась в локальную жизнь, предлагала невиданные ранее возможности и вызывала в ответ и новый интерес, и новые возмущения.

Возвращаясь к вопросу о том, как трактовать восстание 1916 г., важно видеть его сложную природу. Оно, безусловно, было антиколониальным и явилось борьбой с колониальной властью, с ее ставленниками и колонистами, переселенцами в ответ на решения этой власти, которое население считало для себя несправедливыми и незаконными. Однако было бы неверно всю внутреннюю сложность сводить только к антиколониальной борьбе. В этом восстании мы видим и тенденцию внутреннего конфликта в среднеазиатском обществе, конфликта разных фракций, которые боролись за лучшие позиции, или конфликта между социальными группами. Наверное, эта тенденция была вторичной, не главной, но она была и мы не можем ее игнорировать.

Махмудов О.А.

## Призраки и страхи колониальных властей Туркестана: мусульманское «духовенство» в восстании 1916 г.

.....

**В** этом году исполняется 100 лет со дня, пожалуй, самого массового и опасного движения населения среднеазиатских владений Российской империи против ее владычества в крае. Конечно, это было далеко не первое восстание такого рода. Так, в 1898 г. в Ферганской области произошло крупное Андижанское восстание<sup>1</sup>, потрясшее колониальные власти своей неожиданностью и массовостью участия «туземцев» в нем. Оно оказало значительное влияние на взгляд российских властей на население края в сторону еще большей подозрительности и отчужденности. Но при этом властями не были сделаны правильные выводы из этого восстания, и политика колониальной администрации в крае практически продолжала оставаться прежней, что и привело в дальнейшем к трагическим и кровавым событиям 1916 г.

Как известно, население Туркестанского края в своем подавляющем большинстве являлось мусульманами суннитского толка и влияние ислама и мусульманского «духовенства»<sup>2</sup> на его жизнь, взгляды и представления по отношению к российским колониальным властям было огромным (хотя отличалось у разных среднеазиатских народов). Не удивительно поэтому, что представители российской колониальной администрации очень часто видели или,

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: Бабаджанов Б.Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизованных») // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 155–200.

<sup>2</sup> Здесь и далее под понятием мусульманское «духовенство» я понимаю всех лиц, официально и неофициально причастных в глазах колониальной администрации к исполнению различных треб и обрядов ислама, в том числе судебной. В документах их называли муллами, ишанами, ходжами, казиями и т. д., не всегда до конца понимая подлинный смысл употребляемых терминов.

по крайней мере, подозревали во многих событиях и выступлениях местного населения против русских властей влияние или прямое подстрекательство мусульманского «духовенства».

Так было и с Андижанским восстанием 1898 г., и с рядом других движений, в поднятии которых обычно обвиняли различных духовных мусульманских лидеров, часто не пытаясь даже разобраться в глубоких социальных и экономических причинах событий. Конечно, поиск причин восстаний против российской власти в перманентной ненависти «мусульман» к «неверным» русским было намного легче найти, чем пытаться разобраться в подлинном недовольстве «туземцев» политикой и неудовлетворительными методами управления колониальной администрации. Именно поэтому исламский фактор в недовольстве российской властью в Туркестане был очень популярен среди краевого чиновничества всех уровней. Об этом очень много писалось на самом высоком уровне. Стоит хотя бы вспомнить знаменитый доклад Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского «Ислам в Туркестане»<sup>3</sup>, написанный по следам андижанских событий 1898 г.

Если по отношению к предыдущим восстаниям влияние ислама и мусульманского «духовенства» в той или иной мере можно более или менее проследить, то в восстании 1916 г. это выявить намного сложнее. Ниже я не буду пытаться доказать решающее или значительное влияние мусульманского «духовенства» и ислама на восстание 1916 г. Я попытаюсь показать то, как видели представители российской колониальной администрации различных уровней это восстание и участие в нем мусульманского «духовенства». Для этого и, так сказать, для большей наглядности взгляды колониального чиновничества на ислам и мусульманское «духовенство», а также на участие его в восстании 1916 г. я буду предоставлять больше возможности самим российским чиновникам высказать свои взгляды и представления, приводя цитаты из архивных документов, порой довольно обширные, попутно комментируя и анализируя их.

Кроме того, я попытаюсь выявить, как вообще представляло себе колониальное чиновничество Туркестана особенности, взгляды

<sup>3</sup> Ислам в Туркестане. Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии [С.М.] Духовского. Ташкент, 1899 // Императорская Россия и мусульманский мир / Под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2006. С. 142–178.

ды, роль, деятельность, значение, влияние на местное население и т. д. т. н. мусульманского «духовенства» и ислама как религиозно-политического фактора вообще. Ответы на эти вопросы представляются чрезвычайно важными. Ведь чиновник – это человек, облеченный властью, но, как и всякий представитель «рода людского», имеющий свои взгляды, пристрастия, фобии и т. д. На действия и решения, принимаемые им, в той или иной мере влияет его личное восприятие окружающего мира. От этой «серой массы чиновников», как их обычно называли, и которая, несомненно, не была однородной (имена которых нам часто даже не известны), зависело, как проводились в жизнь решения высшей администрации колонии, принимавшиеся, прежде всего, на основании информации, большей частью полученной от тех же чиновников на местах. Эта информация после соответствующей «обработки», не исключавшей привнесения чиновником, готовившим документ, своего личного мнения, интерпретации и видения фактов, ложилась на стол начальства в виде различных докладных, отчетов, рапортов, записок и т. д. Часто именно на их основе и определяли основные направления политики метрополии на местах. Понимание же того, как репрезентировал для других и для себя колонию, ее жителей и их религиозно-политические взгляды чиновник, управляющий и принимающий решения, дает нам шанс понять подоплеку многих действий, а также скрытых, часто неосознанных движущих сил политики, проводимой местной российской администрацией на «окраинах» империи.

Не претендуя на полноту освещения проблемы, постараемся рассмотреть некоторые ее аспекты на примере рапортов, донесений и отчетов российских колониальных чиновников<sup>4</sup>.

\* \* \*

Не рассматривая детально подробности, ограничимся описанием и рассмотрением некоторых событий восстания.

Восстание 1916 г. охватило огромную территорию современных среднеазиатских государств и Казахстана. Причин восстания было

---

<sup>4</sup> При исследовании я в основном пользовался архивными документами, как неопубликованными, так и опубликованными в различных специальных сборниках.

много. Все они составляли комплекс, в котором переплетались как политические, экономические, социальные причины, так и общее недовольство населения методами колониального управления краем и переселением в Туркестан русских крестьян. Недовольство исподволь копилось многие годы, но почти не замечалось властями вплоть до начала восстания<sup>5</sup>. Как известно, катализатором к восстанию явился Высочайший указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г.<sup>6</sup>

После объявления об этом среди населения начались возмущения, причем, как отмечали сами русские власти, «характер и размеры их (беспорядков. – О.М.) значительно изменялись в зависимости от местных условий по областям и даже отдельным уездам»<sup>7</sup>. Возмущения, прежде всего, были связаны с неожиданностью этого объявления и тем, что был разгар полевых работ.

Хронологически самое первое выступление произошло 4 июля 1916 г. в Ходженте. Толпа «туземцев-горожан» собралась у канцелярии полицейского пристава и потребовала отмены составления списка рабочих для отправки на тыловые работы. В результате произошло столкновение и был открыт огонь. Погибли два человека из нападавших и один был ранен<sup>8</sup>. Через несколько дней военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин встретился с местными жителями, собравшимися на площади возле городского вокзала. Далее произошла очень интересная и весьма характерная сцены.

Вот как описывает эту встречу сам Лыкошин: «Здесь меня ожидала довольно большая толпа народа из соседних селений Костакоза и Исписара, и я остановился, желая с ними говорить. Я просил всех сесть, как стояли, и сам стоя начал разъяснять собравшимся все значение Высочайшего повеления о наряде рабочих и правила самого набора.

<sup>5</sup> То же было и с Андижанским восстанием 1898 г., которое оказалось совершенно неожиданным для русских властей. См.: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 25. Д. 73. Л. 1–35.

<sup>6</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С. 25–26.

<sup>7</sup> Там же. С. 69.

<sup>8</sup> См.: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1135. Л. 36.



Меня внимательно слушали, но толпа стояла с мрачными лицами и хранила жуткое молчание.

Ученый туземец, один из мулл с. Исписар, бывший когда-то народным судьей, дав мне договорить, встал и, почтительно сложив руки, попросил позволения спросить еще несколько слов и, получив разрешение, повторил мне легенду о данном генерал-адъютантом Кауфманом обещании не брать в солдаты туземцев... пока не минует пятьдесят лет со дня завоевания края. “Вот для ташкентцев уже истекло полвека и от них уже можно брать рабочих, – закончил туземец свою легенду, – а Ходжент и Ура-Тюбе присоединены позже, льготный срок для них еще не истек”.

Мне пришлось разъяснить моему собеседнику и всей толпе баснословность рассказанной легенды, мое объяснение было как будто принято, но последствия сего получились совсем неожиданными: мулла, с которым я говорил, вдруг, обратившись к толпе, сказал: “Да что там толковать – ведь говорили же вы, мусульмане, что не дадите рабочих!” – “Не дадим, не дадим!” – тихо загудела толпа, и я лишь только еще раз подтвердил, что Высочайшее повеление о наряде необходимо исполнить во что бы то ни стало<sup>9</sup>.

В этом эпизоде интересна роль «муллы». Он сам являлся когда-то представителем русской колониальной администрации, будучи народным судьей (казий). Но теперь именно он выступил в качестве своеобразного вожака людей, не желавших отправляться на работы. Осознавая это, Лыкошин мог лишь беспомощно и обреченно высказаться о непременности исполнения императорского повеления. А ведь Лыкошин считался знатоком края, прекрасно владел местными языками, и поэтому довольно хорошо понимал психологию «туземцев».

Пожалуй, одним из наиболее ярких и жестоких эпизодов восстания 1916 г. (помимо событий в Семиречье) является восстание в Джизакском уезде Самаркандской области. Началось оно 13 июля 1916 г. и почти сразу приняло чрезвычайно острый и остервенелый характер. В этот день толпа предъявила требование уездному начальнику Рукину выдать им списки лиц, отправляемых на тыловые работы. После получения отказа Рукин вместе со своими людьми

<sup>9</sup> Там же. Оп. 31. Д. 1100. Л. 22–22 об.

был жестоко убит. На следующий день восстание охватило почти всю территорию уезда.

В ряде мест оно приняло откровенно антирусский характер. Причем особенно ярко это проявилось в тех районах уезда, где во главе восставших встали представители мусульманского «духовенства» и потомки бывших местных правителей. В частности, одним из главарей восстания являлся Назыр-ходжа. По мнению заместителя военного прокурора генерал-лейтенанта Н.Е. Игнатовича, расследовавшего события в Джизаке, «сигнал этому восстанию подал некий ишан Назыр-ходжа, бывший посланцем от города Джизака в Ташкенте. Вернувшись 13 июля из Ташкента, ишан Назыр-ходжа благословил народ на войну с русскими и двинул громадную вооруженную толпу на русскую часть гор. Джизака, причем первую жертвою этого восстания был начальник уезда полковник Рукин». Далее в рапорте Игнатович сообщает, что в третьем Зааминском участке Джизакского уезда Зааминским беком был избран «некто ишан Касым-ходжа, который, назначив своих сподвижников при себе “министрами”, начал священную войну против русского владычества с целью образования... самостоятельного бекства»<sup>10</sup>.

Н.С. Лыкошин в своем донесении Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину утверждал, что между ишаном Назыр-ходжой, Мухтар-ходжой (предполагаемым руководителем восставших в Джизаке) и главой восстания в Богданской волости Абдурахманом Дживачи существовала связь. Вывод этот делался на основании сведений, что сын последнего был «мюридом или последователем, учеником ишана Назыр-ходжи». Лыкошин также считал очевидным, что ишаны других местностей Джизакского уезда (например, ишан в селении Заамина) были осведомлены о намерениях джизакских ишанов и, может быть, действовали с ними заодно через своих мюридов в разных местах края. Путем мистическо-религиозных внушений они подчиняли волю своих учеников. Любой приказ ишана мюриды должны были выполнять без рассуждений.

Никакой страх ответственности не мог удержать мюрида от исполнения приказания, так как мюрид считал ишана своим ду-

<sup>10</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 103–103 об.

ховным руководителем, и потому обязанным творить волю наставника. Таким образом мюрид спасал свою душу и заслуживал одобрение духовного руководителя. Лыкошин считает, что «набор рабочих послужил лишь удобным предлогом, а больше имелись в виду религиозно-завоевательные стремления ишанов, о чем свидетельствует тот факт, что при нападении на русских имели место настойчивые предложения русским переходить в ислам и даже, как говорят, случаи производства обрезания над новообращенными, под угрозой смерти согласившихся переменить веру отцов на мусульманскую»<sup>11</sup>.

Складывается впечатление, что Лыкошин чересчур абсолютизирует влияние «духовенства» на свою паству, которая, по его мнению, вообще не может рассуждать и действует лишь по приказу своих ишанов и мулл. Впрочем, это вполне в русле «ориенталистских» представлений, господствовавших в широких кругах чиновничества и вообще в образованных кругах русского общества Туркестана.

Несомненно, ислам играл значительную и отчасти движущую роль в представлениях восставших. Это видно хотя бы на примере, отмеченном Лыкошиным, о спасении тех русских, которые под угрозой смерти соглашались принять ислам. Вот еще один факт подобного отношения. 14 июля в кишлаке Сантабе Богданской волости Джизакского уезда осадили топографа и техника поземельно-податной комиссии, живших в юрте вместе с женами. Их окружили и начали обстреливать камнями. «Спасло всю эту горсть русских людей то обстоятельство, что им предложили принять мусульманство, на что ввиду безвыходности положения они решили согласиться. Настроение толпы тотчас изменилось к лучшему, около русских появился ишан и как будущий мусульман взял под защиту и провел в свое помещение, где они и проживали до 26 июля, когда пришли казаки и выручили их»<sup>12</sup>.

Если русские отказывались принять ислам, то их непременно стремились убить. Это произошло с Зааминским участковым приставом Соболевым 12 июля, который отбивался вместе со стражниками от осаждавшей толпы «туземцев» в одном из домов в Заамине.

<sup>11</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 141.

<sup>12</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 26 об.

«До 12 часов дня выстрелов со стороны мятежной толпы не было, они имели намерение взять всех живьем, чтобы заставить принять мусульманство (такое предложение делал Зааминский ишан). Когда же осажденные отвергли сдачу, из толпы начали стрелять»<sup>13</sup>. В результате Соболев погиб, а стражникам все же удалось спастись.

Создается впечатление, что Лыкошин, как и многие другие колониальные чиновники, несколько преувеличивал влияние мусульманского «духовенства» на начало и ход восстания, хотя, конечно, их роль, порой довольно значительную, отрицать нельзя. Конечно, свести все причины волнений к деятельности каких-либо сил – мусульманского «духовенства», германских или турецких агентов – было легче и удобнее для колониальных властей, чем разбираться с глубокими подлинными причинами недовольства «туземцев».

Как уже отмечалось многими исследователями, причины восстания лежали глубоко внутри и коренились, прежде всего, во все нараставшем недовольстве жителей Туркестана методами управления и политикой российских колониальных властей, а также экономическими и социальными причинами. Объявление набора на тыловые работы и деятельность мусульманского «духовенства» явились лишь катализатором и толчком к народному восстанию против русских властей, выливавшееся иногда в стремление к уничтожению всех русских<sup>14</sup>.

Но был и несколько иной взгляд на роль мусульманского «духовенства» в восстании. Так, Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин считал, что оно сыграло немалую роль «в деле происшедших беспорядков», но при этом духовенство, «зависящее по своему положению от добродетельных деяний населения, вынуждено было высказывать себя не иначе как борцами за народное дело»<sup>15</sup>. Таким образом, Куропаткин снимает основную ответственность за поднятия восстания с «духовенства», но, правда, и не указывает других конкретных виновных.

Высказывалось и такое мнение о причинах участия «духовенства» в восстании: «...Ишанам, – писал Лыкошин, – не хотелось

<sup>13</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 26 об.

<sup>14</sup> Например, см.: Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. 2011. № 8. С. 98–126.

<sup>15</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 149.

отпускать в Россию своих мюридов, потому что... они лишались с их уходом даровых рабочих рук и отлично понимали, что из России их последователи вернутся совсем не такими послушными их слугами, какими были здесь...»<sup>16</sup>

Вообще, следуя рассуждениям колониальных чиновников, возникает ощущение, что когда они писали о тех же ишанах, муллах, имамах и т. д., что именно они явились поджигателями народа против русских в некоторых районах Туркестана, имелось в виду, что руководствовались они, прежде всего, не религиозными, а чисто земными практическими целями захвата власти или сохранения влияния на своих мюридов и связанного с этим личного благополучия.

Возможно, это делалось из неосознанного или осознанного желания выставить духовных лидеров мусульман своего рода дельцами от религии, пекущихся лишь о своем благополучии и беспринципно использующих простых верующих для достижения этих целей. Особенно любопытно это слышать от военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина. Все эти рассуждения показывают, насколько «ориенталистским» в саидовском смысле было восприятие «туземцев» у русского колониального чиновничества, причем это восприятие здесь было отнюдь не положительного характера.

В широких кругах колониального чиновничества, несомненно, искренне считалось, что Россия должна нести народам Туркестана свет истины и просвещения. Поэтому понятны с горечью написанные Лыкошиным и, скорее всего, отражавшие мнение значительной части русского общества Туркестанского края строки: «Видимо, за прошедшие после завоевания края полвека нам не удалось побороть в народе фанатическую его нетерпимость к иноверцам-завоевателям и убедить население в преимуществах русской культуры и русской гражданственности». Далее Лыкошин называет свыше шестнадцати причин, по его мнению, такой «неудачной колонизации». Среди них, в частности, отмечалась «совершенная неосведомленность наша (колониальных властей. – О.М.) о ходе духовного и умственного развития туземного населения, отсутствие развевающих школ и полнейшее невмешательство в дела мусульманской школы, передающей подрастающему по-

---

<sup>16</sup> Там же. Л. 149.

колению только схоластическую премудрость, унаследованную от предков, нисколько не развивающей, а фанатизирующей своих учеников».

Еще одной причиной, по мнению Лыкошина, является «равнодушие к борьбе с суфийской проповедью местных ишанов, поработивших своих духовных последователей (мюридов) и ведущих свою паству вовсе не навстречу русским интересам в крае. Видное участие ишанов в Джизакском мятеже подтверждает это указание»<sup>17</sup>.

Со взглядом Лыкошина полностью гармонирует мнение и. д. военного губернатора Ферганской области полковника Иванова. Он отмечает, что долгое время «велась мусульманская фанатическая пропаганда против неверных в покровительствуемых нами мусульманских учреждениях, оставшихся без всякого надзора. Одновременно с сим облегчалась возможность широкого паломничества в Мекку, и сотни тысяч ходжей разносили по краю фанатические доктрины ислама и почерпнутые в Турции идеи панисламизма вместе с описанием своих впечатлений о величии мусульманского государства»<sup>18</sup>.

Для лучшего понимания взглядов российского колониального чиновничества на мусульманское «духовенство» было бы не лишним выяснить, кого же они сами включали в это понятие и как характеризовали его значение и роль в жизни местного мусульманского населения Туркестана. В этом на помощь нам приходит тот же полковник Иванов. Вот что он пишет по этому поводу: «...Считаю своевременным охарактеризовать совершенно обособленную от русского влияния... группу туземного населения, определяемую словом "духовенство". Сюда входят туземные священнослужители, класс учителей в бесчисленных медресе и мактабах, бродячие проповедники (маддахи) и представители мусульманского воинствующего суфизма – ишаны со своими мюридами и учениками (суфи). Вся эта группа с первых моментов после завоевания края оплакивала утрату мусульманской самобытности и подпадение под власть неверных. Эта группа провозвестников воинствующего ислама не вложила, как и велит Коран, меч в ножны и после того, как русское

<sup>17</sup> ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 29 об. – 30.

<sup>18</sup> Там же. Л. 46 об.

оружие разбило всякое сопротивление туземных народов и покорило их под власть Белого царя. На всем пространстве времени от первых дней завоевания края русскими войсками до наших дней эта группа вела тайную агитацию против русского влияния, пользуясь покровительством веротерпимого закона, лишь усиливалось с каждым днем, все более и более овладевая настроениями народной массы. Так, с каждым годом росло число мусульманских учебных заведений, а вместе с тем увеличивалось и число обучающихся в них распропагандированных фанатиков. С каждым годом увеличивалось паломничество в Мекку, обратившееся в последнее время в массовое движение. А вместе с этим увеличивались контингенты, среди которых фанатическое духовенство приобретало значение единоличных властителей дум. Постепенно пропаганда мусульманского духовенства приняла решающее значение. Все туземное население пришло к выводу, что русские принесли с собой в край “скверну”, нетерпимую мусульманским вероучениям, и что скверна эта грозит заражением всему правоверному населению, дети которого уже начали заражаться. Отсюда успех идей панисламизма...»<sup>19</sup>

Как видно из этого текста, представление о мусульманском «духовенстве» у российского чиновника весьма отрицательное. Оно изначально представляется как перманентный враг власти России в регионе, с которым надо бороться во что бы то ни стало.

В Ферганской области, согласно документам, также было много представителей «духовенства», и прежде всего, ишанов, «замешенных в ведении подстрекательства к делу учинения беспорядков и отказа давать рабочих в формируемые рабочие команды». Среди них в Андижанском уезде, по агентурным данным помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения подполковника Г.Ф. Розалиона-Сошальского, были следующие «духовные» лица: Кайкинский ишан Нарынской волости Ходжа-Мухаммед Сайид-Ахмед-Ишанов – участник еще Андижанского восстания 1898 г.; Дальверзинский ишан Шамсутдин-Мирза Сайфетдинов с двумя сыновьями. Кроме того, указывается, что в кишлаке Чинабад подстрекательством к беспорядкам занимался некий неизвестный по имени ишан из Ташкента и еще один ишан, также неизвестный по

<sup>19</sup> Там же. Л. 47–47 об.

имени, из кишлака Найнаван Ханаватской волости. Пропагандой избиения русских занимался в кишлаке Яробаши местный мулла совместно с седым стариком сартом<sup>20</sup>.

Влияние мулл на организацию беспорядков Розалион-Сошальский отмечал и в Кокандском уезде. Весьма любопытно обоснование этого вывода. Он утверждает, что так как волнения произошли на рассвете, то, «принимая затем во внимание, что в настоящее время ураза (пост), когда мусульманам днем не разрешается ничего есть, а можно есть лишь ночью, когда в мечетях происходят усиленные моления, является несомненным, что разработка плана действий происходит не без участия мулл»<sup>21</sup>. Такие доводы показывают весьма поверхностное знание подполковником основ ислама, что было скорее обычным явлением среди русских чиновников Туркестана, чем исключением.

Довольно показателен один из выводов, сделанный Г.Ф. Розалионом-Сошальским о событиях 1916 г.: «... по имеющимся агентурного сведениям, как в Ферганской, так равно в Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях, за спинами толпы стоят казии и муллы, которые, благодаря своему привилегированному положению, играют на два фронта, а именно: перед начальствующими лицами они с успехом стремятся доказать свою преданность России, но в этом направлении абсолютно ничего ни делают, наоборот, будучи обеспокоены тем обстоятельством, что в рабочие команды легко могут попасть их сыновья и родственники, они тайно подстрекают толпу своих прихожан отказываться от поставки рабочих...»<sup>22</sup>

После объявления о наборе рабочих в Андижане толпа стала спрашивать у членов «туземной» администрации, как им поступить. Алайлыкский народный судья (казий) Мулла-Мавмен-Ходжа Мулла-Наркулов заявил: «Я имею единственного сына, если царю он нужен, я жертвую своим сыном». Сайский народный судья Мулла-Тюракул Джанбалиев считал, что «по шариату туземцы обязаны выполнять высочайшие повеления». По мнению еще одного улема, Мод-Муллы Ахуна шариат не воспрещал мусульманам исполнять волю царя. Далее в документе говорится, что «выступления» двух

<sup>20</sup> ЦГА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 905. Л. 37–37 об.

<sup>21</sup> Там же. Л. 39.

<sup>22</sup> Там же. Л. 46 об. – 47.



указанных народных судей и ишана были встречены народом с энтузиазмом и единовременным возгласом: «Мы согласны выставить рабочих и исполнить царскую волю. Амин».

Душевный подъем народа был настолько высок, что все собравшиеся начали плакать от умиления. Собрание закончилось краткой молитвой за царя и народ, уполномочив старшего аксакала составить приговоры о своем согласии поставить рабочих для армии, после чего народ мирно разошелся по домам...» Но все это благообразие разбивается о дальнейшие строчки документа, что «туземное население ... продолжает волноваться» и отказывается подчиняться своей «туземной администрации», которая полностью утратила свое влияние<sup>23</sup>.

Представители колониального чиновничества были сторонниками различных мнений, видевших корень бед лишь в деятельности и подстрекательствах мусульманского «духовенства», с которым стоит бороться, и победа над которым решит все проблемы. Но были и более трезвые, глубокие оценки и мнения, указывающие, что влияние ислама на население и его оппозиционные настроения против российской власти лишь последствия, а не причина этого и что бороться с влиянием мусульманского «духовенства» и ислама на население надо совершенно другими способами.

Тот же полковник Иванов в резолюции на одном из документов указал: «Бороться с человеконенавистническим направлением ислама, выражавшимся в проповедях маддахов, программах медресе и мактабов и всей деятельности мусульманского духовенства, я нахожу возможным лишь путем устранения всего того, что составляет благоприятную почву для ненависти, т. е. несправедливости, злоупотреблений эксплуатации, а также выдвинуть свою, отвечающую народным запросам программу образования, мерами же полицейского воздействия я опасаясь вызвать лишь еще большее недовольство и достичь этим результатов совершенно обратных»<sup>24</sup>.

Таким образом, восстание 1916 г. всколыхнуло и возродило все призраки и страхи российской колониальной администрации,

<sup>23</sup> Там же. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1888а. Л. 60.

<sup>24</sup> Там же. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 905. Л. 112 об.

существовавшие у нее как минимум со времен Андижанского восстания 1898 г. Ислам всегда воспринимался большинством российского колониального чиновничества Туркестана как нечто враждебное власти России, требующего чрезвычайно осторожного отношения и контроля.

То же касалось и мусульманского «духовенства». К нему старались подходить с осторожностью, считая его перманентным врагом русской власти. Но при этом мусульманское «духовенство» старались всячески задобрить, привлечь на свою сторону, включив в состав «туземной» администрации в качестве волостных старшин и народных судей (казиев), или, по крайней мере, нейтрализовать контроль за их деятельностью. Но эта политика не была последовательна и сбалансирована. Власть никак не могла решить, стоит ли создавать специальные органы для регулирования ислама (Духовное управление) или нет. Эта дискуссия длилась со времен завоевания Туркестана и так и не была разрешена вплоть до 1917 г.<sup>25</sup>

Вспыхнувшее восстание 1916 г. заставило колониальные власти вновь обратить пристальное внимание к мусульманскому «духовенству» и искать, по крайней мере, в некоторых районах именно в нем источник «возмущения» как против мобилизации населения на тыловые работы, так и российской власти вообще. Часто виновность и участие «духовенства» обосновывались просто тем, что, «если бы они (муллы и ишаны. – О.М.) возвысили голос и обратились к общей массе населения с разъяснениями и указаниями на текст Корана о повиновении сему распоряжению, то, безусловно, все обошлось бы спокойно»<sup>26</sup>. Таким образом, нейтральную позицию мусульманского «духовенства» в вопросе призыва рабочих многие российские чиновники претенциозно были склонны расценивать как враждебную русской власти.

Сложно ответить на вопрос, какова была степень участия мусульманского «духовенства» в восстании 1916 г. Но в представлении многих российских чиновников это участие было довольно значительным, а иногда и решающим, при этом их не интересовали

<sup>25</sup> См.: ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 326, Л. 2; Д. 1725. Л. 10–14, 22–26, 52–68, 85–85 об, 89–89 об, 250–250 об, 283–283 об; Ф. И-1. Оп. 18. Д. 29. Л. 130–136 об; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 15449. Л. 61–63; Ф. И-717. Оп. 1. Д. 16. Л. 403–414 об; Д. 19. Л. 11–16 и др.

<sup>26</sup> ЦГА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 905. Л. 333 об.

---

особые доказательства. Это признавалось как константа со времен Андиганского восстания 1898 г. Именно в этой предубежденности, возможно, и крылась причина того, что колониальное чиновничество вовремя не почувствовало начало возмущения населения против российской власти, в котором указ о призыве на работы явился в значительной мере всего лишь искрой, из которой разгорелось пламя.

ВАСИЛЬЕВ А.Д.

## К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г.<sup>1</sup>

Участие немецко-турецкой агентуры в восстании 1916 г. неоднократно отмечалось в советской историографии. Интересно, что в опубликованных документах об истории восстания упоминается турецкая и немецкая агитация, еще больше убедившая местное население в необходимости подняться на мятеж. Немецкая и турецкая антиправительственная пропаганда считалась одним из факторов, пусть и не основным, но тем не менее немало способствовавшим подъему масс на восстание<sup>2</sup>. Документы же турецких архивов не привлекались и не были использованы.

Несколько лет назад автору доклада представилась возможность провести изыскания на тему связей Османской империи и Центральной Азии в Османском архиве Кабинета премьер-министра в Стамбуле. В ходе работы в данном архиве документов, подтверждавших напрямую участие Турции в событиях 1916 г., обнаружить не удалось. Особенностью архива является то, что значительный массив документов все еще остается не введенным в научный оборот, хотя работы по оцифровке османских документов ведутся постоянно. Учитывая это, вероятно, подобные материалы еще могут быть обнаружены. Материалы же Османского архива в Стамбуле практически не содержат материалов (за исключением вырезок из западных газет) о происходящем на территории Туркестана в период Первой мировой войны. Однако именно в Стамбуле хранится фирман о газавате, который, вероятно, и мог послужить дополнительным мотивом участия в мятеже некоторых духовных лиц Туркестана.

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12022.

<sup>2</sup> См., например: Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С. 216, 307, 325, 397, 407–409, 518, 719, 736, 738 и др.; Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов. Ташкент, 1932. С. 28.

Другой важный источник, который мог бы пролить свет на степень участия Турции в событиях 1916 г., – это архивы османской диверсионно-разведывательной организации Тешкилят-и Махсуса, созданной Энвером-пашой накануне Первой мировой войны для борьбы с внутренними врагами Турции, сбора развединформации о соседних странах и развития панисламистского движения в мире. Однако эти архивы также недоступны исследователям (за исключением отдельных документов), поскольку в 1918 г. члены младотурецкой партии уничтожили архивы Тешкилят-и Махсуса.

В настоящее время опубликованы многочисленные воспоминания членов Османского правительства и активных участников Тешкилят-и Махсуса, которые весьма детально рисуют картину пропагандистских, разведывательных и подрывных акций турецкой разведки в ходе Первой мировой войны на Балканах, Кавказе, в Иране и Афганистане, Индии<sup>3</sup>. Тем не менее документальных подтверждений участия агентуры Тешкилят-и Махсуса в подготовке восстания 1916 г. не сохранилось и о действиях турецких эмиссаров на территории Туркменистана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана достоверно не известно. Сообщения российских чиновников о «турецких генералах», якобы приехавших в край накануне восстания, также следует рассматривать критически, поскольку составители данных рапортов могли быть заинтересованы в преувеличении своей роли и раздувании угроз, исходивших для российской власти в регионе. Сообщения о появлении турецких офицеров накануне волнений также появлялись и в ходе расследования другого громкого восстания, произошедшего в Андигане в 1898 г.<sup>4</sup> Турецкое влияние в Туркестане зачастую российскими военными преувеличивалось, позволяя списать просчеты государственной политики в сложном для управления отдаленном регионе империи на враждебные внешние силы.

<sup>3</sup> См., например: *Cemil Arif. Birinci Dünya Savaşında Teşkilat-i Mahsusa*. İstanbul, б.д. Ариф Джемиль в годы Первой мировой войны являлся адъютантом члена младотурецкого триумвирата, министра внутренних дел Талаат-паша и в своих воспоминаниях подробно описал действия турецкой разведки на Балканах и Кавказе. Также см.: *Orbay Rauf. Siyasi hatıralar*. İstanbul, 2009. Будучи одним из выдающихся военных и политических лидеров младотурок, Рауф Орбай участвовал в подготовке германо-турецкой миссии в Афганистан в начале Первой мировой войны. В частности, об этом говорится на с. 40–47 его воспоминаний. О планах османской разведки в Индии см.: *Keleşyılmaz V. Teşkilat-i Mahsusa'nın Hindistan Misyonu (1914–1918)*. Ankara, 1999.

<sup>4</sup> Об этом, в частности, упоминает М.А. Терентьев с своим четырехтомнике. См.: *Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии*. СПб., 1903–1906. Т. III. С. 484, 486.

Турецкие историки, а также историки из числа эмигрантов – выходцев из Центральной Азии, рассматривая события 1916 г. в своих работах, трактуют восстание как антиколониальное, вызванное злоупотреблениями центральных властей, незаконной мобилизацией и нарушением гражданских прав<sup>5</sup>. О какой-либо помощи восставшим со стороны Турции в их работах не упоминается.

О массовых задержаниях турецких или германских шпионов, уличенных в подобных действиях, практически не сообщается. Речь здесь, вероятнее всего, может идти об агентах влияния, т. е. о тех духовных лицах, религиозных лидерах, побывавших накануне Первой мировой войны в Мекке, путь в которую вел через Стамбул. Подобные примеры неоднократно отмечались, например, в сборнике документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Однако на их основании оценить ход и степень влияния достаточно сложно. Османская империя оказывала определенное влияние на настроения мусульманской общины Туркестана. Чтобы понять степень влияния Турции на события 1916 г., необходимо более детально рассмотреть ту политику, которую в последней четверти XIX в. проводил султан Абдулхамид II (1876–1909 гг.) по отношению к мусульманской общине в мире и которую в определенной мере продолжили младотурки в начале XX в. и накануне Первой мировой войны.

Панисламистская политика Османской империи, направленная в том числе и на туркестанских мусульман, заключалась в создании образа Османской империи как последнего оплота мусульман в борьбе с несправедливой и лицемерной политикой великих держав, поддержке веры мусульманского населения всего мира в то, что Османская империя – защитница мусульман. Для этого, во-первых, применялась практика покровительства тем правителям и членам элитных кланов и династий, которые прибывали из Туркестана. Во-вторых, чтобы укрепить моральный авторитет халифа, поддержку получали

---

<sup>5</sup> *Hayit Baymirza*. Milli Türkistan Hürriyet Davası. Milli Türkistan Mecmuasında bildirilgan fikirler. Ankara, 2004. S. 162–164. *Hayit B.* Ruslara karşı Basmacılar Hareketi. Türkistan Türklüğü'nün Milli Mücadelesi. İstanbul, 2006. S. 23–26. *Baysun Abdullah Recep*. Türkistan İstiklal Hareketleri ve Enver Paşa. İstanbul, 2006. S. 19–22. *Andican Ahat A.* Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi. İstanbul, 2003. *Yalçınkaya Alaeddin*. Sömürgecilik, Pan-İslamizm Işığında Türkistan (1856'dan Günümüze). Ankara, 2006. S. 320.

те улемы и шейхи, которые прибывали в Турцию из Центральной Азии. Наиболее выдающиеся улемы могли представляться лично падишаху, а также награждались почетными званиями, денежными наградами, представлялись к османским орденам<sup>6</sup>.

Самым действенным каналом распространения влияния Османской империи на мусульман Центральной Азии был хадж. Еще Абдулхамид призывал провинциальную османскую администрацию оказывать всевозможную помощь паломникам во время хаджа<sup>7</sup>. В меру имеющихся возможностей османские власти пытались оказывать им содействие, стремясь завоевать их расположение и зарождая в них чувство симпатии к Османской империи<sup>8</sup>. По заявлениям турецких исследователей, целью этой помощи было «привлечь к халифу благие молитвы»<sup>9</sup>.

Многие паломники из Туркестана по пути в хадж стремились остановиться в Стамбуле или же, регистрируясь в османском консульстве в Тегеране, следовали в Мекку через Иран. Стамбул и Тегеран были, таким образом, наиболее важными перевалочными пунктами на пути паломников. Городскому главе Стамбула (Шехрэманет) султан Абдулхамид приказал обеспечивать медицинскую и санитарную составляющие хаджа. Для контроля за приезжими из Центральной Азии, в особенности Кашгара, был назначен специальный чиновник<sup>10</sup>. В последующие годы в качестве жеста внимания к мусульманам Туркестана им отправлялись книги религиозного содержания, экземпляры Корана, реликвии (волосы из бороды пророка)<sup>11</sup>. Также было принято решение не чинить препятствий тем, кто прибыл из русских владений вообще без паспорта, с русским паспортом и пользовался покровительством русских властей<sup>12</sup>.

<sup>6</sup> Например, см.: ВOA, А.МКТ.МНМ. Дело № 481, файл 46. О назначении именной пенсии от имени султана временно проживающему в Конье бухарцу Абдулхамиду-эфенди; ВOA, Y.PRK.UM. Дело № 21, файл 72. О приеме в султанском дворце Ахунд Джана одного из шейхов Бухары, временно проживающего в Медине и т. п.

<sup>7</sup> См.: ВOA, Y.A.HUS. Дело № 212, файл 60.

<sup>8</sup> ВOA, İrade-i Meclis-i Vükela, 23450 (О выдаче бухарскому шейху Абдулкерим-эфенди и афганскому шейху Шехабэттин-эфенди 5000 и 4000 курушей на проезд).

<sup>9</sup> См., например, *Saray M. The Russian, British, Chinese and Ottoman Rivalry in Turkestan*. Ankara, 2003; *Erdoğan M. Akif. The Khoqandi Envoys in Ottoman Istanbul // CAJ*, № 52/1, 2008, pp. 1–10.

<sup>10</sup> ВOA, ВЕО. Дело № 517, файл № 38710. 16.11.1894.

<sup>11</sup> Там же. Дело № 3812, файл № 285876. 16.10.1910.

<sup>12</sup> Там же.

Консульство в Тегеране было пунктом встречи важных гостей, а через османского консула в Тегеране передавались подарки от имени султана важным и высокопоставленным паломникам<sup>13</sup>. Консул в Тегеране зачастую собирал сведения о происходящем в Центральной Азии, отправляя эти донесения в Стамбул<sup>14</sup>. По возвращении из хаджа местные паломники не ограничивались в Стамбуле и Тегеране лишь денежной помощью, зачастую привозя туда отпечатанные в Османской империи брошюры и печатные издания с призывами к восстанию против иностранного владычества<sup>15</sup>. Эти воззвания, вызывая крайнюю обеспокоенность со стороны русских или британских властей, затем распространялись в Туркестане, что находят многочисленные подтверждения в российских архивных материалах<sup>16</sup>. Так, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во время хаджа среди мусульман распространялись брошюры и воззвания с целью получения моральной поддержки и материальной помощи<sup>17</sup>.

Учитывая слабость Османской империи и ее зависимость от западных держав, такая политика проводилась тайно, исподволь, чтобы не слишком привлекать внимание России или Англии<sup>18</sup>. Однако восстановить всю цепь контактов центрально-азиатских мусульман и османских политических, военных и религиозных деятелей не представляется возможным в связи с недостаточностью данных.

Учитывая искаженную ситуацию о состоянии дел на фронтах Мировой войны по состоянию на 1916 г., а именно сведения о захвате русскими войсками Эрзерума и в целом об успешных действиях на Кавказе, Брусиловский прорыв, у туркестанских религиозных деятелей вполне могло сложиться представление о том, что конец единственного независимого от европейцев и самого могущественного мусульманского государства в мире близок, а вместе с разделом Османской империи европейцами будет агрессивно преследоваться и исламское вероучение.

<sup>13</sup> Öke M.K. İngiliz Casusu Prof. Arminius Vambery'nin Gizli Raporlarında II. Abdülhamid ve Dönemi. İstanbul, 1983. S. 21.

<sup>14</sup> Об этом, в частности, упоминает А. Вамбери. См.: *Вамбери А. Путешествие по Средней Азии*. М., 2003. С. 25.

<sup>15</sup> Eraslan C. II. Abdulhamid ve İslam Birliği. İstanbul, 1995. S. 334.

<sup>16</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1949; 2327; 2524.

<sup>17</sup> Eraslan C. Op. cit. S. 334.

<sup>18</sup> Ibid. S. 336.



Интересно, что, по-видимому, турецкое влияние распространялось в Туркестане не только с паломниками, но и с территории Кашгара, где в начале 1914 г. членами комитета «Единение и прогресс» из Османской империи была открыта новометодная школа-пансион для сирот, появились кашгарское отделение «Общества единения Ислама» и благотворительное общество<sup>19</sup>.

В целом турецкое влияние имело место и оказывало определенное влияние на настроения местного населения, особенно духовенства. Однако оно было достаточно ограниченным. По-видимому, турецкое влияние на события 1916 г. необходимо рассматривать вкуче с религиозным аспектом восстания. Внешний фактор (турецкий) не был основным мотивом участия в восстании, а являлся дополнительным стимулом для присоединения к нему.

---

<sup>19</sup> 70 yıl evvelki Çin Türkistanı. Ahmet Kemal'in serüvenleri. İzmir, 1984. S. 26–35. По словам самого Ахмета Кемалю, данные организации были закрыты по требованию русского консула в Кашгаре в конце 1916 г.

Баринов И.И.

## Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны

Рубеж XIX–XX вв. стал для Германии, наконец объединившейся в рамках одного государства, временем активного узнавания различных частей света, о которых до этого имелось лишь поверхностное представление. Одним из главных направлений в данной связи стал Восток. Это явление, которое активно исследовалось как в академической науке, так и в сфере экономико-политических практик, начиная с 1880-х гг. делилось на два понятия. Первое, условно именовавшееся *Ost*, относилось к той части Восточной Европы, с которой исторически взаимодействовали германские земли. Второе, *Orient*, включало в себя огромный конгломерат территорий – от османской Турции до Японии. В более частном случае под *Orient*’ом понимался классический Ближний Восток и ряд территорий, исторически соотносившихся с ним, а именно Северная Африка, Кавказ, Персия и Туркестан.

Как отмечает в своей недавней монографии, посвященной «большой игре» (политическому соперничеству России и Великобритании в части Азии), немецкий историк Рудольф Марк, немецкие ученые, определявшие дискурс восприятия Центральной Азии в Германии, интересовались скорее филологией и литературоведением, а не историей. Такая дисциплина, как востоковедение, оформилась в Германии только в конце XIX в., а первая крупная научная работа по Туркестану, носившая весьма общий характер, вышла только в 1902 г.<sup>1</sup> Германское правительство продолжало смотреть на Туркестан через призму географических и этнографических описаний XVIII–XIX вв. и долгое время считало этот край скорее областью русско-английских противоречий.

<sup>1</sup> Mark R. Im Schatten des „Great Game“: Deutsche „Weltpolitik“ und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn, 2012. S. 79–80.

По мере вхождения единой Германии в мировую политическую и экономическую систему и включения страны в «колониальную гонку» у самого Берлина достаточно быстро наметились заметные трения с Лондоном. В рассуждениях немецких интеллектуалов относительно будущей германской внешней политики на Востоке центральное место стала занимать Индия, «жемчужина» британской колониальной империи. Разработки возможных сценариев противодействия Великобритании выявили две характерные для германского стратегического планирования того времени особенности.

Во-первых, наиболее значимой особенностью являлось *глобальность стратегического видения*. Стремительное развитие техники, средств связи и передвижения в начале XX в. порождали в Германии грандиозные, континентальные планы. Их символами стали частично реализованные проекты железных дорог Берлин – Багдад и Гамбург – Басра, способные обеспечить доступ Германии на Восток посуху. Продвижение Германии к Персидскому заливу вызвало сильную обеспокоенность Англии и в итоге стало одной из причин Первой мировой войны. Противоборство с Великобританией постепенно захватывало все новые и новые регионы Востока, однако не касалось русского Туркестана. Более того, один из наиболее влиятельных немецких интеллектуалов того времени, Генрих фон Трейчке оценивал деятельность русского правительства в крае как «благодетельную»<sup>2</sup>.

Во-вторых, разработка концепции внешней политики сочетала *аналитическое планирование с авантюризмом*. Из-за того, что ряд областей знания, в т. ч. востоковедение, еще не был разработан, к их развитию привлекали людей, хоть как-то знакомых с предметом исследования. Нередко ими были путешественники, журналисты, политические авантюристы и прочие случайные личности. Так, одним из главных экспертов по арабскому Востоку стал археолог-любитель Макс фон Оппенгейм, после начала Первой мировой войны организовавший в Берлине «Информационное агентство по вопросам Востока». В силу подобных обстоятельств недостаточное понимание исторических и социальных реалий какого-то региона

---

<sup>2</sup> Idid. S. 106.

немецкими дипломатами и чиновниками приводило к неверному анализу ситуации и, как следствие, к просчетам, порой фатальным во внешней политике.

В ходе начавшейся в августе 1914 г. Первой мировой войны германское командование стремилось максимально мобилизовать имеющиеся во всех частях света возможности для борьбы с противником. Не был исключением и Восток в самом широком его понимании. Уже в октябре 1914 г. упомянутый фон Оппенгейм предоставил в правительство меморандум, в котором предложил использовать против стран Антанты, прежде всего, Великобритании, России и Франции, исламский фактор. По мнению эксперта, следовало развернуть активную подрывную деятельность в ряде регионов этих империй, где преобладало мусульманское население. Оппенгейм расположил узловые точки своей концепции по степени важности. На первом месте шли Египет и Индия (зона влияния англичан), на втором месте – русский Кавказ. Замыкала цепочку Северная Африка, в которую входили в том числе французские Тунис и Марокко. Что касается Туркестана, то он тоже фигурировал в заключениях Оппенгейма, но только как объект для вероятной пропаганды<sup>3</sup>.

Из Центральной Азии в фокусе зрения германского правительства находился Афганистан. Зная сложные взаимоотношения между англичанами и пуштунскими племенами, Германия стремилась сделать ставку на них для дестабилизации ситуации на границах Индии. С этой целью в декабре 1914 г. в Кабул были командированы два сотрудника германского МИДа – Оскар фон Нидермайер и Вернер Хентиг, до этого совершавшие исследовательские поездки по Персии и хорошо знакомые с регионом. В течение следующих полутора лет германские эмиссары пытались склонить эмира Хабибуллу принять участие в джихаде, который турецкий султан в роли халифа всех мусульман объявил странам Антанты. Русский Туркестан по-прежнему оставался на периферии внимания германского командования и о его существовании иногда напоминали отдельные авантюры, предлагавшиеся в ведомствах иностранных дел Германии. Так, в августе 1915 г. военный атташе Германии

<sup>3</sup> Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Bd. 1. Wien, 1975. S. 41.

в Персии, граф Георг фон Каниц предложил освободить 50 тыс. австро-венгерских военнопленных, находившихся в Туркестане, с целью использовать их для тылового удара в Сибири для отвлечения сил русской армии от Кавказа<sup>4</sup>.

Гораздо более активную деятельность не в пример немцам развили на туркестанском направлении турки. Если, по мнению немецких экспертов, первоначально они должны были только страховать действия Германии в некоторых регионах, в частности, в Индии и на Кавказе<sup>5</sup>, то очень быстро турецкое правительство начало развивать собственную стратегию. Под видом торговцев, дервишей и религиозных учителей турецкие агенты осуществляли сбор средств для антирусской пропаганды, организовывали схроны оружия<sup>6</sup>. В Туркестан через Турцию проникали духовные вожди из Северной Африки, проповедовавшие идею джихада<sup>7</sup>. При этом, как писал в своих мемуарах шеф германской разведки Вальтер Николаи, в Константинополе считали действия в Туркестане исключительно делом Турции и скрывали от германской стороны свои цели и результаты<sup>8</sup>.

В мае 1916 г., так и не склонив афганского эмира к совместным действиям против Антанты, Нидермайер и Хентиг покинули Кабул и устремились в Китай, который на тот момент еще был нейтральной державой. Как вспоминал Хентиг, им пришлось идти напрямую через Памир, который был «неизведанной землей» для немцев<sup>9</sup>. Двигаясь практически вслепую, немецкие разведчики оказались в поле зрения русских пограничников. На Памире войска и начали преследование, пока Нидермайер и Хентиг не укрылись в Яркенде<sup>10</sup>. Можно сказать, это бегство было, скорее всего, единственным крупным и при этом вынужденным проникновением немцев на территорию Туркестана в годы войны.

Неудача в Афганистане заставила Берлин наконец более пристально рассмотреть туркестанскую проблематику. 27 июня 1916 г.,

<sup>4</sup> Ibid. S. 41.

<sup>5</sup> Trietsch D. Der Aufstieg des Islam. Berlin, 1915. S. 15–17.

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 504. Л. 1 об. – 3; Там же. Д. 252. Л. 3.

<sup>7</sup> Там же. Д. 335. Л. 11 об. – 12.

<sup>8</sup> Николаи В. Тайные силы. М., 2015. С. 463.

<sup>9</sup> Hentig W.O. Meine Diplomatenfahrt ins verschlossene Land. Berlin, 1918. S. 106.

<sup>10</sup> Ibid. S. 138.

когда в Туркестане уже начались волнения, затем переросшие в восстание, в Лозанне открылся III Конгресс Союза национальностей, подконтрольной Германии организации антирусски настроенных представителей меньшинств Российской империи. В его работе приняли участие четыре делегата от Туркестана – двое киргизов и двое чагатаев (видимо, речь идет об узбеках)<sup>11</sup>. Есть подозрение, что они не являлись подопечными Германии, а скорее негласно представляли турецкую сторону, которая хотела быть в курсе вероятных действий Берлина в Туркестане. Вместе с тем дальше декларативных заявлений дело не пошло. В связи с ужесточением боев на Западном фронте осенью 1916 г. и Февральской революцией в России германское командование сосредоточилось уже на других сюжетах.

Итак, говоря о германской стратегии относительно Центральной Азии в годы Первой мировой войны, стоит подчеркнуть, что Германия на тот момент имела только приблизительное представление о том, что это за регион. Внимание Берлина в этом регионе по большей части было сосредоточено на Афганистане, который рассматривался в качестве тарана британских позиций в Индии. Русский Туркестан и происходившие там события оставались на периферии внимания германского командования, тогда как гораздо большую активность здесь проявляла Турция, тогдашний союзник Германии. Для составления более точной картины германского стратегического планирования в отношении Туркестана необходима тщательная разработка фондов германского МИДа, Генерального штаба и других ответственных инстанций.

---

<sup>11</sup> Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. S. 46.

МАЛАБАЕВ С.К.

## Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане

---

**В** исторической науке СССР и Кыргызстана вплоть до второй половины 60-х гг. XX в. шли обоснованные и противоречивые научные дискуссии о характере событий 1916 г. в Кыргызстане. Конец этим дискуссиям положило появление в 1967 г. монографии К.У. Усенбаева «Восстание 1916 года в Киргизии», в которой автор с категоричностью именовал действительно бывшими реакционные очаги движения 1916 г. основными очагами восстания<sup>1</sup> и в заключении добавил, что оно носило ярко выраженный национально-освободительный, антифеодальный, антивоенный, антиимпериалистический и революционный характер<sup>2</sup>. Эта точка зрения в более крайней форме получила продолжение в исторической науке суверенного Кыргызстана. Так, М. Махмутбекова в своей диссертации пишет, что «соорганизатором восстания 1916 г. можно считать и царскую Россию, которая имела только одну цель – полный захват земли кочевников-кыргызов и истребление их самих»<sup>3</sup>.

Данная статья призвана несколько прояснить некоторые спорные вопросы трагических событий 1916 г. и положить начало новым дискуссиям, которые приведут к более объективному трактованию тех событий.

Нужно отметить, что трагические события 1916 г. вспыхнули в самый разгар Первой мировой войны, когда страны Четверного союза завязли в позиционной войне, но уже подавляющее превосходство стран Антанты становилось особо заметным, и поэтому спецслужбы кайзеровской Германии и Османской Турции усиленно

---

<sup>1</sup> Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 286.

<sup>2</sup> Там же. С. 306.

<sup>3</sup> Махмутбекова М. Народно-освободительное восстание 1916 года в Кыргызстане (историко-источниковедческий анализ воспоминаний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2008. С. 18.

разыгрывают «национальную карту» в землях, входивших в состав Антанты, с целью ослабления и распада государств своих противников. В.И. Ленин в статье «Итоги дискуссии о самоопределении» также отмечал, что «Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы – ирландское восстание, французы – чешское движение и т. п.»<sup>4</sup> Без сомнения, в Первую мировую войну Германская и Османская империи старались вызвать сепаратистские настроения и распространить свое влияние на туземное население Средней Азии в противовес Российской империи, используя для этой цели панисламизм и пантюркизм. Успеху кайзеровской пропаганды также способствовало тяжелое поражение русских войск при Горлице в 1915 г., а также затруднительное положение российских войск, испытывавших всяческие затруднения, а также тяжелое социально-экономическое положение страны.

Кайзеровская Германия еще до войны наводнила Российскую империю, в том числе и Туркестан, своими агентами, причем многие рускоподданные немцы и даже некоторые русские, занимавшие весьма ответственные посты в империи, являлись агентами Германии. Насколько велико было засилье немцев в России, свидетельствует тот факт, что правительство, чтобы успокоить общественное мнение, было вынуждено издать в 1916 г. указ «О немецком засилье».

Несмотря на этот указ, председатель Совета министров немец Б.В. Штюрмер, германofil, выполняющий безоговорочно все указания царицы-немки и Распутина, агентов кайзеровской Германии, спешно дает указание временно исполняющему обязанности Туркестанского генерал-губернатора немцу Ф.В. Мартсону, находившемуся в Петрограде, немедленно осуществить распоряжение царя о призыве рабочих на тыловые работы. Мартсон 28 июня телеграфирует об этом своему заместителю М.Р. Ерофееву, требуя немедленного исполнения. Штюрмер в этот же день дает телеграмму Ерофееву о немедленном исполнении указа, в то время как он должен был еще до этого согласовать вопрос с военным министром и совместно с ним выработать правила набора.

<sup>4</sup> Цит по: Джамгерчинов Б.Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963. С. 139.



Этого сделано не было. В результате с 28–29 июня по 11 июля не было известно, должен ли набор охватывать все слои населения или нет. О том, что от набора могут освобождаться люди в зависимости от занимаемой должности, образования и даже выставить вместо себя рабочего, стало известно только после 11 июля. Обычно такие массовые мобилизации, чтобы не нарушать хозяйственной жизни страны, приурочивались к осени, когда заканчивались летние сельскохозяйственные работы. На этот раз мобилизацию объявили летом, перед уборкой, к тому же во время религиозного поста – уразы. Все это также сыграло свою роль в возникновении трагических событий<sup>5</sup>.

О том, что восстание имело несколько подпольных, хорошо законспирированных центров руководства, один из которых располагался в городе Ташкенте, свидетельствует разговор казначея города Пржевальска Виктора Жданова с одним из будущих руководителей восстания на Иссык-Куле сартом, директором тюрьмы Султан Муратом, произошедший еще до восстания. На вопрос казначея Пржевальска Виктора Жданова, дадут ли сарты рабочих, Султан Мурат отвечал, что «они поступят так, как скажет Ташкент». «Ташкент уже сказал свое слово – сартовского Джизака уже нет», – мрачно заметил Жданов. Но Султан Мурат опять повторил свои слова: «...а все-таки как скажет Ташкент»<sup>6</sup>.

Нужно отметить, что османская Турция, используя идеологию пантюркизма и панисламизма, еще до Первой мировой войны проводила подрывную политику. Еще в 1912 г. в дом того же Султан Мурата прибыли члены Турецкого комитета, пропагандировавшие единство мусульман, но подверглись аресту царскими властями<sup>7</sup>. До трагических событий османы передали письмо сыновьям Шабдан-баатыра, в котором подстрекали кыргызов поднять восстание для того, что уничтожить русских, и обещали также помочь войсками<sup>8</sup>. Нужно отметить, что политика и идеология панисламизма и пантюркизма давала свои прогрессирующие плоды. Еще в 1913 г.

<sup>5</sup> Выступление Колесниковой Т.Н. // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 345, 347.

<sup>6</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 2. Л. 60.

<sup>7</sup> Там же. Л. 79.

<sup>8</sup> Там же. Д. 1. Л. 6–7.

жандармское управление докладывало административному управлению: «По полученным Департаментом полиции сведениям в местностях империи с мусульманским населением, преимущественно же в Туркестане, Семиреченской и Ферганской областях, под влиянием поражений и неудач турок в войне с балканскими государствами и ввиду якобы оказываемой Россией помощи славянам в настоящее время наблюдается возбужденное настроение мусульман и враждебное отношение их к русским вообще и что мусульмане усиленно обсуждают вопрос о якобы предстоящей войне России с Китаем и не скрывают своих симпатий к Китаю»<sup>9</sup>. Со времени объявления войны с Турцией среди части туземного населения происходили сборы пожертвований в пользу Османской империи как мусульманского государства<sup>10</sup>. Так, когда крестьянин селения Барскаун спросил Шимухаммеда Кендирбаева, «почему киргизы устроили бунт, он ответил, что киргиз берут в солдаты, но они, киргизы, идти в солдаты не могут, потому что им придется воевать с турками-мусульманами, а мусульманин на мусульманина идти не может, а потому они решили лучше помочь туркам и идти против нас, а после устроить свое царство»<sup>11</sup>.

О том, что турецкая пропаганда имела некоторый успех, свидетельствует факт, произошедший до восстания 1916 г. Еще до начала трагических событий начальник Туркестанского районного охранного отделения 9 апреля 1916 г. писал начальнику Ошского уезда о том, что из укрепления Гульча совершен побег десяти военнопленных офицеров Османской Турции, из которых пять человек были задержаны казаками и нижними чинами, пять – киргизами, причем киргизы отпустили задержанных ими пленных офицеров. Далее чиновник спрашивал, проводилось ли по этому поводу расследование<sup>12</sup>.

Нужно отдать должное, агентура Османской и Германской империй сыграла большую отрицательную роль в эскалации конфликта. В ходе восстания одним из значительных трагических событий был захват транспорта оружия восставшими, сыгравший зловещую роль в эскалации конфликта. Исследуя это событие, историк К. Усенбаев отмечает, что захват восставшими обоза с оружием (178 винтовок и

<sup>9</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7.

<sup>10</sup> Там же. Д. 2. Л. 73.

<sup>11</sup> Там же. Д. 6. Л. 12 об.

<sup>12</sup> Там же. И-2. Оп. 2. Д. 14. Л. 15.

свыше 30 тыс. патронов) 9 августа 1916 г. сыграл определенную роль в развитии «народного движения, и этот эпизод составляет одну из ярких страниц истории восстания 1916 г.»<sup>13</sup>, однако он умолчал или не знал о том, что восставшим было известно по агентурным сведениям о движении транспорта с боеприпасами.

Евдокия Зиновьева Грукова, крестьянка селения Гоголевка, отмечала, что во время пребывания в плену Чолкамбай говорил, что восставшим было известно, что в Пржевальск едет оружие и что они подкараулили транспорт и отобрали это оружие<sup>14</sup>. О том, что отдельные представители кыргызского населения готовились к негативным действиям, вылившимся в восстание, свидетельствуют архивные источники.

Семен Оноприенко, крестьянин селения Орловки Пишпекского уезда в своих показаниях отмечал, что «верстах полуторах от меня была кузница Дунушалы, на которую я приходил и здесь видел, что он делал копыя, кинжалы, исправлял ружья, делал ножи и даже стволы: отливал картечь и выкатывал в чугунах дробь. До объявления призыва туземцев я видел, что Дунушалы делал все изложенное, но в очень небольшом количестве, а здесь после его объявления начал делать в очень большом количестве»<sup>15</sup>.

Кайзеровская Германия тоже добилась некоторых успехов в разжигании конфликта и старалась привлечь на свою сторону туземное население. Немецкие эмиссары твердили «о слабости России, о непобедимой Германии». Тем самым они пытались усилить влияние Германии в Средней Азии и императора Вильгельма II выдавали за защитника ислама и всего мусульманского населения Востока<sup>16</sup>. Переселенцы отмечали, «что мятежниками дана клятва бороться с Россией помогая Германии»<sup>17</sup>. Жительница города Пржевальска, фельдшерница-акушерка Александра Босова рассказывала, что среди восставших были «лица очень подозрительные, с характерными армянскими и немецкими физиономиями»<sup>18</sup>. Среди восставших

<sup>13</sup> Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 181.

<sup>14</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

<sup>15</sup> Там же. Д. 25. Л. 35–35 об.

<sup>16</sup> Усенбаев К.У. Указ. соч. С. 279–280.

<sup>17</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 6. Л. 12 об.

<sup>18</sup> Там же. Д. 2. Л.73.

действительно находились неизвестные подозрительные лица, которые дезинформировали их о том, что Токмак, Пишпек, Верный уже взяты и поднимали таким образом мятежный дух<sup>19</sup>.

Штабс-капитан Полторацкий, посланный из Пишпека в селение Новотроицкое Аулиэатинского уезда 29 августа в составе воинского отряда из пятидесяти ружей, доносил: «Новотроицкое окружено киргизами есть много жертв, сего дня имел две стычки с киргизами. Вся масса киргиз собралась в верстах тридцати от Новотроицкого. Пристав зачуйских волостей от второго сентября из Вознесенского доносит – все киргизские волости на левом берегу реки Чу восстали. Новотроицкое обложено. Собралось киргиз до четырех тысяч. На окраинах поселка виден дым, в нескольких местах есть жертвы, слышна одиночная и залповая стрельба. К Новотроицкому надвигаются толпы киргиз из нижних волостей и из Кызыл-Тага. Киргизам оказывают содействие немецкие колонисты и доставляют им провиант. Фамилия одного из сочувствующих колонистов Иван Слепой. В числе киргиз есть турецкий мулла и Аулиэатинские и Ташкентские сарты. Киргизы производят массовую покупку хлеба и ценой не стесняются»<sup>20</sup>.

Пишпекский уездный начальник Рымшевич также докладывал военному губернатору Семиреченской области: «26 августа мною задержан беглец неизвестный. Несмотря на заявление этого беглеца, что он турок, я доставил его приставу. Этот беглец оказался германец, что было установлено во время разговоров с техниками у пристава, и у этого беглеца найдены разные планы»<sup>21</sup>. По показанию пленных, отбитых у восставших в Семиреченской области, восставшими руководил турецкий генерал, а также два европейца. По заверениям пленных, генерал и неизвестные иностранцы были ранее в бою на Кастеке<sup>22</sup>. Пленные крестьяне селения Кольцовского Семен Мепших и другие, побывавшие в плену у восставших по месяцу и больше, слышали от многих кыргызов, в том числе от воспитанников Верненской учительской семинарии и питомцев Пржевальского интерната, рассказы о том, как представители не

<sup>19</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

<sup>20</sup> Там же. Д. 41. Л. 41 об – 42.

<sup>21</sup> Там же. Д. 34. Л. 14–14 об.

<sup>22</sup> Там же. Д. 47. Л. 2.

только рода Шабдана, но и волостей Тонской, Улахольской и других были в Турции, где получили деньги, оружие и обещание устроить в Туркестане особое кыргызско-сартовское царство. Условием составилось уничтожение русских. Пропаганда турко-немецкая, несомненно, имела место во всем Туркестане<sup>23</sup>.

Один из предводителей восставших Канат Абукин говорил, что «он избран ханом, кто его слушаться не будет, тому голову снимет, говорил, что он имеет сообщение с Китаем, Турцией, афганцами и что от них придут войска, совместно с которыми он возьмет Россию и что Россия больше существовать не будет»<sup>24</sup>.

Имеются также данные о причастности к трагическим событиям в Кыргызстане китайских анархистов, выходцев из Кульджинского района, занимавшихся опиумным делом. Восставшие рассказывали, что китайцы и китайские дунгане, бывшие на сборе опиума, принимали участие в резне русских переселенцев. Дунгане помогали им и на аэропланах доставляли кыргызам винтовки. Мамытбай указывал, что аэропланы спускались в горах Пржевальского уезда Барскоуна, откуда кыргызы развозили ружья по другим волостям<sup>25</sup>. В Пржевальском уезде была широко развита культура опийного мака, обработкой которого занимались в основном дунгане и китайцы, которые должны были сдавать его государству по более низкой цене, чем в Китае. Недовольство опиесевов монополизацией скупки опия государством являлось одной из причин конфликта в Пржевальском уезде. Дунгане и китайцы были заинтересованы в возникновении восстания, так как под шумок можно было уехать с опием в Китай. Лишь одно это обстоятельство может служить объяснением восстания пржевальских дунган против империи<sup>26</sup>.

Таким образом, без воздействия подстрекательских и подрывных действий Германской, Османской империй и их союзников трагических событий 1916 г. могло не быть. Вызвав восстание, они стремились разрушить единство империи, образовать здесь очаг напряженности и отвлечь с фронта боеспособные подразделения России.

<sup>23</sup> Там же. Д. 31. Л. 5.

<sup>24</sup> Там же. Д. 22. Л. 46.

<sup>25</sup> Там же. Д. 1. Л. 12.

<sup>26</sup> Там же. Д. 50. Л. 33, 34.

Нужно признать, что внешние силы сыграли огромную негативную роль в ходе трагических событий 1916 г., и это отрицать нельзя. События 1916 г. были своего рода «цветными революциями», инспирированными в большей части извне, похожие явления имеют место бывать на постсоветском пространстве, только с кровавыми последствиями. О том, что события 1916 г. имеют пагубную внешнюю подоплеку, свидетельствуют аналогичные события во всем Туркестанском крае, где внешние силы также сыграли негативную роль.

Также следует отметить, крупные ошибки царской администрации, которая пренебрегла данными своих спецслужб и не предприняла мер для того, чтобы этих кровавых событий не произошло.

Рост коррупционности части как царской администрации, так и местных феодалов и управленцев является одной из причин данных событий.

Восстание 1916 г. было не только против царской администрации, но и местных феодалов, и только невежество и темнота части населения повлияли на то, что в большей степени оно было направлено против переселенцев и царской администрации, благодаря усилиям спецслужб османской Турции и кайзеровской Германии и их приспешников, при попустительстве и прямой поддержке местных феодалов, управленцев и зажиточных слоев Туркестана.

Кадыралина Ж.У. Роль казахской  
либерально-  
демократической  
интеллигенции  
в национально-  
освободительном  
движении в Казахстане  
в начале XX в.

.....

**Н**ачало XX в. было ознаменовано подъемом национального самосознания казахского народа. Происходившие в тот период кардинальные перемены в судьбах метрополии и одной из ее национальных окраин – Казахстана – вывели на авансцену истории целую плеяду общественно-политических деятелей в крае из казахской интеллигенции. Активное осуществление имперской политики, объявление всех казахских земель государственной собственностью Российской империи, насильственное вытеснение коренного населения с плодородных земель создавали кризисную обстановку в крае. Появление политической силы в лице, хотя и малочисленной национальной интеллигенции отвечало насущным потребностям казахского общества. Лидеры казахской интеллигенции стояли у истоков национально-освободительного движения в Казахстане в начале прошлого века.

Необходимо отметить роль России в становлении мировоззрения и судьбах ярких представителей казахской интеллигенции. Основная часть будущих казахских интеллигентов обучалась в учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, Томска, Оренбурга. Российские учебные заведения способствовали росту интеллектуального потенциала казахского общества. Учеба в крупных городах, где всегда были сильны традиции либерализма, формировала не только будущих специалистов, но и определила их политические ориентиры, отношение к окружающей действительности, прежде всего, к реалиям

колониального края и жизни соплеменников. Так, студенты Алихан Букейханов, Мухамеджан Тынышпаев, Назир Торекулов, Мустафа Шокай, Хале Габбасов, Алимхан Ермеков и другие принимали участие в работе политических, экономических, литературных кружков и находились среди участников «студенческих беспорядков». На изломе эпох все они встали на защиту интересов собственного народа, но осмысливали пути борьбы по-разному. Накануне октября 1917 г., опасаясь, что Россия будет демократической, федеративной республикой, они боролись за создание казахской автономии, другие стояли на большевистской позиции решения казахского вопроса, третьи выступали за единый независимый Туркестан<sup>1</sup>.

Национально-освободительное восстание 1916 г. – общее историческое событие для народов Центральной Азии, явилось одним из ярких проявлений всеобщего кризиса в Российской империи. Главные его причины – комплекс социально-политических и экономических факторов: усиление колониального и социального гнета, массовое изъятие земель, непомерное увеличение налогового прессы и всевозможных поборов, обострение национального вопроса, резкое ухудшение положения масс.

Знаменитый указ российского императора о мобилизации на тыловые работы инородческого населения во время Первой мировой войны вызвал разделение лидеров зарождавшейся казахской интеллигенции на два лагеря. Газета «Казах», издававшаяся с 1913 г. и ставшая трибуной и проводником идеологии либерально-демократической казахской интеллигенции, сформировала в 1917 г. партию «Алаш», с трибуны которой призывала казахский народ к спокойствию и смирению, разумному компромиссу с властями, не без основания опасаясь, что безоружный народ может стать жертвой репрессивных мер царизма. Лидеры национально-демократической интеллигенции стремились использовать мирные средства, чтобы предостеречь массы от новых жертв.

Другой, радикально настроенный революционно-демократический лагерь интеллигенции (Турар Рыскулов, Сейткали Мендешев, Алиби Жангильдин, Токаш Бокин, Сакен Сейфуллин и др.) призывал к вооруженному сопротивлению.

<sup>1</sup> Абжанов Х.М. Россия в судьбах казахской интеллигенции // Алаш-АЛЖИР. Т. 1. Астана, 2011. С. 48.



Лидеры национально-демократической интеллигенции были вместе с народом и предпринимали конкретные действия для оказания помощи мобилизованным казахам. Они выдвигали перед правительством предложения по отсрочке призыва казахов на тыловые работы, защите прав призванных в отряды инородческих партий и создания необходимых условий проживания и работы их в прифронтовых районах. Об этом свидетельствует протокол частного совещания казахского населения в Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семиреченской областях о выступлении населения против мобилизации и проведения необходимых мероприятий по осуществлению призыва на тыловые работы от 7 августа 1916 г. В документе констатировалось, что царский указ от 25 июня 1916 г. поразил местное население как гром среди ясного неба. Казахи никогда не отбывали в принудительном порядке воинской повинности. Отмечалось о злоупотреблениях и чрезвычайной поспешности приведения в исполнение указа. Казахские представители говорили о необходимости разъяснительных мер, отзыве из степи казачьих отрядов, созыве на местах съездов уполномоченных от населения. Они убеждали правительство, что кыргызы исполняют Высочайшее повеление и предлагали рациональные меры для создания приемлемых условий для казахов. Газета «Казах» освещала работу созданного в Минске инородческого отдела и результаты поездок туда Алихана Букейханова и его сподвижников, положение мобилизованных на тыловые работы в зоне, прилегающей к Западному фронту.

В номере газеты «Казах» от 11 августа 1916 г. за подписями редакторов А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова было опубликовано воззвание к казахскому народу, призывавшее его к выполнению указа. Казахские интеллектуалы внедряли в сознание народа идею необходимости просвещения для отстаивания национальных интересов и демократических прав и свобод. Миржакып Дулатов в своей статье «Исторический год», посвященной событиям, связанным с июньским указом 1916 г., призывал молодежь к образованию и учебе<sup>2</sup>.

Память о восстании надолго сохранилась в исторической памяти народа. На 15-й годовщине национально-освободительного

---

<sup>2</sup> Движение «Алаш». Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г. – декабрь 1917 г. Алматы, 2004. Т. 1. С. 180–182.

восстания 1916 г. Мустафа Шокай, будучи в эмиграции, отмечал об этом событии, как одном из грандиозных выступлений против царизма. Он резко критиковал позицию большевиков в оценке данных событий и отрицал наличие классового мотива восстания. Лидер туркестанского национального движения охарактеризовал это восстание как азбуку туркестанского национального движения, антиколониальное выступление против Российской империи<sup>3</sup>.

Выпуская в Берлине и Париже в 20–30-е гг. журнал «Яш Туркестан», Мустафа Шокай неустанно пропагандировал идеи единого и неделимого Туркестана. В № 89 за 1937 г., год 20-летия октябрьского переворота, он отмечал, что единственный путь к свободе и независимости – укрепление внутреннего единства фронта борьбы за Туркестан и тесное взаимодействие с другими национальными центрами за освобождение своих народов<sup>4</sup>.

В год национально-освободительного восстания М. Шокай был студентом Петербургского университета, являлся секретарем мусульманской фракции Государственной думы России. После подавления восстания в Туркестан была направлена комиссия Государственной думы, в состав которой вошли А.Ф. Керенский и М.Б. Тевкелев. Мустафа Шокай был переводчиком в данной комиссии<sup>5</sup>. В статье «Керенский и национальное движение в Туркестане», написанной в 1930 г., он упоминал о большом авторитете Керенского среди туркестанских народов. Особенно запоминающейся для него стала речь будущего главы Временного правительства, произнесенная 22 августа 1916 г. у мечети Андижана. Керенский говорил о дружбе и взаимопонимании между туркестанцами и русскими, о либеральных ценностях, общих для русской демократии и туркестанцев<sup>6</sup>.

Таким образом, масштабное по охвату национально-освободительное восстание народов Казахстана и Средней Азии подводило итог всей предшествующей борьбе за свободу и независимость. Оно явилось составной частью антиколониальной борьбы народов Востока против имперской зависимости.

<sup>3</sup> Движение «Алаш». Т. 1. С. 214–219.

<sup>4</sup> Шокай М. Тандамалы. Т. 2. Алматы, 1999. С. 108.

<sup>5</sup> Там же. С. 416.

<sup>6</sup> Там же. С. 104, 105.

---

Сегодня, отмечая 100-летний юбилей этой исторической даты, следует подчеркнуть, что у народов России и региона Центральной Азии общая судьба, общая история, непростая и противоречивая в прошлом, поэтому исторически сложившееся взаимодействие и сотрудничество наших государств и народов должно неуклонно развиваться в духе взаимного уважения и доверия, общности интересов.

БАТЫРБАЕВ Б.С.

## Восстание 1916 г. в Туркестанском крае: правовой анализ

---

**В**осстание 1916 г. в Туркестанском крае – сложное и неоднозначное историческое событие. В настоящей статье рассматриваются правовые вопросы призыва «инородцев» на военно-тыловые работы. Как известно, в ходе завоевания Средней Азии царизмом было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Оно находилось в ведении военного министерства и все категории населения края согласно Уставу о воинской повинности от 1 января 1874 г. не подлежали призыву в армию. В ходе подготовки и внесения изменений в 1909–1910 гг. в Устав о воинской повинности в правительственных кругах высказывались пожелания о привлечении к воинской обязанности некоторых частей населения, в том числе «инородцев» Азиатской части России. Поскольку такую инициативу проявляли отдельные представители местной и краевой власти в империи, в частности, военный губернатор Семиречинской области М.А. Фольбаум в своем всеподданнейшем отчете за 1910 г. считал необходимым привлечь киргизов к воинской повинности. В том же году генерал-губернатор Туркестанского края А.В. Самсонов в своем заключении на письмо Министерства внутренних дел по поводу призыва «инородцев» писал, что считает «введение для туземного населения края личной воинской повинности несвоевременным и не отвечающим главной задаче управления краем – упрочнения здесь русского владычества»<sup>1</sup>. В 1911 г. особая комиссия при Туркестанском генерал-губернаторстве решительно высказывалась против привлечения коренного населения к воинской повинности ввиду его «неблагонадежности». Межведомственная комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности, изучив все материалы, постановила отложить

---

<sup>1</sup> Турсунов Х.А. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 182–183.

привлечение «инородцев» Туркестана к воинской повинности на неопределенное время и изменения 23 июня 1912 г. не коснулись этих категорий.

Исследуя причины привлечения «инородцев» к воинской повинности и предпосылки событий 1916 г. в Средней Азии, в частности в Туркестанском крае, следует учитывать, как складывалась картина военного театра в отношении Российской империи. Численность армии к 1 октября 1914 г. насчитывала 2,7 млн. чел., к 1 декабря – 2 млн, к 1 апреля 1915 г. – 4,2 млн, к 1 ноября – 4,9 млн, к 1 февраля 1916 г. – 6,2 млн, к 1 июня 1916 г. – 6,8 млн.<sup>2</sup> Армия нуждалась в подкреплении физической силой для укрепления тылового вопроса, в связи с появлением острой необходимости в рабочих для устройства оборонительных сооружений. Поэтому членами Государственной думы и Государственного Совета стал подниматься вопрос о необходимости «незамедлительного привлечения к защите родины инородческого населения окраин, в том числе и Туркестанского края». Предполагали ввести особую воинскую повинность для «инородцев», чтобы при необходимости привлечь их в военное время. В августе 1915 г. в ходе обсуждения вопроса военное министерство и Государственная дума постановили, что невысокий образовательный уровень, незнание техники и отсутствие знаний русского языка делают задачу ускоренной армейской подготовки невыполнимой и реальной показалась возможность привлечь нерусские народы к тыловым работам для того, чтобы высвободить для фронта славянские контингенты. В ответ на такие предложения генерал-губернатор Туркестанского края Ф.В. Мартсон 20 августа 1915 г. сообщил Генеральному штабу «о невозможности привлечения к воинской повинности туземного оседлого населения», «призыв туземцев в ряды армии даже как временная мера в войну может вызвать крупное брожение»<sup>3</sup>. И центральная власть вынуждена была отказаться от идеи призыва «инородцев» края в армию.

Несмотря на это, военное министерство вынуждено было вынести в 1915 г. на рассмотрение правительства специальный за-

<sup>2</sup> См.: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

<sup>3</sup> Турсунов Х.А. Указ. соч. С. 185.

конопроект «О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени». Согласно этому закону, призывалось ранее освобожденное от воинской повинности русское население, проживавшее в Туркестане. Военное министерство вновь признавало желательным привлечь к воинской повинности и на тыловые работы все кочевое и оседлое инородческое население Азиатской части России.

С 15 марта 1916 г. военным министром назначен главный полевой интендант и начальник сформированного главного полевого управления Ставки Верховного главнокомандующего Д.С. Шуваев. В этот период был осуществлен Брусиловский прорыв, продолжавшийся с 4 июня до середины сентября 1916 г. Военный министр, исходя из предыдущей должности, считал актуальным решение вопроса о рабочих для тыловых работ. Перед наступлением Д.С. Шуваев призвал к себе начальника Управления по делам о воинской повинности С.А. Куколя-Яснопольского, исполняющего обязанности начальника мобилизационного отдела штаба генерала П.И. Аверьянова и помощника военного министра П.А. Фролова и поставил перед ними задачу: «Мне во что бы то ни стало, хоть тресни, а нужно рабочих, иначе мы проиграем кампанию». По его мнению, несмотря на Устав о воинской повинности, военные губернаторы имели право призывать рабочих из Туркестанского и Сибирского генерал-губернаторства в рамках существующего закона о найме<sup>4</sup>. Решение о призыве «инородцев» военный министр объяснял крайней необходимостью, исключая их из категории воинской повинности без согласования данного вопроса с генерал-губернаторами. Военное министерство убедило императора в необходимости принятия указа о призыве. 25 июня 1916 г. царь Николай II подписал Указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии и равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ в возрасте от 19 до 43 лет».

Указ Николая II от 25 июня 1916 г. явился поспешным документом, поскольку был принят без согласования с краевой властью, без

<sup>4</sup> Падение царского режима. (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). Л., 1927. Т. 7.

определенной подготовки для мобилизации рабочей силы к данному мероприятию. Постановление по реализации было принято председателем Совета министров и одновременно министром внутренних дел Б.В. Штюмером, где не были учтены предложения военного ведомства по поэтапному призыву 400 тыс. и по найму. Для генерал-губернаторов на местах стало неожиданностью распоряжение призыва в реквизиционном порядке ранее освобожденных от воинской повинности «инородцев» империи для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии. Им было дано право освобождать от тыловых работ ряд категорий «инородческого» населения: духовенство, лиц, пользующихся правами дворян, и потомственных почетных граждан, должностных лиц общественного и правительственного управления, учащихся высших и средних учебных заведений, разрешалось нанимать и посылать на тыловые работы вместо себя заместителей<sup>5</sup>.

В правовом отношении само постановление не соответствовало существующему закону – Своду военных постановлений о реквизиции, согласно которому «Реквизиция есть принудительное изъятие имущества у жителей необходимого для удовлетворения нужд армии, равно как и обязательный наряд местных жителей для производства всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами»<sup>6</sup>. Призыв «инородцев» на тыловые работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии не был правомерным, так как территория Туркестанского генерал-губернаторства находилась далеко от театра военных действий.

На момент принятия Указа Николая II (далее – Постановление Министерства внутренних дел о мобилизации) действовал Устав о воинской повинности 1912 г., согласно которому «инородцы» были освобождены от воинской повинности. Следовательно, Указ Николая II противоречил существующему законодательству, реквизиция была неправомерна, в том числе и распоряжение о реквизиции по областям Туркестанского генерал-губернаторства:

<sup>5</sup> См.: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Падение царского режима. Т. 7.

<sup>6</sup> Падение царского режима. Т. 7.

- по Сырдарьинской области..... 87 тыс. человек;
  - по Семиреченской области ..... 60 тыс. человек;
  - по Ферганской области..... 50 тыс. человек;
  - по Самаркандской области ..... 38 тыс. человек;
  - по Закаспийской области ..... 15 тыс. человек.
- Всего ..... 250 тыс. человек<sup>7</sup>.

Немаловажную роль сыграл и кадровый вопрос, особенно назначение генерал-губернатором Туркестанского края А.Н. Куропаткина, который, будучи министром военного ведомства, не смог организовать военные действия, которые могли бы привести к победе в Русско-японской войне 1905 г. После поражения в войне он проходит по громкому на то время уголовному делу о хищении и растрате государственного и военного имущества. В начале Первой мировой войны Куропаткин из-за неграмотного использования военной силы в тактических условиях войны был снят с должности командующего Северо-Западным фронтом Российской империи. Несмотря на это, Куропаткин назначается на должность генерал-губернатора Туркестанского края 15 июля 1916 г., т. е. после подписания Указа царя о мобилизации инородцев на тыловые работы 25 июня 1916 г. С приходом Куропаткина в Туркестанский край в отношении местного населения были применены необоснованные силовые методы, включая изгнание местных жителей со своих родных земель.

Исходя из вышеизложенного, следует, что призыв на тыловые работы «инородцев» не имел юридического основания. Принятое постановление Министерства внутренних дел о мобилизации и дальнейшие его распоряжения о реквизиции местного населения Туркестанского края противоречили содержанию самого закона. Несогласованность центральной, законодательной и исполнительной власти, а также недальновидность и некомпетентность военных и политических кадров в административном управлении Туркестанского края привели к эскалации конфликта, что явилось одной из главных причин восстания 1916 г., которое можно было предотвратить.

---

<sup>7</sup> Турсунов Х.А. Указ. соч. С. 192.



Аманжолова Д.А. **Восстание 1916 г.  
и проблемы  
этнополитической  
мобилизации казахской  
интеллигенции<sup>1</sup>**

.....

**П**роблемы формирования и политической деятельности казахской интеллигенции прямо связаны с наиболее важными общественными сдвигами в состоянии всего казахского социума, которые, в частности, наряду с государственной политикой, предопределили характер, масштабы, состав участников и другие показатели восстания 1916 г. Казахстанские ученые призывают специально исследовать восстание как национально-освободительную революцию и одну из первых революций такого типа в колониях царской России. В этом контексте напоминает идея А.В. Пяковского 1960 г. о восстании как звене «разгоравшейся борьбы колониальных народов (Китая, Персии, Южно-Американского союза и др.) против империалистического ига»<sup>2</sup>. Позиция казахского образованного класса в связи с восстанием также обсуждалась не раз<sup>3</sup>. Все специалисты констатируют состоявшийся в связи

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14001а(ц) «Этнические элиты в национальной политике России».

<sup>2</sup> История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк. Алматы, 1993. С. 276–277; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960. С. 19.

<sup>3</sup> См., например: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 795 с.; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1977; Бисенбаев А.К. К вопросу о характере событий 1916 года в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. 2. Алматы, 1994; Касымбаев Ж. Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV Госдумы России // Казахстан жоғары мектебі. 1996. № 6; Национально-освободительное движение в Казахстане в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. Алматы, 1996; Касымбаев Ж. Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV Госдумы России // Казахстан жоғары мектебі. 1996. № 6; Национально-освободительное движение в Казахстане в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. Алматы, 1996; Жүгенбаева Г.М. Тынышпаев о восстании 1916 г. в Семиречье // Вестник КазГУ. Серия ист. 1997. № 5. С. 71–74; «...Такое управление государством недопустимо»: Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г.

с восстанием определенный раскол в его среде. Он касался, прежде всего, отношения интеллигенции к этому экстраординарному событию, оценки случившегося, а также поведения ее отдельных групп в условиях военного подавления очагов народного сопротивления власти. Расхождения в рядах интеллигенции имели объективные причины и обернулись важными последствиями для этнополитических процессов, развернувшихся в революционном 1917 г.

Между тем история казахской интеллигенции в целом, несмотря на обилие публикаций, нуждается в дополнительном изучении. В частности, стоит обратить внимание на некоторые конкретные данные о казахской интеллигенции начала прошлого века. Общая численность казахов России на 1897 г. составила 4 091 746 чел. Подавляющее большинство – 96,01 % (3 928 497 чел.) проживало на территории современного Казахстана, при этом их образовательный уровень составлял 2,7 %<sup>4</sup>. Как отмечает усть-каменогорский историк, к 1917 г. национальная культурная элита включала в себя около ста человек, получивших высшее образование в университетах и других учебных заведениях России<sup>5</sup>. По данным переписи 1926 г., грамотность казахов составляла 6,9 %<sup>6</sup>.

Однако точных сведений о численности и составе казахской интеллигенции на начало прошлого века, видимо, не установлено. Ведущий специалист Казахстана по истории интеллигенции Х.М. Абжанов приводит некоторые данные и выделяет в среде интеллигенции две группы. Указывая, что накануне Первой мировой

---

// Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22; Панфилов А.В. Либерально-демократическая Россия о событиях 1916 года // Адilet. 1997. № 1(2); Грозный 1916-й год: Сб. док. и матер. Алматы, 1998; Мятёж киргиз в Семиреченской области в 1916 году: Причины и подготовительная работа администрации к ликвидации мятежа. Алматы, 2000; «Совещание признало полезным...»: Из журнала заседания междуведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189–206; Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Аб империя. 2004. № 1. С. 467–486.

<sup>4</sup> Исабаев С.К. Казахстан в источниках и материалах / Усть-Каменогорск, 2010. 394 б. <http://ireferat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963>.

<sup>5</sup> Более точные данные приводят другие авторы: высшее и незаконченное высшее образование в начале XX века имели около 100 казахов, около 700 окончили гимназии, прогимназии, училища и учительские семинарии. См.: Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алыхан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсунов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008. С. 43.

<sup>6</sup> Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. // <http://www.iie.kz/?p=4615>.

войны в семи учебных заведениях медицине, просвещению и сельскому хозяйству обучались 352 чел., историк причисляет к носителям интеллектуального потенциала края не только профессиональную интеллигенцию, но и так называемую традиционную («беки, батыры-полководцы, мыслители, религиозные деятели, мудрые наставники молодежи»). Однако о мусульманской части традиционной элиты (духовенства), так более точно следует назвать эту группу, говорится: «...численность и удельный вес традиционной интеллигенции в составе казахского населения не поддается учету».

Данные по Туркестанскому уезду и городу Туркестан (5 тыс. мулл и ходжей, 44,8 тыс. шакирдов в мусульманских мактабах Туркестанского края) не дают представления об этническом составе этой группы. Более того, Абжанов подчеркивает слабость влияния «религиозной интеллигенции» на казахское общество и провал попыток консолидировать мусульманское население вокруг исламской идеи в период между революциями. Он резюмирует: «Ясно одно – казахский социум всегда выдвигал из своей среды столько акынов, кюиши, жыршы, баксы-балгеров, зергеров, емши, народных ветеринаров, агрономов, архитекторов, сколько их было необходимо для обеспечения естественно-исторического развития системы, сложившейся на протяжении многих веков»<sup>7</sup>.

Признавая «разновекторный» характер общественно-политического позиционирования казахской интеллигенции, ее большой авторитет и популярность в народе, Абжанов причисляет к ней национальное чиновничество. Однако чиновники, говорится далее, потеряли такой авторитет и не были самодостаточны<sup>8</sup>. Таким образом, специалист выделил три группы, первые две из которых лишь условно можно отнести к интеллигенции – традиционная элита, чиновничество и объединяемые в одну группу собственно представители умственного труда: учителя, агрономы, ветеринары, врачи, юристы, литераторы, журналисты и др.

Стоит напомнить в связи с этим, что еще в 1930 г. С.Д. Асфендиаров невозможность «говорить о дореволюционной интеллигенции

<sup>7</sup> Абжанов Х. Казахская национальная интеллигенция начала XX века: формирование, позиция, миссия (главы из книги) // <http://www.iie.kz/?p=796&lang=ru>.

<sup>8</sup> Там же.

вообще» связывал с марксистской методологией и выделил в ней применительно к казахскому обществу три группы: «1. Интеллигенция, отражавшая идеологию демократических низов (имевшая разные оттенки). 2. Интеллигенция, отражавшая идеологию либеральной и оппозиционно настроенной к русскому царизму национальной буржуазии. 3. Интеллигенция, отражавшая идеологию полуфеодалов, для которых правительство было своим правительством»<sup>9</sup>.

Дифференциация казахского образованного класса происходила постепенно, по мере роста ее удельного веса и влияния в обществе. Будущий лидер движения «Алаш» А.Н. Букейханов в 1910 г. констатировал, что уже в годы первой революции 1905–1907 гг. в нем выделились два течения: «...с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными при наличии обещанной 17 апреля свободы веротерпимости. С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности. Эта последняя выдвигала религию на первый план. Первую группу киргизской интеллигенции можно было назвать западниками, а вторую – тюркофилами и поборниками панисламизма. Как показали киргизские съезды, широкие массы, как везде, были нейтральны к вопросам...»<sup>10</sup>. Таким образом, часть интеллигенции стояла за сохранение самобытности казахов на путях укрепления мусульманской культуры, другая (к ней относились Букейханов и его единомышленники, создавшие движение «Алаш») через русскую культуру стремилась «вестернизировать» свой народ<sup>11</sup>.

При изучении и описании истории движения «Алаш», которая занимает центральное место в казахстанской историографии, по-

<sup>9</sup> Асфендияров С. О некоторых основных вопросах истории казахов // Большевик Казахстана. 1933. № 2. С. 38.

<sup>10</sup> Букейханов А. Киргизы // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 597. Само название «казахи» утвердилось в 1925 г., заменив общепринятый до этого этноним «киргизы».

<sup>11</sup> Важно учитывать также поколенческий подход в дифференциации казахских интеллектуалов, который позволяет увидеть эволюцию ее идеологии, соотношение культурнических и политических приоритетов в деятельности разных поколений. См.: Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland. С. 467–486.

священной началу XX в., как правило, подчеркивается ярко выраженный антиколониальный характер взглядов и действий будущих алашординцев с момента зарождения движения<sup>12</sup>, но их позиция в 1916 г., явственно противоречащая тезису о принципиальном антиколониализме движения, объясняется кратко и без какой-либо детализации. Признается лишь, что лидирующая группа интеллигенции фактически была против сопротивления власти.

Между тем еще в 1910 г. Букейханов объяснил мотивацию такого поведения этнополитической элиты. Колоссальную роль в «примиренчестве» национальных лидеров во время восстания сыграла общая культурная ситуация в стране в период их личностного становления. Молодые годы «прозападной» части интеллигенции, жаждущей сделать все возможное для самореализации во благо народа, пришлось на самые замечательные трансформации. Им повезло лучшие для каждого студенческие времена провести в условиях бурных общественных дискуссий, укрепления рыночной экономики, технических изобретений, становления земства и лучших качеств российской интеллигенции, уникальных открытий великих ученых, преподававших в университетах страны и создававших атмосферу уважения общества и власти к науке. Лучшие студенты той поры считали неприличным не быть в курсе научных новаций, не интересоваться политикой, не участвовать в общественной деятельности (подготовка и обсуждение рефератов, демонстрации, сбор подписей и пожертвований, журналистика и пр.). Великолепное знание русского языка, публицистики и литературы, в том числе, конечно, западной, общий культурный подъем в стране сформировали глубокое уважение к русской культуре и стремление использовать ее достижения для прогресса казахов. Принадлежность к общероссийским гражданским силам, членство в общероссийских политических партиях (главным образом эсеров и кадетов), объединяющий общественность страны надэтнический демократический потенциал сфор-

---

<sup>12</sup> См., например: *Койгельдиев М. Алаш қозғалысы*. Алматы, Санат, 1995; *Его же. Ұлттық саяси элита. Қызметі мен тағдыры (XIII – XX ғғ.)*. Алматы, 2004; *Садықова Б.И. Мустафа Чокай и тоталитарный режим большевиков (20-е – 30-е годы XX века)* // Вестник КазГУ. Серия ист. 2001. № 1. С. 113–122; *Аққулы С. Жизнь и смерть лидера Алаш-Орды* // Нива. 2001. № 6. С. 147–158; *Его же. Казахское ханство: ликвидация или распад?* // <http://camonitor.com/17658-kazahskoe-hanstvo-likvidaciya-ili-raspad.html>. 2015. 4 сентября и др.

мировали у лидерской части казахской интеллигенции достаточно прочное осознание общности интересов и принципов всесторонней модернизации многонациональной России.

С дальнейшим развитием социально-политического кризиса в Российской империи дифференциация настроений и идейно-политических ориентиров казахской этнополитической элиты усложняется, что имело неоднозначные последствия для самоидентификации общества, резко менявшего свой социальный ландшафт. Определенной кристаллизации идеологических основ и политических проектов этноэлиты служила популярная и традиционная для казахского общества форма ходатайств и других обращений во власть, но этот процесс не приобретал пока организованный характер. Определенное значение в развитии личных политических биографий национальных активистов имела степень вовлеченности в разные звенья органов власти и управления. Важную роль в разработке идеологии и программы национальной демократии сыграла журналистика, прежде всего, основанная в 1913 г. газета «Казах». Ее учредители прямо связывали все области национального самоопределения с культурным прогрессом, поскольку «на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу»<sup>13</sup>. Большинство передовых статей политического характера, например, «Государственная дума» от 22 февраля 1915 г. были написаны А. Букейхановым под псевдонимом Қыр баласы. Его блестящая аналитика, аргументированная полемика и острые репортажи, особенно по поводу всех событий 1916 г. и положения тыловикиков, огромная эрудиция и гражданская ответственность задавали тон обсуждения и определяли вектор политических инициатив.

В конечном счете именно те образованные националы, что объединились вокруг Букейханова, и характеризуются в историографии как национальная интеллигенция, играли главную роль идейно-политической жизни казахского общества в начале прошлого столетия, определяли характер и направленность этнополитических процессов в Степи. Они консолидировались в 1917 г. в движение

<sup>13</sup> Цит. по: Дулатов М. Ахмед Байтурсынович Байтурсынов (Биографический очерк) // Труды Общества изучения Киргизского края. Вып. 3. Оренбург, 1922. С. 21–22.

«Алаш». Все остальные группы оказались в тени из-за отсутствия сколько-нибудь значимого влияния на массы и самостоятельных организационных начал.

В частности, студенчество (о нем в своих работах, к примеру, писала Ж.У. Кыдыралина)<sup>14</sup> как более радикальная группа вовлекалось в революционные объединения, создавало собственные кружки и т. п., но не могло соперничать с лидерами этносообщества. Будущие большевики (Токаш Бокин, Жанабай Ниязбеков, Аубакир Жунисов, Турар Рыскулов, Сейткали Мендешев, Баймен Алманов, Алиби Жангельдин и др.) в большинстве своем призывали народ к вооруженному сопротивлению. Но это крыло интеллигенции также было маловлиятельно. Среди руководителей, восставших в 1916 г., большинства из них не оказалось. Стоит констатировать также, что, к сожалению, история распространения социалистических идей в казахском обществе и деятельность их национальных представителей сегодня изучается мало, а в отношении советского периода – весьма одномерно и неполно.

В течение нескольких лет до восстания национальная интеллигенция через печать и другие каналы коммуникации, с одной стороны, обсуждала и формулировала основные направления и способы преобразований кочевого социума, учет которых со стороны власти мог бы снизить рост социального напряжения и предотвратить вооруженный конфликт. С другой стороны, она подключалась к общегосударственной политической деятельности и в этом контексте определяла существо и характер организации местной власти, социально-экономического и культурного развития в соответствии с передовыми идеями своего времени и этнокультурной спецификой. Уже тогда отчетливо обозначилось критическое отношение образованных националов к местному интернациональному по составу чиновничеству. «За время своего существования “Казах” вел систематическую борьбу с развившимися в степи злоупотреблениями, разоблачая грязные поступки обирателей, взяточников и аферистов разных мастей», – писал в 1922 г. М. Дулатов<sup>15</sup>, выделяя таким образом одну из самых болезненных проблем административной и

<sup>14</sup> См.: Кыдыралина Ж.У. Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX в.). Астана, 2008.

<sup>15</sup> Дулатов М. Ахмед Байтурсынович Байтурсынов (Биографический очерк). С. 23–24.

политико-правовой системы. В 1916 г. резко отрицательная оценка сложившихся бюрократических практик на местах подтвердилась, что придало новый импульс действиям национальной интеллигенции в отношении разных уровней управления.

Политический актив казахского общества постепенно приходил к убеждению в тесной взаимосвязи аграрного вопроса, ставшего наиболее чувствительным в начале XX в., образовательной и конфессиональной политики власти с изменением политической системы империи, расширением гражданских прав и свобод независимо от социальных или этнических различий. Организационные основы движения закладывались в процессе обсуждения перспектив созыва общенационального съезда и объединения усилий общественности для внедрения в жизнь казахского общества практики организации профессиональных, культурно-просветительных, предпринимательских и иных союзов и структур. Отчетливо осознавалась и острая потребность в кропотливой работе по развитию социально-политической активности масс, преодолению разногласий и борьбы амбиций в интеллигентской среде. Большое место уделялось развитию парламентской и в целом политико-правовой культуры. Группировавшаяся вокруг газеты «Казах» интеллигенция достаточно трезво оценивала влияние внутриэтнических противоречий, межродового соперничества и уровень этнополитической консолидации общества: «...у детей нашего киргизского народа нет обыкновения заниматься делом народа... для единения» необходимо «вступить на путь настоящей нации»<sup>16</sup>.

Именно сторонники газеты оказались наиболее активны к 1916 г. и, несмотря на крайнюю малочисленность, организационно и политически выдвинулись в лидеры общества. Эта часть интеллигенции, более старшая по возрасту, уже имела приличный опыт общественно-политической практики, которая развивалась по возрастающей в плане масштабов и значимости: создание национальной журналистики, работа в общемусульманских структурах, в общероссийских научных организациях (РГО), политических партиях и Думе, во Всероссийском земско-городском союзе (Земгор) с началом мировой войны. Пережив в молодости увлечение социализмом, они в основном придерживались либерально-демократических позиций,

<sup>16</sup> Цит. по: Аманжолова Д.А. Партия «Алаш»: история и историография. С. 56.



проводя умеренный курс. Он предполагал сотрудничество с властью, что подтверждает опыт петиционного движения, в связи с восстанием – организацию социальной защиты тыловиков.

Важно, как отмечает Абжанов, что «казахские интеллектуалы и их друзья, объединившиеся вокруг газеты “Казах”, журнала “Ай-кап”, исламской идеи, кружков социал-демократического толка, мобилизованные миссией освобождения народа от бесправия и колониального гнета, хотя каждая группа имела собственную модель решения вопроса, во взаимоотношениях соблюдали определенный этикет, но дальше словесных перепалок и критических газетно-журнальных статей не перешагнули». Он также признает, что именно 1916 г. стал ключевым в идейно-политической кристаллизации взглядов и позиции национальной интеллигенции<sup>17</sup>.

Вслед за этим в 1917 г. наступила политическая и организационная определенность: достаточно вспомнить острый конфликт между представителем новой власти, комиссаром Временного правительства по Тургайской области А.Н. Букейхановым и посланцем большевиков, первым казахом-коммунистом А.Т. Джангильдиным. От словесной полемики казахские политические активисты перешли к решительному идейно-организационному размежеванию и открытой борьбе.

Между тем с началом восстания особой критике со стороны всех групп интеллигенции подвергались интернациональное чиновничество (не только местное) и казахская знать, но и часть самой интеллигенции, все, кто действовал корыстно и противоправно, принося в жертву малоимущие народные группы. Как писал в 1926 г. Т. Рыскулов, «царская администрация (уездные начальники, приставы и т. д.), туземная (волостные старшины, казии, полицейские, переводчики и др.), торгово-промышленный класс (русский и туземный), деревенский бай-ростовщик, духовенство (ишаны, муллы, хаджи и т. д.) и подобные присосавшиеся к администрации элементы, все они по-своему эксплуатировали и облагали “добровольно” и “принудительно” трудящихся, оседлых и кочевых»<sup>18</sup>.

<sup>17</sup> Абжанов Х. Казахская национальная интеллигенция начала XX века: формирование, позиция, миссия (главы из книги) // <http://www.iie.kz/?p=796&lang=ru>.

<sup>18</sup> Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году. М., 1926. Цит. по: Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991. С. 46. Противоречивое поведение байства в 1916 г. фиксировал С. Асфендияров. См.: Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата, 1993. С. 286.

Наиболее конструктивную позицию заняли будущие алашординцы<sup>19</sup>. Стоит напомнить, что еще в декабре 1915 г. казахские деятели начали обсуждение вопросов о воинской службе казахов в газете «Казах» (№ 166, 168, 177–179, 184). Большинство склонялось к желательности организации кавалерийских частей из казахов призывного возраста. Одной из причин активной поддержки этой идеи было стремление таким образом уравнять права казахов и казачества, в том числе в отношении земли. Представители национального движения предвидели одну из основных трудностей, которые могли возникнуть при непосредственной организации призыва, на деле оказавшуюся после царского указа наиболее болезненной, – отсутствие у казахов метрических свидетельств о дате рождения. При составлении списков для определения количества призывников на этой почве массовыми стали различные махинации и злоупотребления со стороны местной администрации и зажиточных слоев населения.

Газета «Казах» 9 февраля 1916 г. предложила направить делегацию представителей всех областей для «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», чтобы в случае решения о призыве «инородцев» провести мобилизуемых через мусульманские органы для их метрической регистрации, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнивать казахов и казаков в вопросах воинской службы и землепользования. В Петроград направились инициативная группа – А. Букейханов, А. Байтурсынов и Н. Бегимбетов, которая при поддержке председателя бюро мусульманской фракции Думы Б. Тевкелева добилась обсуждения вопроса о призыве инородцев на совещании кадетов, депутатов из Сибири и мусульманской фракции.

---

<sup>19</sup> Они сохраняли стремление к деловому взаимодействию с властью и указывали, что «...если все народы родины будут равны, то равным должен быть и долг перед ней». В призыве «Гражданам Алаша», опубликованном 11 августа 1916 г., А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов писали: «Мы хотим сказать народу, нужно согласиться, об этом сколько раз мы говорили уже. Давайте посмотрим в сравнении, если кто-то не согласен из-за боязни за свою жизнь. Какая тяжесть падет на народ, если он не согласится, и что будет, если согласится? Если согласится, то пострадает хозяйство, может джигит погибнет или будет ранен, но зато народ не пострадает. (Говоря о гибели, подразумеваем гибель от болезней, их ведь не берут солдатами, просто от войны никто же не погибает). А что будет, если повиновения не будет и если откажемся от указа государства, которому подчиняемся, не подадим руку помощи государству, оставшись дома и сохранив свои жизни, государство на нас не только обидится, но, основываясь на закон, применит силу».

Активисты, писавшие в газету «Казах» в апреле 1916 г., предполагали, что обсуждавшийся 25 марта на закрытом заседании Думы при рассмотрении сметы Генштаба вопрос о призыве ранее не состоявших на службе народов может быть положительно решен в ближайшее время. В начале апреля общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о проведении во время Кояндинской ярмарки 18–20 июня 1916 г. специального съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». После указа от 25 июня 1916 г. представители семи волостей Семипалатинского уезда на собрании 31 июля 1916 г. приняли обращение к губернатору области передать императору «верноподданнические чувства киргизского народа, с радостью и готовностью подчиняющегося указу» и просили о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих частях, отрицая в то же время «приписываемое киргизам желание сопротивляться призыву». Красноречивая риторика была традиционным средством толкования конфликтных ситуаций в кочевом обществе, что отчасти объясняет активность в печати и обращения всех значимых националов в центр.

7 августа 1916 г. в Оренбурге по инициативе и под председательством А. Букейханова состоялось известное совещание делегатов Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Они констатировали, что «корень всех... недоразумений и трений» в связи с призывом на тыловые работы «в неподготовленности населения и в чрезвычайной поспешности, местами – грубости и злоупотреблениях в действиях властей». Участники, в частности, решили ходатайствовать перед правительством о мерах по предотвращению эскалации конфликта в регионе. В частности, предлагалось включить в приемные мобилизационные комиссии по два уполномоченных от каждой волости, объединить мобилизованных в артели по тридцать человек и обеспечить их переводчиками и муллами (при каждой один переводчик и на десять артелей один мулла), организовать медицинское обслуживание тыловиков наравне с ранеными воинами, передать мобилизованных рабочих в ведение учреждений Всероссийского земского и городского союзов и др. Протокол совещания А.Н. Букейханов направил главе Земгора Г.Е. Львову, а также министрам

внутренних дел и военному. В итоге удалось добиться передачи в ведение Земгора 30 тыс. призванных на тыловые работы инородцев<sup>20</sup>.

Руководство Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, министерств военного и внутренних дел стремилось предусмотреть масштабы и сроки призыва, организацию транспортировки, питания, оплаты труда инородцев, условия освобождения или отсрочки от участия в тыловых работах, а также службы в армии, возможности привлечения общественности для социально-психологической и иной поддержки призывников, этнорегиональные и конфессиональные аспекты и др. 20 августа под давлением казахской интеллигенции (причем ее предложения распространялись на тыловиков всех национальностей) межведомственное совещание обсудило согласование их перевозки по железной дороге со сроками призыва и санитарными мероприятиями, что осложнялось в из-за психологических, культурных барьеров и стереотипов призывников<sup>21</sup>.

22 августа межведомственное совещание при Главном штабе обсудило 23 вопроса о привлечении мусульман на тыловые работы и государственную оборону в районах армии и внутри страны. Они были прямо связаны с предложениями казахской интеллигенции – потребность, количество и возраст призываемых, возможности отсрочки для отдельных районов, права и обязанности тыловиков, снабжение их зимней одеждой, оплата труда, категории освобождаемых от призыва и др. Социальная направленность решений проявилась в вопросе о категориях инородцев, подлежащих освобождению или отсрочке. По настоянию казахской интеллигенции решили «предоставить киргизским обществам право и возможность послать на места работы на фронте своих уполномоченных, знающих русский язык, и людей развитых, дабы они служили переводчиками и посредниками между рабочими и наблюдающими за работами». Минимальная гарантированная зарплата была установлена 1,2 руб. в сутки. Из прибывающих на фронт формировались

<sup>20</sup> См.: Казах. 1916. 9 февраля, 9 марта, 8, 30 апреля; Юлдуз (Казань). 1916. 15 февраля; Браинин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935. С. 38; Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 114–115, 239; К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М. ; Л., 1926. С. 57–68.

<sup>21</sup> См.: Аманжолова Д.А. Партия «Алаш»: история и историография. С. 83–85.

дружины по 2250 чел. «с необходимым кадром офицерских и нижних чинов, а также мулл и переводчиков». Старшие и переводчики набирались из реквизированных<sup>22</sup>.

Совещание по ряду вопросов уступило представителям коренных народов Степного края, однако это касалось лишь положения инородцев в тылу действующей армии, на строительстве оборонительных сооружений, на предприятиях и т. п. Наряду со стремлением правительства учесть возможные и уже возникшие трудности организации призыва, проявились архаичность и взрывоопасность установленной сверху этноконфессиональной стратификации населения, за которую столь упорно держалась власть. Негативную роль играла низкая продуктивность аппаратных мероприятий, плохо совмещавших общегосударственные интересы и потребности с динамичной и противоречивой социальной практикой.

27 августа Степному генерал-губернатору было передано ходатайство 638 жителей Каркаралинского уезда, военному министру – послание почетных аксакалов Чергинской волости Зайсанского уезда Семипалатинской области. Они просили оставить по одному работнику 19–45 лет на кибитку; при семьях, не имеющих кибитки, разделить призыв на три группы (19–23, 24–27 и 28–32 года), а при невозможности оставлять по решению аульных обществ одного табунщика на десять кибиток и др. В документе подчеркивалась необходимость заботы о поголовье скота для нужд армии и освещалось, как сезонная специфика влияет на состояние дела. «Раз солдатская семья может иметь круглый год рабочие силы из киргизов, то тем более является желательным применение этой нормы в отношении самих киргизов...» Кроме того, особенности труда табунщиков требовали, чтобы это были опытные, здоровые молодые люди. Во всех обращениях подчеркивалась готовность внести вклад в защиту родины, в этом проявлялось влияние целенаправленной и кропотливой разъяснительной работы интеллигенции – сторонников «Алаш». Однако командующий войсками Омского военного округа отстаивал свою линию. Он одновременно с ходатаями телеграфировал начальнику Главного штаба, что их

<sup>22</sup> «...Совещание признало полезным...» Из журнала заседания межведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. Август 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189–206.

позиция не может выражать настроение населения области и тем более всего народа, ссылаясь на откочевки казахов уезда в Китай в связи с мобилизацией<sup>23</sup>. Как правило, неготовность бюрократии на разных уровнях искать разумный компромисс с национальным активом лишь усугубляла ситуацию и исключала возможность предотвратить или уменьшить насилие<sup>24</sup>.

По инициативе эсера В. Чайкина и секретаря мусульманской фракции Думы М. Чокаева в августе 1916 г. состоялась поездка членов фракции в Туркестан. Они собирали материалы о восстании и действиях администрации, о злоупотреблениях в отношении мусульман и евреев, ежедневно принимая до двухсот просителей. Мусульманские деятели, в т. ч. казахи, организовали запрос трудовиков о волнениях в Туркестане, 19 ноября поступили три запроса от 96 депутатов (трудовики, кадеты, социал-демократы, члены мусфракции) к министрам военному, внутренних дел и юстиции. 13 декабря на закрытом заседании Думы с подробным докладом выступил А.Ф. Керенский<sup>25</sup>.

15 сентября 1916 г. председателю Думы М.В. Родзянко была направлена памятная записка приехавших в столицу известных казахских деятелей Б. Каратаева и Ж. Сейдалина. Они указывали, что порядок призыва нарушается, на местах имеются злоупотребления властей, а неорганизованные выступления молодежи, как и факты истории XVIII–XX вв., не являются сепаратизмом казахов. Далее они писали: «Было бы не умалением авторитета власти в глазах киргизского населения, а всемерным усилением оно, если бы в возможной скорости была исправлена ошибка власти ... с немедленным разрешением отсрочки призыва ... до мая 1917 г.»<sup>26</sup>.

В марте 1917 г. при комитете союза на Западном фронте в Минске во многом благодаря Букейханову был создан инородческий отдел (им заведовал сам Букейханов, затем до августа 1917 г. А. Кенжин),

<sup>23</sup> См.: К истории восстания киргиз в 1916 году. С. 57–61; Аманжолова Д.А. Партия «Алаш»: история и историография. С. 84–85.

<sup>24</sup> Примеры по другим регионам см.: Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества. М., 1999. 520 с.

<sup>25</sup> «...Такое управление государством недопустимо»: Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. С. 4–22.

<sup>26</sup> Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. С. 239; К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М.; Л., 1926. С. 61–68.

наблюдавший за условиями жизни и работы, питанием и лечением рабочих, помогавший «в сношениях с родиной» и удовлетворении религиозных потребностей. Учащиеся и студенты, привлеченные в отдел, использовались также для эвакуации рабочих на родину летом 1917 г. 11 октября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев издал приказ об утверждении положения о приеме в казачьи части добровольцев из инородцев, подлежащих мобилизации на тыловые работы по указу от 25 июня 1916 г., что можно считать успехом национальной общественности. Однако 14 марта 1917 г. Временное правительство приостановило мобилизацию инородцев, а 24 апреля приняло решение о демобилизации. 5 мая было принято решение о возвращении тыловиков на родину<sup>27</sup>. Таким образом, Букейханов и его единомышленники добились определенных уступок со стороны власти<sup>28</sup>.

Углубление общегосударственного кризиса, частью которого стало восстание, придавало ускорение процессу идейно-политической и организационной консолидации оппозиционных власти сил. Общенациональная газета усилиями Букейханова и его соратников превратилась в центр защиты интересов тыловых рабочих на русско-германском фронте и в других местах их работы. Казахская интеллигенция заняла конструктивную позицию в отношении власти для минимизации последствий социально-политических и межэтнических конфликтов и организации помощи тыловикам. Именно она стала посредником между властью и обществом, и опыт компромисса, несмотря на ограниченность его применения и результатов, имел большое значение для политического поведения лидеров этносоциальной демократии.

Наиболее влиятельная ее часть не случайно выступала сторонницей компромисса с властью и всячески стремилась найти средства для снятия напряжения в обществе, в т. ч. в межэтнических отношениях, укрощения стихийного насилия. При этом основное внимание казахские интеллектуалы уделяли отношениям с центральной властью, хорошо представляя распространенность коррупции и низкую эффективность местных органов управления, ничтожное влияние

<sup>27</sup> См.: Аманжолова Д.А. Партия «Алаш»: история и историография. С. 72–80, 100–102.

<sup>28</sup> См.: «Совещание признало полезным...» Из журнала заседания межведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. // Исторический архив. 2004. № 3. С. 189–206.

последних на решение судьбоносных вопросов. Характерными чертами политического поведения интеллигенции были приверженность легитимным способам деятельности, компромиссу с институтами государства и общероссийскими политическими структурами, прагматизм и реализм. Более того, в сравнении со среднеазиатской общественностью казахский образованный класс был гораздо больше вовлечен в научные, культурные, социальные, общемульманские организации, политические партии России. Их действия, социально-политические и пропагандистские усилия, публицистика были нацелены на формирование представлений о неразрывности интересов казахов и других народов России, стимулирование консолидирующих ориентиров в отношении этносообщества к своему месту в общегосударственном гражданском пространстве.

Это особенно ярко проявилось в 1916 г. Не случайно с началом балканских войн на страницах газеты «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. А.Н. Букейханов пишет: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. ...Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет...». Казахские интеллигалы не отделяли себя от страны. В воззвании «К гражданам Алаша» они писали: «Соотечественники – русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»<sup>29</sup>. Кроме того, в перспективе эта наиболее значимая часть казахской интеллигенции, рассчитывала таким образом повлиять и на отношение власти к степному социуму. Его ясная, сознательная и выраженная в практических действиях солидарность со всей страной в военной ситуации должна была укрепить позиции тех сил в органах власти и политическом классе в целом, которые могли поддержать главные инициативы движения «Алаш». Среди них – введение (и возвращение) избирательного права азиатским народам, организация земства на востоке России, предоставление казахам права служить в армии по примеру казачьей кавалерии и др.

<sup>29</sup> Казах. 1916. 11 августа.



Однако 1916 г. ускорил разочарование казахской интеллигенции в способности падающей центральной власти ответить на запросы окраин, что и превратило следующий 1917 г. в решающий для ее политической мобилизации и консолидации всех граждански ответственных сил этносообщества. Именно в 1917 г. создаются казахские комитеты и интернациональные органы местного самоуправления (гражданские комитеты, советы и земства – участие в них национальный политический актив считал своей важной задачей), проводятся общекзахские съезды. Интеллигенция обеспечила свою победу на выборах в Учредительное собрание от коренного населения края, ее целенаправленными усилиями форсированно конструируется партия, а затем автономия.

Итак, патриотизм и национализм получили свое воплощение в общественной деятельности демократической части казахской интеллигенции. Можно выделить несколько направлений их работы: формирование общественного мнения; участие в урегулировании социальных и межэтнических отношений в крае в связи с восстанием 1916 г.; социальная защита призванных на тыловые работы инородцев; сотрудничество с депутатами и фракциями Государственной Думы; участие в партийно-политической борьбе в регионах, в подготовке к выборам в Учредительное собрание; взаимодействие с общероссийскими и региональными организациями. Отличали эту работу гражданская ответственность и нараставшая оппозиция действиям властей, которые, по мнению этнополитической элиты, противоречили интересам страны и казахского народа, приоритету легитимных форм и культуре межэтнических отношений.

Общероссийские тренды демократических преобразований сыграли определяющую роль в представлениях и деятельности будущих автономистов. В идеологии и программе казахских демократов политическая самостоятельность как приоритет и основная цель оформились под давлением объективных изменений в стране. Вопрос о самоопределении и даже автономии вплоть до распада Российской империи казахской общественностью не ставился. Один из наиболее авторитетных представителей сибирского областничества Г.Н. Потанин верно подметил реализм «вождей киргизского народа», которые не решались на образование автономии. Вопрос о ней, по его мнению, мог стать главным лишь после того, как

«новые порядки в киргизском народе наладятся, ...а киргизская интеллигенция достаточно увеличится». Этим объяснялось их стремление войти в состав Сибирской автономии, как подготовительный этап в направлении государственности, по мере преодоления политической и культурной отсталости нации. Оптимальной формой государственного устройства, считал Потанин, для них выступала «не родственная автономия, а автономия, привязанная к земле», обеспечивающая мирное сожительство разных народов<sup>30</sup>.

Исторический опыт деятельности казахской интеллигенции на завершающей стадии существования Российской империи имеет актуальный смысл в современном контексте. Он подтверждает, что модернизация политической системы, органов управления и самоуправления тесно связаны с общими социально-экономическими и культурными условиями развития этносоциума, качеством его политико-правовой культуры, организационного и идейного оформления этнополитической элиты, содержанием и качеством ее образования, накопленного ею опыта гражданско-правовой практики и уровня политической ответственности. Реализация демократических избирательных процедур и партийной конкуренции на основе закона, апробированные тогда, остаются острейшими потребностями современной культуры идущих во власть. Умение с достоинством выигрывать и проигрывать, вести честный диалог с массами и соперниками, действовать строго легитимными способами – политический опыт Букейханова и его соратников. Кроме того, исторический опыт алашординцев подтверждает, что только непосредственное включение каждого обывателя, каждого гражданина в решение задач местного развития при ответственном и демократически избранном главе администрации конкретного населенного пункта и региона создаст плодородную почву для сильного и процветающего государства.

На рубеже XIX–XX вв. и особенно при переходе к советской политической системе обнаружили иллюзорность могущества аппарата, множественность реальных практик самоорганизации этнокультурных общностей, сложная динамика перераспределения

<sup>30</sup> Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября, 14 ноября; Путь народа (Томск). 1917. 17 октября; Жалпы сибір съезі // Казах. 1917. № 251.

---

властных рычагов между локальными и центральными группами чиновничества. Разработка отвечающей коренным интересам и реалистической программы всесторонней модернизации общества – пример оптимального для своего времени сочетания мирового, российского и национального опыта (социализм, либерализм, национализм). Создание эффективных структур управления, согласование бесчисленных политико-правовых нюансов взаимодействия с разнонаправленными внутренними и внешними политическими силами, формирование патриотической бюрократии – не только сами задачи, которые в чрезвычайных условиях решали Букейханов и его единомышленники, но и опыт их осуществления сегодня остаются весьма востребованными.

Почекаев Р.Ю.

## Особенности взаимоотношений российской администрации Туркестана с Бухарой и Хивой во время восстания 1916 г. (политико-правовые аспекты)<sup>1</sup>

В обширной историографии, посвященной восстанию 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, насколько нам известно, не уделялось много внимания вопросу о том, насколько оно повлияло на отношения Российской империи с ханствами Средней Азии – Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Более того, исследователи неоднократно подчеркивают, что поскольку Бухара и Хива номинально не входили в состав России и, следовательно, не подчинялись российским законам – соответственно, на их население не распространялся и указ о мобилизации от 25 июня 1916 г., так что повода для восстания не было<sup>2</sup>.

В самом деле во многом ситуация была такова. Если проанализировать информацию о событиях в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в период восстания, то можно убедиться, что никаких антироссийских выступлений в них не было. В Бухаре продолжали развиваться отношения в экономической сфере, и, в частности, в разгар восстания в эмирате предпринимались меры

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках научного проекта РГНФ №14-03-00322.

<sup>2</sup> См., напр.: Гинин А.В. Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2008. С. 186; Калишевский М. Трагедия 1916 года: Десяносто пять лет со дня восстания // Электронная публикация с сайта Международного агентства новостей «Фергана.Ру»: <http://www.fergananews.com>.

для решения продовольственной проблемы – было создано Бухарское продовольственное совещание, каковые существовали и в регионах Российской империи (возглавил его скандально известный дипломат П.П. Введенский, впрочем, тогда проявивший себя как эффективный хозяйственник)<sup>3</sup>. Вышеупомянутый исполняющий должность Туркестанского генерал-губернатора генерал М.Р. Ерофеев в телеграмме военному министру от 20 июля 1916 г. писал: «В Бухаре настроение хорошее. Во многих местах совершены молитвы дарования победы русскому оружию»<sup>4</sup>. По всей видимости, российская администрация, убедившись, что ситуация в Бухаре под контролем, не сочла нужным вводить дополнительные меры связи с восстанием в Туркестане и как-то ограничивать экономическую деятельность русских в эмирате, их взаимодействие с местными партнерами.

Как и в Бухарском эмирате, в Хивинском ханстве во время восстания и после него активно осуществлялось экономическое сотрудничество между русскими и местными предпринимателями<sup>5</sup>. С начала 1916 г. в ханстве, охваченном глубоким экономическим кризисом, происходил передел собственности, в результате чего ряд местных предприятий разорился и ушел с рынка, а их активы перешли к более крупным, причем российским компаниям<sup>6</sup>. Кроме того, в Хиве летом 1916 г. бурными темпами шло строительство ряда зданий в русском стиле, включая новый ханский дворец – вероятно, с привлечением российских специалистов<sup>7</sup>.

Это дает основание исследователям констатировать, что восстание 1916 г. в Туркестане существенно не повлияло на основу взаимоотношений империи со среднеазиатскими ханствами в экономической и до некоторой степени культурной сфере. Однако до сих пор не рассматривался вопрос о том, что во многом спокойствие в Бухаре и Хиве во многом обеспечивалось благодаря деятельности

<sup>3</sup> См. подробнее: *Генис В.* Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003. С. 67–68.

<sup>4</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 64.

<sup>5</sup> *Ниязатов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 449.

<sup>6</sup> Там же. С. 443–452, 455.

<sup>7</sup> Там же. С. 441–442.

российской администрации Туркестанского края, принявшей ряд мер, чтобы не допустить волнений в среднеазиатских протекторатах Российской империи. В настоящем исследовании предпринимается попытка проследить, как события в Туркестане отразились на русско-бухарских и русско-хивинских отношениях, и в какой мере эти изменения закреплялись юридически.

Принятие мер диктовалось соображениями безопасности, намерением защититься от угроз, которые, по мнению российских властей, могли исходить от сотрудничества восставших Туркестана с правящей элитой и населением Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Имперские власти прекрасно осознавали, что среднеазиатские ханства не могут не быть затронутыми событиями в Русском Туркестане. Более того, как следует из документов (отчетов, телеграмм и рапортов представителей туркестанской администрации), участие различных бухарских и хивинских сил в событиях лета 1916 г. четко фиксировалось. Восставшие старались поддерживать сотрудничество с Бухарой и Хивой сразу по нескольким направлениям. Прежде всего, не следует забывать, что охваченные восстанием районы не так давно являлись частью, соответственно, эмирата и ханства и в них было немало сторонников возвращения под власть прежних правителей, уже с весны 1916 г. распространявших слухи, что скоро русские потерпят поражение от немцев, и к Бухаре отойдут все ранее отторгнутые у нее владения<sup>8</sup>; неслучайно среди предводителей восстания фигурировали и потомки прежних бухарских беков (в частности, Абдурахман Джевачи Абдуджабаров в Джизаке)<sup>9</sup>. Также восставшие апеллировали к бухарским и хивинским властям (в большинстве случаев – правителям бекств, пограничных с регионами, охваченными восстанием) как единомерцам, призывали их помочь в борьбе с «неверными» оружием, продовольствием, военной силой<sup>10</sup>; некоторые эмиссары

<sup>8</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 156.

<sup>9</sup> Там же. С. 70–71; Шестаков А. Джизакское восстание 1916 г. // С. 74, 85. См. также: Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. С. 161.

<sup>10</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 109, № 84. С. 141. См. также: Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. С. 160.

восставших (причем не только из Туркестана, но и из Казахстана) приезжали в Бухару для закупки оружия<sup>11</sup>. Большую опасность в глазах туркестанских властей представляло идеологическое сотрудничество восставших с представителями Бухары и Хивы – панисламистами, пантюркистами, джадидами и пр.<sup>12</sup> Например, известно, что накануне восстания в работе джадидов Самарканда участвовали некоторые младохивинцы (в частности, Палваннияз Юсупов). Немало беспокойства причиняли российским властям также отдельные торговцы из Средней Азии, которые вели дела не только в Туркестане, но также в Поволжье и на Урале, соответственно, имевшие возможность общаться как с исламскими организациями соответствующих регионов, так и с представителями российской администрации<sup>13</sup>. Еще больше беспокоила российскую администрацию деятельность разведок тех стран, с которыми Россия находилась в состоянии войны – германской и Османской империи<sup>14</sup>. Ряд современных исследователей вообще полагают, что восстание было инспирировано именно агентами этих разведок, всего лишь эффективно использовавших социальные, политические и религиозные противоречия между российской администрацией и местным населением. Наконец, после подавления восстания многие его участники предпринимали попытки скрыться именно на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства (как и в Афганистане или Восточном Туркестане)<sup>15</sup>.

Чтобы пресечь все эти направления взаимодействия восставших с бухарскими и хивинскими политическими кругами, российские власти предприняли ряд мер, которые мы и намерены рассмотреть ниже, сначала на примере Бухарского эмирата, а затем – Хивинского ханства.

<sup>11</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. № 421. С. 624; № 422. С. 627; № 424. С. 630; Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция императорской России: русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. С. 204.

<sup>12</sup> См.: Шестаков А. Джизакское восстание 1916 г. С. 61.

<sup>13</sup> Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 462–463.

<sup>14</sup> Интересно отметить, что сами восставшие на допросах, проводимых чиновниками туркестанской администрации, отрицали, что среди них велась агитация представителями Бухары и Османской империи. См.: Шестаков А. Джизакское восстание 1916 г. С. 69, 75.

<sup>15</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 111, 134, 501; Шестаков А. Джизакское восстание 1916 г. С. 63, 65, 68.

Поскольку туркестанская администрация выявила несколько направлений (истинных или мнимых) сотрудничества восставших Туркестана с бухарцами, то и сотрудничество ее с властями эмирата в целях подавления восстания осуществлялось по нескольким направлениям.

Прежде всего, российские власти предприняли меры, чтобы пресечь слухи о том, что бухарцев также привлекут на тыловые работы, а такие слухи распространялись и в эмирате, и в Самарканде, вызывая беспокойство местного населения и обостряя его отношения с русскими<sup>16</sup>. Накануне и во время восстания представители туркестанской администрации неоднократно делали заявления о том, что бухарцы в отличие от русскоподданных не попадают под действие указа и отвергали возможность привлечения их к этим работам даже за плату, чтобы не вызвать волнения в среднеазиатских ханствах<sup>17</sup>. Не довольствуясь этим, временно управляющий политическим агентством в Бухаре Н.А. Шульга в первые же дни после начала волнений в Туркестане «просил», а фактически приказал кушбеги в свою очередь принять меры по пресечению этих слухов, предлагая помощь полиции русских поселений<sup>18</sup>.

Перемещение потенциальных участников восстания из Бухары в Туркестан, а также бегство восставших после разгрома на территорию эмирата имперская администрация также постаралась контролировать. Так, в июле 1916 г. исполняющий должность Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеев писал военному министру Д.С. Шуваеву, что бухарский кушбеги приказал правителям пограничных бекств установить наблюдение за всеми пересекающими границу и не допускать ее массового пересечения самаркандцами<sup>19</sup>. Несомненно, это было сделано по указанию российских властей<sup>20</sup>.

Взаимодействие восставших с иностранными агентами, пантюкистскими и джадидскими кругами Бухары также находилось под

<sup>16</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 114.

<sup>17</sup> Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937. С. 27; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 53, 212.

<sup>18</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 59.

<sup>19</sup> Там же. С. 64.

<sup>20</sup> Там же. С. 721.



контролем имперской администрации. 1 июля 1916 г. начальник Самаркандского уезда полковник А.И. Мартинсон в рапорте Самаркандскому военному губернатору Н.С. Лыкошину ссылаясь на агентурные сведения о переписке восставших с бухарцами и афганцами и на основе этих сообщений просил распоряжения «о перлюстрации туземной корреспонденции», причем не только для Самарканда, но и для российских чиновников «в Бухарских владениях»<sup>21</sup>. Вскоре такое распоряжение было дано, в частности, уже 11 июля 1916 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения рапортовал в Департамент полиции в Петрограде, что усилиями политического агентства в Бухаре было перехвачено письмо ташкентских казиев афганскому эмиру с предложением выступить против России, «но разбору не поддается»<sup>22</sup>. Тот факт, что Русскому политическому агентству и находящимся в его ведении чиновникам были предоставлены широкие полномочия по отслеживанию бухарцев, заподозренных в сотрудничестве с восставшими и иностранными разведками, подтверждается рядом сообщений о проведении обысков и изъятии корреспонденции у подозрительных лиц в Старой Бухаре<sup>23</sup>. За сбор сведений о ситуации в Бухаре отвечал специальный помощник Самаркандского военного губернатора, который, в свою очередь, информировал о ней командующего Туркестанского военного округа<sup>24</sup>. Точно также был установлен специальный надзор за бухарцами, пребывавшими во время восстания на территории Туркестана<sup>25</sup>.

Исследователи высказывают предположение, что бухарцы, несмотря на неоднократные призывы, не пришли на помощь туркестанцам по ряду причин. Во-первых, меры для предупреждения выступлений принимали сами бухарские власти, которых пугала возможность повторения в эмирате туркестанских событий; во-вторых, на бухарцев могло произвести впечатление быстрое и жестокое подавление выступления в ближайшем к ним туркестанском регионе – Джизакском уезде, где оно длилось с 13 по 27 июля; наконец, в-третьих, российские отряды, расположенные на территории

<sup>21</sup> Там же. С. 103.

<sup>22</sup> Там же. С. 61.

<sup>23</sup> Там же. С. 62, 139–140, 719.

<sup>24</sup> Там же. С. 115.

<sup>25</sup> Там же. С. 464.

эмирата, были очень оперативно перегруппированы и взяли под охрану русские поселения и железнодорожные станции<sup>26</sup>. В связи с этим важно отметить, что по распоряжению Штаба Туркестанского военного округа территории, прилегающие к Туркестанской железной дороге, для более эффективной их охраны были разбиты на двенадцать участков и одним из них стал участок Бухара – Термез, с веткой Карши-Китаб<sup>27</sup>. То есть в условиях чрезвычайной ситуации на территорию формально независимого Бухарского эмирата в полной мере распространялись распоряжения туркестанской военной администрации.

Утверждения о том, что в Бухаре во время восстания в Туркестане вообще не было волнений, некорректны. Исследователи упоминают, что как раз летом-осенью 1916 г. в эмирате имели место восстания в ряде бекств. Но выступления дехкан в Шахрисябзском<sup>28</sup> и Китабском бекствах носили, как было принято их характеризовать в советской историографии, «антифеодальный характер» и были подавлены силами самого эмира<sup>29</sup>. А вот выступление в Ширабадской долине уже имело антироссийский характер. Поводом для волнений послужила деятельность российской концессии «Айвадж», руководители которой, Глушков и Конев, незаконно захватили земли местных жителей. В результате восставшие потребовали не только вернуть эти земли, но и выступили против практики концессий как таковой. Судя по всему, это восстание не приобрело столь острой формы, как в Туркестане, Шахрисябзе и Китабе, поскольку нет сведений, что на его подавление были брошены войска. Лишь осенью 1916 г. в Ширабад был направлен агроном, надворный советник Леонтьев, чтобы разобраться с причиной волнений, причем

<sup>26</sup> Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. (К десятилетию событий) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 94.

<sup>27</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 727.

<sup>28</sup> Впрочем, при анализе событий в Шахрисябзском бекстве нельзя упускать из виду, что власть Бухары над ним была восстановлена в полной мере лишь в 1870 г. при прямой поддержке российских войск. Соответственно, среди местного населения (преимущественно племя кенегес) были широко распространены антибухарские и антироссийские настроения, и волнения 1916 г. могли быть в равной степени направлены как против эмира Сейид Алим-хана, так и российских властей, чьим ставленником он являлся (устная консультация д.и.н., профессора МГУ Д.Ю. Арапова на конференции, 18.09.2015).

<sup>29</sup> Тухтаматов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966. С. 122.

официальной целью его поездки было ознакомление с развитием сельского хозяйства в регионе. А уже в начале 1917 г. регион посетил сам Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, который вместе с русским политическим агентом в Бухаре А.Я. Миллером рассмотрел претензии дехкан и приказал руководителям концессии «Айвадж» возвратить незаконно захваченные земли их хозяевам. Таким образом, в событиях 1916 г. мы видим, что российская администрация строго соблюдала принцип, согласно которому дела в Бухарском эмирате с участием русских разбирались исключительно российскими властями<sup>30</sup>. И только тот факт, что решение выносил не представитель Русского политического агентства, а сам Туркестанский генерал-губернатор, свидетельствует о сохранении чрезвычайной ситуации в российско-бухарских отношениях в рассматриваемый период.

Изменения же в отношениях Российской империи с Хивинским ханством во время восстания в Туркестане оказались более радикальными, что объяснялось спецификой как политической ситуации в самом ханстве, так и особенностями взаимодействия имперской пограничной администрации с ее властями. В отличие от Бухары, где не без помощи русских войск уже в 1870-е гг. была восстановлена прочная власть центра над регионами, Хива в начале XX в. оставалась раздробленным государством с сильной кочевой оппозицией ханской власти, которая держалась во многом благодаря российской поддержке<sup>31</sup>. Последний случай оказания имперскими властями прямой поддержки хану Исфендиару датируется началом 1916 г., т. е. имел место буквально накануне восстания в Туркестане! Отдаленность Хивы от основных российских владений, немногочисленность военных отрядов в Амударьинском отделе, Закаспийской области и непосредственно на территории ханства<sup>32</sup> заставили туркестанскую администрацию

<sup>30</sup> Там же. С. 123.

<sup>31</sup> Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 417.

<sup>32</sup> Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. С. 98. Как писал в своих мемуарах С.В. Чиркин, в частности, в Ургенче были «расположены какие-то дружины, части, состоявшие из совсем забывших военное дело пожилых людей». См.: Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. С. 247.

принять решительные меры в отношении противников ханской власти, вплоть до прямого военного вмешательства.

Восстание в Хиве в январе 1916 г., и в особенности участие в нем йомудского предводителя Джунаид-хана, которого российские власти не без оснований считали креатурой османской и германской разведок<sup>33</sup>, заставили генерал-губернатора Туркестанского края Ф.В. фон Мартсона ввести военное положение в Амударьинском отделе, а также и в Хивинском ханстве, на что им была получена соответствующая директива из Петрограда за подписью военного министра А.С. Сухомлинова и министра иностранных дел С.Д. Сазонова<sup>34</sup>. Тот факт, что центральные власти столь быстро санкционировали распространение военного положения на государство, юридически считавшееся независимым, весьма красноречиво показывает, что на самом деле ханство воспринималось едва ли не как часть Российской империи. Кроме того, введение военного положения в Хивинском ханстве представляется аналогичным вышеупомянутому включению отдельных территорий Бухарского эмирата в качестве «участка» для особой защиты войсками Туркестанского военного округа. Также обращает на себя внимание тот факт, что генерал А.С. Галкин, командовавший туркестанскими войсками, при подавлении восстания не был ограничен никакой инструкцией. Он в течение долгих лет занимал административные должности в Туркестане (в свое время побывал на посту начальника Амударьинского отдела) и считался знатоком Хивы, так что ему было позволено действовать в ханстве по собственному усмотрению<sup>35</sup>. Наделение русского генерала практически диктаторскими полномочиями также свидетельствует, на наш взгляд, об усилившейся в условиях чрезвычайной ситуации тенденции восприятия Хивинского ханства как части Российской империи.

<sup>33</sup> Т.Г. Тухтаметов в своем исследовании прямо противопоставляет турецкого и германского ставленника на хивинском троне Джунаида российскому ставленнику Исфендиару. См.: *Тухтаметов Т.Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. С. 92. См. также: *Ниязатов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. С. 418–419.

<sup>34</sup> *Ниязатов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. С. 429.

<sup>35</sup> *Погорельский И.В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. С. 106.

Восстание в Хиве зимой-весной 1916 г. также неоднократно освещалось в исторических исследованиях, поэтому в рамках данной статьи нас интересует не его ход и подавление, а лишь его последствия.

Во-первых, Ф.В. Мартсон по итогам действий в Хиве в очередной раз поднял вопрос перед центральными властями о присоединении ханства к России, как гарантии спокойствия на его территории. Но это предложение не встретило поддержки в Петрограде, поскольку присоединение Хивы вызвало бы очередной виток обострений с рядом мировых держав, чьи интересы затрагивали любые изменения в Средней Азии, причем не только противников России в Первой мировой войне Германии и Турции, но и союзников, в частности Англии. Кроме того, по всей видимости, у Мартсона не было четкого плана по присоединению Хивы, и он сделал предложение под влиянием текущего момента, хотя и инициировал создание специального Хивинского комитета. Его подчиненный С.В. Чиркин отмечал, что подобная воинственная риторика совершенно не вязалась ни с личностью, ни с предыдущей деятельностью генерал-губернатора. Тем не менее, не желая рисковать, центральные власти отозвали В.Ф. Мартсона<sup>36</sup>. Сменивший его июле 1916 г. А.Н. Куропаткин, несмотря на свою большую воинственность, сумел, как мы увидим ниже, действовать в отношениях с властями более дипломатично и добиться укрепления российского контроля над Хивой без ее присоединения к России.

Во-вторых, важным последствием восстания в Хиве стало пребывание начальника Амударьинского отдела полковника В.П. Колосовского в ханстве после разгрома основной части мятежников и отмены военного положения в мае – июле 1916 г. По-видимому, к нему частично перешли широкие полномочия А.С. Галкина, поскольку он добился отмены вывода тех российских воинских подразделений, которые еще оставались в ханстве после подавления восстания, фактически осуществляя от имени хана меры по стабилизации обстановки в регионе<sup>37</sup>. Самое же главное, что он

<sup>36</sup> См.: Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. С. 248–249.

<sup>37</sup> Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. С. 113.

развернул активную деятельность по выявлению и нейтрализации иностранных агентов<sup>38</sup>. Его действия также позволяют провести параллель с «оперативно-розыскными» действиями Русского политического агентства в Бухаре в этот же период деятельности. Особая агентурная сеть была создана для отслеживания перемещений Джунаид-хана, причем не только на территории Хивинского ханства, но и за рубежом – в Персии и Афганистане<sup>39</sup>. Правда, как отмечают исследователи, усилия Колосовского в значительной степени не были оценены. Он предоставил своему непосредственному начальнику А.С. Галкину поименный перечень лиц, которые действовали в ханстве во вред России с указанием, на какую разведку они работали и какую деятельность осуществляли (собирали информацию для Германии и Турции, поставляли оружие Джунаид-хану и пр.), однако генерал не принял никаких мер. С.В. Чиркин объясняет его пассивность тем, что Галкин, к этому времени являвшийся уже пожилым человеком, «был алкоголик и в состоянии запоя часто манкировал делами»<sup>40</sup>. Советские исследователи судили генерала более строго, обвиняя его в том, что он сам был тайным агентом Германии и Турции, и именно поэтому не принимал никаких мер по борьбе с их резидентами в Хиве<sup>41</sup>. Однако аналогичным образом повел себя и генерал-губернатор Мартсон, которому Колосовский также направлял рапорты и списки иностранных агентов<sup>42</sup>, хотя его никто и никогда не обвинял в сотрудничестве с иностранными разведками. По всей видимости, проблемы, начавшиеся непосредственно в Туркестане, заставили руководство имперской администрации до некоторой степени пренебречь вопросами безопасности на территории Хивинского ханства.

В августе 1916 г. В.П. Колосовский был снят со своего поста, причем не за действия в Хиве, а по обвинению во взяточничестве, в т. ч. вымогательстве денег у самого хивинского хана, в чем он

<sup>38</sup> Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. С. 433.

<sup>39</sup> Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 431, 459.

<sup>40</sup> Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. С. 247.

<sup>41</sup> Якунин А.Ф., Кулиев О.К. Восстание 1916 года в Средней Азии // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 46.

<sup>42</sup> Ниязатов М. Указ. соч. С. 433–434.

сам откровенно признался на следствии<sup>43</sup>. Тем не менее, вероятно, именно из-за его пребывания в Хиве во время восстания в Туркестане и небезуспешной борьбы с иностранными агентами ханство именно в этот период времени оставалось достаточно спокойным.

Весьма примечательно, что Колосовский постарался не допустить применения указа о мобилизации. Хотя Хива, как и Бухара, официально не подпадала под его действие, туркестанским властям было известно, что на территории ханства кочует ряд казахских родов из Уральской области, общим число около 3000 чел., из которых полагалось призвать на тыловые работы 426 чел. Начальник Амударьинского отдела в ответ на такое распоряжение туркестанских властей написал, что возникнут трудности с его выполнением, поскольку весьма проблематично отследить в пределах ханства кочевников и доподлинно установить их подданство<sup>44</sup>. Благодаря этому повод для восстания не появился. Зато практически сразу после того, как Колосовский покинул ханство в августе 1916 г., там начались новые волнения в Хиве, кроме того, хивинские йомуды приняли участие вместе со своими русскоподданными сородичами в восстании туркмен Закаспийской области<sup>45</sup>. Вероятно, во многом это было связано с тем, что сменивший Колосовского на посту начальника Амударьинского отдела полковник Завитневич объявил амнистию и освободил ряд предводителей прежнего хивинского восстания<sup>46</sup>, что в глазах населения ханства могло свидетельствовать о его излишней мягкости или неуверенности в своих силах.

Однако сам факт постоянного пребывания в Хиве российского военного представителя во главе отряда войск, по-видимому, был сочтен туркестанскими властями удачным решением постоянной проблемы междоусобиц в Хивинском ханстве и вражды с русскоподданными. 8 декабря 1916 г. в Петрограде произошло совещание, в котором приняли участие Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, а также руководство военного министерства и

<sup>43</sup> Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX в. С. 84–85, 89.

<sup>44</sup> Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX – начале XX века. Ташкент, 1972. С. 178.

<sup>45</sup> Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. С. 109–110. См. также: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 96.

<sup>46</sup> Погорельский И.В. Указ. соч. С. 114.

Министерства иностранных дел. На этом совещании было признано целесообразным его предложение о введении института военного комиссара в Хиве, в компетенцию которого должно было входить даже принятие решения о преемнике хана. В начале нового 1917 г., используя в качестве повода очередной всплеск антиханских восстаний в Хиве, Куропаткин пригласил хана Исфендиара в Ташкент, где 29 января 1917 г. они подписали соглашение о военном комиссаре и размещении в Хиве русского гарнизона в количестве двух рот солдат, двух сотен казаков и двух артиллерийских орудий. Примечательно, что расходы на военного комиссара, его штат и гарнизон (около 200 000 руб. в год) должен был нести хивинский хан<sup>47</sup>.

Проект соглашения с Хивой был направлен Куропаткиным тогда же, в конце января 1917 г., в военное министерство, а 15 февраля он отправил рапорт Николаю II о его подписании<sup>48</sup>, однако в результате Февральской революции проект не был официально одобрен. Впрочем, как показали последующие события, Временное правительство прислушалось к мнению Куропаткина. Пребывание в Хиве с марта по октябрь 1917 г. сначала генерала Х. Мирбадалова, затем подполковника Б.П. Тризны и, наконец, полковника И.М. Зайцева во главе гарнизона по сути стало реализацией проекта о военном комиссаре в Хивинском ханстве. Правда называлась эта должность просто «комиссар Временного правительства Российской державы в Хиве». То положение, которое должно было юридически закрепить статус этого чиновника, было представлено на рассмотрение военному министру лишь в сентябре 1917 г. и подобно вышеупомянутому проекту А.Н. Куропаткина так и не было утверждено уже из-за Октябрьской революции. Тем не менее, нельзя не отметить стремление туркестанских властей и лично А.Н. Куропаткина упорядочить отношения с Хивинским ханством, усовершенствовав их хотя бы до уровня русско-бухарских отношений. Институт военного комиссара, на наш взгляд, имеет большое сходство с Институтом политического агента в Бухарском эмирате, с той только разницей,

<sup>47</sup> Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX – начале XX века. Ташкент, 1972. С. 179–180. См. также: Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. С. 258–259.

<sup>48</sup> Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). Ашхабад, 1938. С. 224.



что комиссар должен был подчиняться не МИДу, как агент, а военному министерству. Учитывая напряженную обстановку в ханстве, это отличие представляется вполне логичным.

Некоторые проблемы взаимоотношений с Бухарским эмиратом, в особенности с Хивинским ханством, с которыми столкнулись российские власти во время восстания 1916 г., на наш взгляд, могут быть объяснены, во-первых, неопределенным статусом среднеазиатских ханств по отношению к империи (фактические протектораты при формальном признании их независимости), а во-вторых, отсутствием четкой правовой базы, которая бы регулировала эти отношения. Как мы могли убедиться, взаимоотношения России с Бухарой и Хивой в этот сложный период строились на основе распоряжений туркестанской администрации – самого генерал-губернатора, начальника Амударьинского отдела в отношениях с Хивой и «рекомендаций» Русского политического агентства (в отношениях с Бухарой), нередко реализовывавшихся без одобрения вышестоящих имперских органов власти (военного министерства и МИДа) или до получения такого одобрения. Все эти правозначимые решения и действия предпринимались *ad hoc*, т. е. для решения конкретной задачи, возникшей здесь и сейчас. Только последний генерал-губернатор А.Н. Куропаткин попытался предложить вариант институционализации отношений с Хивинским ханством, фактически доведя формат правоотношений России с ним до формата отношений с Бухарским эмиратом, однако, как уже было сказано, события февраля 1917 г. не позволили реализовать его проект в полной мере.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что, с одной стороны, восстание 1916 г. в Туркестане не повлекло радикальных перемен в правовом регулировании отношений Российской империи с ханствами Средней Азии, издания новых правовых актов, которые бы изменили формат этих взаимоотношений. С другой стороны, действия российской администрации в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во время восстания и под предлогом борьбы с ним еще раз отчетливо продемонстрировали, что Россия фактически считает среднеазиатские ханства зависимыми территориями и допускает возможным в условиях чрезвычайной ситуации распространять на них отдельные имперские правовые акты и

правовые режимы, включая контроль перемещений через границу, охрану значимых объектов на территории ханств русскими войсками, проведение сыскной работы для выявления иностранных агентов и т. п.

Полагаем, что дополнительные исследования, в т. ч. изучение архивных документов из канцелярий Бухарского эмирата, Хивинского ханства, Туркестанского генерал-губернаторства, включая Амударьинский отдел, Русского политического агентства в Бухаре, позволят лучше понять механизм реализации российских правовых предписаний, в частности, выяснить, вводились ли они в действие непосредственно на основе распоряжений туркестанских властей или же опосредованно, путем принятия соответствующих актов эмира Бухары и хана Хивы. Это позволит лучше понять официальное юридическое положение среднеазиатских ханств по отношению к Российской империи накануне ее падения.

**БАТЫРБАЕВА Ш.Д. Демографические  
потери кыргызов во  
время восстания 1916 г.:  
источники и методы  
изучения**

.....

**П**риближается годовщина восстания 1916 г. 17 мая 2015 г. вышел указ Президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева о подготовке к 100-летней годовщине «Уркуна» (Үркүн). Была образована рабочая комиссия в составе ученых-историков и представителей других гуманитарных наук для выработки объективной исторической оценки событий 1916 г.<sup>1</sup> Параллельно с указом президента некоторые политики, общественные деятели создали общественную комиссию, призванную дать историческую и политическую оценку событиям тех лет и исследованию истории восстания 1916 г. Таким образом, трагические события восстания 1916 г. стали объектом не только научного исследования, а еще проблемой, активно обсуждаемой широкой общественностью. Одни из вопросов, вызывающие дискуссии, – величина людской убыли среди коренного населения и тема потеря – зачастую поднимаются в скандальном ключе<sup>2</sup>. До сих пор в отечественной исторической науке отсутствует единое мнение по данному вопросу, где установленные учеными данные о количестве жертв от 60 тыс. до свыше 150 тыс. чел., т. е. прямые и косвенные потери среди коренного населения Северного Кыргызстана, согласно исследованиям, колеблются от 15 до 40 %<sup>3</sup>. В связи с этим для объективной исторической оценки событий 1916 г. одним из актуальных вопросов является установление масштаба демографических

<sup>1</sup> [http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931\\_prezident\\_almazbek\\_atambaev\\_podpisal\\_ukaz\\_o\\_100-letii\\_tragicheskikh\\_sobyitiy\\_1916\\_goda/](http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931_prezident_almazbek_atambaev_podpisal_ukaz_o_100-letii_tragicheskikh_sobyitiy_1916_goda/)

<sup>2</sup> <http://rus.azattyk.org/content/news/27183090.html>

<sup>3</sup> Плоских В. Этно-социальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX – начале XX в. (исторический аспект). Бишкек, 2015. С. 194–195.

потерь среди кыргызов. При этом следует отметить, что демографические потери в ходе восстания 1916 г. были среди всего населения, проживающего в данном регионе, вне зависимости от их национальной принадлежности и вероисповедания.

Историографический обзор научной литературы по данной проблеме показал, что на первый план выступают вопросы введения в научный оборот материалов демографического учета и методы их изучения, так как отсутствие тщательного анализа данных о численности населения в конце XIX – начале XX в. на предмет достоверности, точности и полноты, а также погрешности методов исчисления прогнозируемого роста численности населения республики стали причиной противоречивых показателей в кыргызской историографии масштаба демографического последствия восстания 1916 г.

Для установления научно-объективной оценки людской убыли вследствие восстания 1916 г. необходимо проведение комплексного исследования массовых источников по истории населения с конца XIX до первой четверти XX в., так как содержащиеся в них данные о численности населения зачастую противоречивы, неполны и практически несопоставимы. Поскольку за рассматриваемый период, кроме переписи, проводились статистические наблюдения, изначально имеющие разные цели и задачи, соответственно применялись разнородные программы учета населения, методы организации, разработки и публикации их результатов. Введение их в научный оборот усложняется еще тем, что современная территория Кыргызстана входила до революции в состав разных уездов Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского генерал-губернаторства. На сегодня отсутствует единая база населенных пунктов, в т. ч. зимовок кыргызов в начале XX в., которая могла привести сопоставимые данные в пределах современной территории. Кроме этого, в дореволюционных учетах казахов и кыргызов Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей зачастую учитывали как «кыргызы», а в Ферганской и Самаркандской областях часто кыргызы были зафиксированы как «сарты», «курама», «кипчаки», т. е. исследователи, исходя из территориальной принадлежности, причисляли их к узбекам, казахам и кыргызам. Вследствие этого на начало 1916 г. перед восстанием численность кыргызов, проживаю-

щих в пределах современной территории республики, определяется как 730–750 тыс., иногда 880 тыс. чел.<sup>4</sup> Введение в научный оборот делопроизводственной документации, особенно отчетов и записок чиновников царской администрации, Временного правительства и большевиков, без должного критического анализа господствующей идеологии и политической конъюнктуры также приводит к искажению реальной действительности. Среди исследователей истории Кыргызстана применяются различные методы предполагаемого роста численности кыргызов до и после восстания 1916 г., исчисляя перспективный альтернативный прирост до 1917 и 1920 гг., а в некоторых случаях до 1926 г.

В связи с этим, опираясь на опубликованные материалы и применяя междисциплинарные методы, хотелось бы в настоящей статье высказать свою позицию о величине людских потерь в годы восстания 1916 г. среди коренного населения. Для того чтобы избежать субъективного подхода при оценке информативной содержательности тех или иных источников о людских потерях восстания 1916 г., проведено исследование на основе междисциплинарного метода изучения демографических явлений и исчисления перспективного альтернативного прироста населения на основе установленного среднегодового темпа роста до очередной переписи 1917 г.

Достоверность численности кыргызов, зафиксированная переписью 1897 г., среди исследователей не вызывает вопросов, а итоги переписи 1917 г. оцениваются противоречиво. Согласно опубликованным данным итогов переписи в «Статистическом ежегоднике 1917–1924 гг.», в Ташкенте в 1924 г. численность кыргызов Семиреченской области за 1917 г. составляла 224 944 чел.<sup>5</sup> Е. Бекмаханова, автор монографии «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма», используя итоги переписи 1917 г., численность кыргызов данной области указала в количестве 324 тыс. чел.<sup>6</sup> Имевшиеся расхождения в 99 056 чел. для того времени были очень значительными. Возникают вопросы: какова была

<sup>4</sup> Плоских В. Этно-социальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX – начале XX в. (исторический аспект). С. 194–195.

<sup>5</sup> <http://rus.azattyk.org/content/news/27183090.html>

<sup>6</sup> Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986. С. 40–41.

численность кыргызов на момент проведения переписи в 1917 г.; что брать за основу при исчислении предполагаемого роста кыргызского населения между двумя переписями 1897 и 1917 гг. и на какие данные мы должны опираться?

В этом плане следует остановиться на исследовательском опыте Н.Е. Бекмахановой, она в течение шести лет работала в архивах Алматы, Омска, Санкт-Петербурга и Москвы и изучала статистические данные о численности населения в рамках докторской диссертации. Она не только изучала сводные первичные данные переписи 1897 и 1917 гг., чтобы выявить реальную динамику численности населения региона по этносам, но и сверяла эти данные с итогами трехлетних переписей учета населения края и материалами текущего учета местной администрации. Для того чтобы различать казахов и кыргызов, учтенных как «кара-кыргыз, казах-кайсаков, сартов, кыргыз, курама», автор комплексно изучала источники, путем выявления особенности имен у вышеназванных народов. Бекмаханова при личной встрече отмечала, что постоянно свои выводы сверяла путем сопоставления разнородных источников и неоднократно консультировалась с видными демографами. В этом плане хотелось бы отметить, что на сегодня среди профессиональных историков никто из нас такую кропотливую работу не проводил, поэтому данные Бекмахановой в целом достоверно отражают действительность и для проведения экстраполяционного способа перспективного исчисления населения были взяты ее данные за 1917 г.

Экстраполяционный способ перспективного исчисления населения – один из классических методов демографического исчисления, который широко применяется учеными во всем мире, достаточно прост. Для получения конечного результата нужно знать стартовые данные – устойчивый показатель роста населения на определенный отрезок времени. То есть быть уверенным, что за исчисляемый период не было катаклизмов и катастроф, которые могли сократить численность населения, а также значительных миграционных потоков, которые также могли повлиять на вычисления. Зная эти цифры, можно вычислить, насколько выросла численность населения за определенный отрезок времени. В частности, чтобы вычислить количество людей, через значительный промежуток времени используется экспоненциальная функция:

$$P_t = P_0 \times e^{rt},$$

где  $r$  – среднегодовые темпы прироста;  $t$  – время, годы;  $e$  – основание натуральных логарифмов ( $e$  – число Эйлера, которое равно 2.71828182845905).

Если эти показатели известны, то можно рассчитать численность населения на любой период вперед, просто предположив неизменность среднегодовых темпов роста или прироста на протяжении всего рассматриваемого периода<sup>7</sup>.

Чтобы установить величину людских потерь в годы восстания 1916 г., за исходные взяты данные переписи 1897 г., исчислен перспективный альтернативный прирост населения на основе установленного среднегодового темпа роста до очередной переписи 1917 г. Основой расчета среднегодового темпа прироста численности кыргызов этих уездов за межпереписной период послужила их зафиксированная численность в ходе переписи 1897 и 1917 гг. и среднегодовой темп роста в пределах 1,3 %, исчисленный статистиками за 1913 г. Величины среднегодового темпа прироста были взяты из архивного источника 1,3 %, хранящегося в ЦГА КР. В документе «Статистическо-экономическая характеристика Киргизской АССР» от 7 июля 1928 г. в разделе «Население» для обоснования прогноза предполагаемых темпов развития на ближайшие пять лет и на десятилетие были приведены разные результаты обследования населения республики, в т. ч. среднегодовой темп роста в пределах 1,3 %, исчисленный статистиками за 1913 г.<sup>8</sup> При этом на основе изучения особенностей демографического развития было исключено влияние миграционных процессов на прирост численности, ибо кыргызы – народ малоподвижный, менее подверженный миграции, особенно межреспубликанской. Источником их количественного увеличения могли быть только результаты естественного движения постоянно проживающего населения. Такой подход предполагает, что результаты нашего исчисления должны показать реальную величину демографических потерь кыргызского населения в годы восстания, отображать максимальную величину роста численности населения, так

<sup>7</sup> Смирнова И.В. Демография. Калуга, 2004. С. 30.

<sup>8</sup> ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 336. Л. 16.

как за основу взят самый высокий темп среднегодового прироста за весь межпереписной период.

Согласно исследованию Н.Е. Бекмахановой, численность кыргызов Пишпекского и Пржевальского уездов по данным переписи за 1897 г. составляла 278,9 тыс. человек, а в 1917 г. их численность достигла 324 тыс. человек<sup>9</sup>. В этом плане хотелось бы отметить, что на сегодня работа автора среди специалистов признается классикой и никто из специалистов не подвергал ее выводы, основанные на изучении материалов из опубликованных и архивных источников по статистике населения, критике.

Если в Пржевальском и Пишпекском уездах численность кыргызов составляла в 1897 г. 278,9 тыс. человек, чтобы узнать, сколько кыргызов будет жить на следующий 1898 г. на территории двух вышеуказанных уездов, надо взять цифру за предыдущий год (278,9 тыс.), вычислить следующим образом величину прироста и сложить эти данные.

1. Используя экспоненциальную функцию, вычисляем величину прироста и узнаем, чему равно 1,3 % от базового уровня населения:  $(278900/100) * 1,3 = 3626$  человек.

2. Прибавляем к данным за предыдущий год (278 900) величину прироста (3626):

$$278\ 900 + 3626 = 282\ 526 \text{ человек.}$$

Следовательно, в 1898 г. население Пржевальского и Пишпекского уездов составляло 282 526 человек. По данным наших расчетов, численность этнических кыргызов Пржевальского и Пишпекского уездов в 1917 г. должна была составить 361,1083 человек. Данные переписи 1917 г. при этом указывают 324 тыс. человек. Полученный расчет альтернативного варианта численности кыргызского населения с 1897 по 1917 г. сравнили с реальными зафиксированными данными переписей, проведенных в эти же годы. Разница между реальными зафиксированными и исчисленными данными составила 37,1 тыс. человек. Установленная величина в 37,6 тыс. человек не только показывает прямые людские потери, но и включает убыль населения, а также количество несостоявшихся рождений. Но без специального источниковедческого анализа вряд ли возмож-

<sup>9</sup> Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. С. 182.



но выявить соотношение прямых и косвенных потерь и величину людской убыли.

Погрешность данного метода составляет  $\pm 10\%$ . Как вы видите, даже если допустить, что погрешность составила максимальное значение, величина демографических потерь могла быть не более 41,3 тыс. человек ( $37,6 \cdot 10\% = 41,3$ ). Таким образом, вследствие нарушения эволюционного характера изменения динамики численности кыргызского населения в ходе восстания общие демографические потери по двум уездам составили 37,1 тыс. человек.

В изучении демографических потерь кыргызского населения в годы восстания 1916 г. аналогичный метод был использован Г.К. Кронгардтом. Полученные им результаты на основе перспективного исчисления людской убыли в результате подавления восстания и вынужденной миграции в Китай составили 96,1 тыс. человек<sup>10</sup>. На наш взгляд, эти данные завышены и не имеют реальной основы. Это объясняется тем, что автор не выделил влияние прямых и косвенных последствий восстания на изменение динамики численности и исчисления проводил до 1926 г., а потери населения в результате голода, имевшего место в 1917–1918 гг., посчитал прямым следствием подавления восстания 1916 г. Но после восстания происходили природные, социальные и политические катаклизмы, которые также имели тяжелые демографические последствия, не связанные с этим трагическим событием.

Так, в своей работе В. Плоских отмечает: «Осенью 1916 г. не было дождей, зима 1916–1917 г. была малоснежной. В 1917 г. в Туркестане не было дождей, скот стал падать летом 1917 г., начался голод и тиф, а в 1918 г. в Семиреченской области – холера. В результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане погибло 1 млн 114 тыс. чел.»<sup>11</sup>. Приведенные данные, с одной стороны, требуют тщательного исследования последствий катаклизмов после восстания 1916 г., с другой стороны, при прогнозировании роста численности кыргызов следует верхнюю границу ограничить 1917 г.

Для дальнейшего исследования демографических последствий восстания необходимо основываться на теоретико-методологиче-

<sup>10</sup> Кронгардт Г.К. Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане // Восстание 1916 года в Кыргызстане. Бишкек, 1993. С. 52.

<sup>11</sup> Плоских В. Этно-социальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX – начале XX в. (исторический аспект). С. 187–194.

ских достижениях гуманитарных наук по исследованию закономерности изменения динамики численности населения и шире применять междисциплинарные методы, основанные на новой информационной технологии, которая заранее исключает субъективный подход. В дальнейшем требуется проведение исследований на микроуровне, только на их основе можно восстановить истинную картину количественной и качественной стороны демографического развития кыргызского населения.

При этом в изучении исторических источников необходимо соблюдать основные принципы научного гуманитарного познания: следовать принципу объективности, воспринимать источник и его автора как часть объективной реальности, следовать принципу историзма, исходить из обстоятельства и цели, которые преследует автор источника. И наконец, осознать принцип партийности, неоднородность общества, ведь ни один человек не может рассмотреть ситуацию с разных сторон и подать объективную и взвешенную информацию, так как у каждой такой группы есть своя цель.

САКТАГАНОВА З.Г.    **Грозный 1916 г.:  
к общей характеристике  
социально-  
экономической  
ситуации в Казахстане  
и причин восстания**

.....

**В** комплексе исследовательской литературы по данной проблеме можно выделить три среза научных публикаций (принципиальное отличие этих групп работ, прежде всего, в теоретико-методологических конструкциях и концептуальных подходах): работы советских историков, зарубежных исследователей и современных казахстанских авторов. В советской историографии восстание 1916 г. казахстановедами рассматривалось как составная часть революционного движения по свержению самодержавия<sup>1</sup>. Существовала устоявшаяся оценка характера восстания как антиколониального, антиимпериалистического и антифеодального. В рамках доминирования формационного подхода, когда локомотивом истории считалась классовая борьба, не учитывались специфические особенности регионов, национальное своеобразие расстановки классовых сил. Как верно отметил академик М.К. Козыбаев, по существу отрицалась самостоятельность национально-освободительного потока революционного движения<sup>2</sup>.

В современной казахстанской историографии доминирует концепт о том, что восстание 1916 г. (сегодня это восстание называют национально-освободительным или народно-освободительным

---

<sup>1</sup> Брайнин С., Шафири Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 г. Алма-Ата, 1936; Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936; Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977 и др.

<sup>2</sup> Козыбаев М.К. Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения в Казахстане // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Книга первая. Алматы, 2000. С. 171.

движением) было не отдельным, единичным протестом, а частью национально-освободительного движения в Казахстане в период XVIII – начала XX в.<sup>3</sup>

На наш взгляд, нельзя не согласиться с данным тезисом. Несмотря на позитивные интеграционные процессы, происходившие в казахской степи после присоединения к России, имели место и серьезные негативные последствия: изъятие земель у казахов-кочевников, изгнание их вглубь степи, передача земель переселенцам, другие жесткие методы колонизации и т. п. Соответственно и в XVIII, и в XIX вв. в Казахстане происходили крупные национально-освободительные движения, носившие антиколониальный характер. Восстание 1916 г. является, на наш взгляд, неотъемлемым звеном в данной цепи событий.

Обратимся к характеристике сложившейся этно-демографической и социально-экономической ситуации. По первой Всероссийской переписи 1897 г. в Казахстане численность казахского населения составляла почти 82 %, но в крае уже проживало около шестидесяти этносов, т. е. 18 % составляли представители других этносов. С 1906 по 1915 г. в переселенческие районы Степного края прибыло 580 587 чел., причем были учтены лишь души мужского пола<sup>4</sup>. В целом к 1916 г. в Казахстан было переселено около 1 млн российских крестьян. В 1917 г. вследствие активизации переселенческой политики удельный вес казахского населения уменьшается до 76 %, неказахское население соответственно увеличивается до 24 %. Полиэтничность казахстанского общества была реальностью уже более двух веков. Поэтому казахи и русские, украинцы и узбеки, татары и немцы в оседлых регионах достаточно мирно жили рядом друг с другом. В степных, кочевых районах абсолютно доминировало казахское скотоводческое население. Восприятие

<sup>3</sup> Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г. Материалы международной научно-теоретической конференции. Алматы, 1996; *Козыбаев М.К.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения в Казахстане // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Книга первая. Алматы, 2000. С. 166–180; *Его же.* Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Книга первая. Алматы, 2000. С. 180–194 и др.

<sup>4</sup> *Тресвятский В.А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России: Вып. 1. Степной край. Пг., 1917. С. 41.

российской администрацией местного населения происходило как «туземцев» (именно этот термин и использовался в официальных материалах), хотя юридически с 1731 г. казахи были такими же российскими подданными, как русские, белорусы, башкиры, татары и др. А ограничения не только в правах, но и в возложенных на них обязанностях (например, непривлечение их на воинскую службу) подтверждали недоверие к этим подданным. Точек взаимодействия у местного и переселенческого населения было множество: торговля и хлебопашество, ремесло и домашние промыслы, несчастными межнациональные браки. Отношения между коренным казахским населением и переселенцами не носили характера перманентной войны.

Однако общественно-политическая ситуация в Киргизском крае в начале XX в. (именно так обозначалась территория степных областей Казахстана в данный период) становилась все более напряженной. И это напряжение усилилось с активизацией переселенческой политики Российской империи в период столыпинской аграрной реформы. Главной проблемой в противостоянии, на наш взгляд, являлась земля. Наиболее плодородные пастбища вдоль рек, где кочевали казахи, изымались Переселенческим управлением, кочевники вытеснялись вглубь степи в засушливые бесплодные районы, и это вызывало протест не только против власти, но зачастую и против крестьян-переселенцев, казачества, расселившихся в этих районах. Генерал-губернатор Туркестанского края А.В. Самсонов еще в 1913 г. докладывал начальнику Главного штаба Н.П. Михневичу, что «невежественные киргизы могут причинить нам немало хлопот и тревожений, так как ... не сомнительные идеи панисламизма, а наша окраинная политика последнего времени, правильно стремящаяся к насаждению русского элемента на землях киргизских кочевий, является тем не менее одной из главнейших причин того недовольства киргиз, о котором ныне столь много говорят»<sup>5</sup>. И далее А. Самсонов констатирует методы этой политики: «Прежде всего, русская колонизация насаждается за счет “излишков киргизских земель”, т. е. киргизам остаются лишь самые

<sup>5</sup> Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов / Авт.-сост. Д. Амажолова. Караганда, 2005. С. 91.

необходимые для их пастушеского быта пространства, а остальное отбирается в так называемый “переселенческий фонд”... При таком изъятии “излишков” киргизских земель не дается никаких гарантий, что киргизов данного района не будут беспокоить... Благодаря этому у кочевников явилась полная неуверенность в завтрашнем дне и из году в год растущее недовольство русскими властями... В столкновениях с новоселами виноваты обычно сами новоселы, от которых больше всего и достается киргизам». Но несмотря на достаточно реалистичную оценку текущей ситуации, Туркестанский генерал-губернатор ошибается в своих прогнозах, говоря, что «... семиреченские киргизы, в 800-тысячную массу коих вкраплено уже 200 тысяч русских крестьян и казаков, отлично сознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие бы то ни было выступления, сопряженные с крайним воздействием и с потерей прав на землю»<sup>6</sup>.

Национальная интеллигенция считает социально-экономическое и политическое положение казахского скотоводческого населения более катастрофическим. Описывая ситуацию в крае, А. Букейханов в статье «Киргизы», опубликованной в 1912 г., говорит, что «киргизская степь покорно несла беззакония, глубоко затаив ненависть и злобу» в ответ на массовое изъятие казахских земель<sup>7</sup>. М. Тынышпаев, оценивая осуществление аграрной политики в казахских областях и прогнозируя ситуацию, пишет: «Правительство отбирает все новые и новые участки, туземное население фактически лишается удобных земель, годных для пастбищ и земледелия... Земельный вопрос у киргизов, безусловно, самый важный, при дальнейшем отбирании земель и пренебрежении к их интересам уже нельзя будет ручаться за спокойствие»<sup>8</sup>. В своих прогнозах М. Тынышпаев оказался более прав, чем генерал-губернатор, понимая, что наступает предел терпению казахов. По цитатам из данных работ национальной интеллигенции становится понятно, что ситуация в казахской степи накаляется и достаточно какого-либо повода, как накопившая ненависть и злоба прорвется.

<sup>6</sup> Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов. С. 91.

<sup>7</sup> Букейханов А. Киргизы. Избранные произведения. Алма-Ата, 1995. С. 75.

<sup>8</sup> Тынышпаев М. Киргизы и освободительное движение // История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 25.

А положение казахов, их настроение, латентные угрозы «покорной» стабильности вышеозначенные авторы знали достаточно хорошо.

Анализируя ситуацию в крае и причины восстания 1916 г., обратимся к источникам, где зафиксированы мнения совершенно полярных по мировоззрению и положению свидетелей и очевидцев данных событий, представителя национальной интеллигенции М. Тынышпаева и ротмистра отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железнякова. Весьма четко об ухудшении ситуации, усилении напряжения к началу XX в. (в сравнении с двумя десятилетиями ранее) говорит в своих показаниях на имя Туркестанского генерал-губернатора инженер М. Тынышпаев. Не идеализируя российскую политику в крае во второй половине XIX в., М. Тынышпаев тем не менее отмечает, что период управления в Семиречье генералом Г.А. Колпаковским и в Туркестане генерал-адъютантом К.П. Кауфманом был относительно благополучным, выделяет эти десятилетия как отдельную эпоху, когда местная российская администрация решала проблемы коренного казахского населения. Он считает, что «ожидания киргизской массы оправдались: прежние внутренние войны и связанные с ними беспорядки и бедствия прекратились, русские власти оказались справедливы. После бесконечных войн киргизы мирно занялись скотоводством, а вскоре же и хлебопашеством, а за первый период русского управления краем общее благосостояние населения стало подниматься»<sup>9</sup>.

Тынышпаев не занимал в данный период управленческих должностей в государственном аппарате, его трудно заподозрить в прорусских настроениях. Тем больше доверия вызывает характеристика, данная им губернатору Колпаковскому. Он говорит об открытии Колпаковским мужской прогимназии с пансионом в Верном для казахских детей, где отучился сам Тынышпаев. В Семиречье Колпаковским, в его бытность военным губернатором, открыты городской музей, больница, приюты, типография, ботанический сад, зоопарк. Благодаря инициативе и подвижнической деятельности губернатора в Семиречье работали экспедиции Русского географического общества, Вольного экономического общества, институтов естествознания и др. Колпаковский, позже став генерал-губернатором Степного края, открыл прогимназию для

<sup>9</sup> Там же. С. 30.

казахов и в Омске. Аналогичное заведение было открыто генералом Кауфманом в Ташкенте. Однако эти учебные заведения были закрыты после ухода Колпаковского и смерти Кауфмана. Роль и вклад данных персонажей в Туркестанский край и Семиреченскую область были значительными. Выделяя период 1867–1889 гг., как «отдельную эпоху», Тынышпаев приводит факты справедливого, на его взгляд, решения проблем коренного, местного населения первым военным губернатором Семиреченской области генералом Г.А. Колпаковским и генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом. Тынышпаев называет примеры, когда оба чиновника решают земельные проблемы в пользу местного населения, увидев притеснения со стороны переселенцев. В частности, Колпаковский, находя, что Семиреченскому казачьему войску отведена слишком большая площадь земли, в 1870-х гг. создает в Лепсинском уезде Комиссию по разграничению земель и возвращает казахам Лепсинского уезда около 100 тыс. десятин земли. Причем данную проблему Тынышпаев знает не по формальным отчетам, не со стороны, а, что называется, изнутри, так как на одном из возвращенных участков находилась зимовка его отца. Кауфман в 1880-х гг., зная, насколько казахи стеснены пастбищными угодьями, издает циркуляр, по которому после 1 октября казахи получали разрешение безвозмездно пасти свой скот на казачьих землях. Тынышпаев отмечает, что таких примеров забот о киргизах во времена управления краем генералов Кауфмана и Колпаковского очень много. На основании воспоминаний М. Тынышпаева можно сделать вывод, что данные российские чиновники в управлении «туземцами» руководствовались принципом «не навредить» колонизируемому краю и сохранить стабильность на управляемых землях.

Однако после 1889 г. и ухода Колпаковского ситуация стала меняться. Период с конца 1880-х до 1905 г. М. Тынышпаев выделяет как переходный. Он пишет, что «в крае начали появляться темные лица, которые и стали эксплуатировать простодушных киргиз»<sup>10</sup>. Но с 1906 г. после появления С.Н. Велецкого в Переселенческом управлении в Семиречье началось активное давление на казахов,

<sup>10</sup> Тынышпаев М. Его превосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору // История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 31–32.



как экономического, так и политического характера. Активизация переселения, изъятие участков у казахов, земельные притеснения, многочисленные поборы, дискриминация и т. д. ухудшали и без того сложную ситуацию.

Резкое ухудшение положения казахского населения отмечал и А. Букейханов, причем он преимущественно рассматривает положение дел в степных областях. Только за один 1907 г. под переселенческие участки, отмечает А. Букейханов, отчуждено в казахской степи 810 тыс. десятин, в т. ч. в одной Акмолинской области 510 тыс. десятин, падающих главным образом на северные уезды области, где земельная теснота довела киргиз, говоря канцелярским языком, «до сопротивления властям»<sup>11</sup>. Причем факты столкновений казахов с переселенцами встречаются все чаще, судебные учреждения имеют дело со случаями убийств на почве поземельных столкновений. И в качестве примера А. Букейханов приводит факт побоища между казахами и крестьянами в Петропавловском уезде в июне 1906 г. В этом столкновении принимали участие сотни вооруженных переселенцев и казахов, в результате – несколько убитых с той и с другой стороны<sup>12</sup>.

Теперь Переселенческое управление, изымая земли у казахов, перестает считаться с их интересами. Между кочевниками и переселенцами регулярно возникают многочисленные тяжбы в связи с захватом земель, границами владений и т. д. Все решения судов и администрации оказывались на защите интересов переселенцев.

Вот один из примеров видения проблемы М. Тынышпаевым: «Дела между киргизами и не киргизами (русскими, татарами или сартами) администрацией большей частью решались не в пользу киргиз. По разным заведомо ложным обвинениям киргиз крестьянами, казаками и т. д. у мировых судей, киргизы часто проигрывали правые дела. Очень возможно, что за плохое знание или подкупность переводчика, или что-нибудь еще другое, но простой народ не может разбираться в таких деталях и склонен приписывать тому, что, мол, русский чиновник всегда стоит за русского»<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> Букейханов А. Киргизы. Избранные произведения. Алма-Ата, 1995. С. 71.

<sup>12</sup> Там же. С. 32.

<sup>13</sup> Тынышпаев М. Его превосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору. С. 38.

Подтверждаются подобные факты и самими представителями российской власти, в частности, ротмистр отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железняков отмечает: «После присоединения Семиречья возникли неправильные экономические и правовые отношения между русскими пионерами и туземцами, между русской властью и туземцами. Русская власть в крае в лице военной администрации, уездных и участковых начальников управляла своими районами при посредстве нагайки и вообще физического воздействия, мало заботясь о поддержании русского имени и престижа русской культуры»<sup>14</sup>.

В октябре 1915 г. ротмистр Железняков докладывал товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому о настроении населения в Семиреченской области: «Переселенческое управление постепенно отбирает киргизские земли для колонизации края переселенцами из внутренних губерний, стесняя киргиз в скотоводстве и вместе с тем не устраивая их на оседлую жизнь, что вызывает в среде кочевого населения области некоторый ропот на распоряжения властей об отторжении части их кочевий, а с другой – вражду к русским новоселам, водворяемым на этих кочевьях, тем паче, что последние своим поведением по отношению к киргизам еще более усугубляют эту вражду»<sup>15</sup>.

В фондах Центрального государственного архива РК имеется заявление казахов Верненского уезда на имя Туркестанского генерал-губернатора, датированное 17 октября 1916 г., где они пишут, что в выступлениях казахов «земельные стеснения, с одной стороны, и система управления киргизами – с другой, являются основными причинами нынешних печальных событий. В земельном отношении киргизы стеснены в последние десять лет в высшей степени: образованное в области переселенческое управление в 1908–1909 гг. производило изъятие киргизских земель... усиленным темпом»<sup>16</sup>.

Итак, главной причиной восстания казахов в 1916 г., на наш взгляд, следует считать колониальную политику российских властей, прежде всего, ее аграрную и переселенческую составляющую.

<sup>14</sup> ЦГА РК. Ф. 797. Оп. 1. Д. 45. Л. 75–86.

<sup>15</sup> Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сборник документов. С. 92.

<sup>16</sup> ЦГА РК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 43–44.

Для кочевников главным условием нормальной жизнедеятельности их хозяйств всегда являлась земля, потеря ее или же значительное сокращение пастбищ лишало кочевников возможности выживания (особенно это важно, учитывая экстенсивный характер скотоводства казахов и аридные условия степных пространств Казахстана). Массовые земельные изъятия у кочевников неизбежно должны были в конечном итоге привести к социальным протестным движениям казахов. Но аграрная и переселенческая политика не являлись единственной причиной. При анализе причин национально-освободительного движения 1916 г., на наш взгляд, необходим системный подход, что требует выявления всего комплекса причин. Еще одной важной, на наш взгляд, причиной является некомпетентность, равнодушие большинства представителей российской администрации, как генерал-губернаторов, так и военных губернаторов, с 1880-х по 1916 г. Проанализируем состав генерал-губернаторов Туркестанского края. Если в крае (в Семиреченской области Туркестанского и Степном генерал-губернаторствах) Колпаковский работал около 23 лет, а Кауфман – почти 16 и в текущей ситуации, в проблемах региона, в проблемах местного (коренного и переселенческого) населения они ориентировались достаточно хорошо, то за последние 34 года (с 1882 по 1916 г.) в Туркестане сменилось двенадцать генерал-губернаторов. После К.П. Кауфмана (1867–1882 гг.) пришел М.Г. Черняев (1882–1884 гг.), затем Н.О. Розенбах (1884–1889 гг.), А.Б. Вревский (1889–1898 гг.), С.М. Духовской (1898–1901 гг.), Н.А. Иванов (1901–1904 гг.), Н.Н. Тевяшев (1904–1905 гг.), Д.А. Субботич (1905–1906 гг.), Н.И. Гродеков (1906–1908 гг.), П.И. Мищенко (1908–1909 гг.), А.В. Самсонов (1909–1914 гг.), Ф.В. Мартсон (1914–1916 гг.), А.Н. Куропаткин (1916–1917 гг.). Причем, за исключением Н.О. Розенбаха, А.Б. Вревского и А.В. Самсонова, все генерал-губернаторы работали в крае лишь один – три года. Туркестанское же генерал-губернаторство было весьма специфичным регионом, где представлено смешение не только разных народов (казахи, русские, сарты, киргизы, кокандцы, таджики, туркмены, каракалпаки, уйгуры, дунгане, украинцы, немцы, татары и др.), языков, традиций, но и хозяйственных укладов. Для ориентации в этом регионе нужны были годы, большое желание и управленческое рвение. А пришедшие в Туркестан после отставки военной службы генералы не

все и не всегда отличались рвением и не стремились вникнуть в проблемы региона.

Для иллюстрации данных выводов приведем отрывок из дневника А.Н. Куропаткина от 23 июля 1916 г., где он характеризует туркестанских чиновников: «Вчера у меня сидел генерал Покотило, недавно бывший в Туркестане и хорошо его изучивший. По его словам, там положение создалось серьезное. Власть в плохих руках... Мартсон, и.о. генерал-губернатора, развалился. Сыр-Дарьинский военный губернатор Галкин каждый день пьян. Самаркандский Лыкошин – слепой. Ферганский Гипшиус – с гвоздем. Закаспийский – Колмаков слаб, безволен. Семиреченский – Фольбаум лучше других. Правитель канцелярии Ефремов, который вертит все дела, очень подозрителен и, кажется, нечисто ведет дела. Помощник генерал-губернатора Ерофеев очень неподготовлен... Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»<sup>17</sup>.

Ухудшалось положение казахского населения еще в силу ряда причин, ставших последней каплей в их чаше терпения. Взятки и поборы, злоупотребления и незаконные действия становятся характерными чертами для всех иерархий власти – от волостных управителей до губернского уровня. Еще одна из причин – начавшаяся Первая мировая война, которая усугубила бедствия казахов (увеличение налогов в три-четыре, а в отдельных случаях до пятнадцати раз, инфляция, падение аграрного производства и др.). По данным генерал-губернатора А. Куропаткина, только из Туркестанского края в течение войны отправлено для армии грузов: хлопка – 40 899 222 пуд., кошмы – 38 004 кв. арш., хлопкового масла – 3109 тыс. пуд, мяса в заготовке – 300 тыс. пуд, рыбы – 473 928 пуд., лошадей – 70 тыс., верблюдов – 12 797, юрт – 13 441 шт.; пожертвовано населением на нужды войны 2 400 тыс. руб.<sup>18</sup>

Указ от 25 июня 1916 г. и практика его реализации в крае катализировали выступления казахского населения. Данные фрагменты могут быть представлены лишь как коэксистенциальное целое, не как иначе.

Судебный следователь Верненского окружного суда 16 ноября 1916 г. проводил допрос ротмистра отдельного корпуса жандармов

<sup>17</sup> Из дневника А.Н. Куропаткина. 1916 г. // [http://drevlit.ru/docs/central\\_asia](http://drevlit.ru/docs/central_asia)

<sup>18</sup> Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1998. С. 330.

Железнякова о причинах и ходе восстания в Семиреченской области. В ЦГА РК имеется данный протокол допроса Железнякова на 17 листах, позволяющий познакомиться с выводами человека, собиравшего сведения, наблюдавшего за ситуацией на местах и лично докладывавшего о событиях 1916 г. властям от уездного и губернского уровня до помощника министра внутренних дел. Позволим себе достаточно подробно привести это мнение, на наш взгляд, отличающееся взвешенностью и определенной объективностью, оспорим лишь выставленный им порядок причин восстания, отводя на первое место в конфликте земельную проблему.

После краткой исторической справки о присоединении Семиречья и характеристики обычаев казахов Железняков отмечает, что «все управление киргизами выражалось в самых невозможных и беззастенчивых поборах. Глядя на них, также действовали подчиненные им чиновники. Все свои дела упомянутые администраторы вели через «почетных» или «манапов», потакая им во всех поборах... Деньги брались за всё: за проведение волостных управителей, за справки, за административное решение вопросов, наконец, просто за проезд в волость. Берут и теперь, но теперешние времена не те и приемы взяток стали другие... На выборы (волостных управителей, судей. – З.С.) тратятся большие деньги, причем сумма, идущая на угощение и подкуп выборщиков, иногда достигает нескольких десятков тысяч рублей. Должностные лица туземной администрации после получения должностей начинают выколачивать из бедняков эти деньги с хорошими процентами... Произошло как бы молчаливое, ныне вошедшее в обычай соглашение между русской и подчиненной ей туземной администрацией. Русская администрация предъявляет известные требования к туземной, а туземная исполняет это требование, применяя подчас самые незаконные способы».

Итак, по мнению Железнякова, одной из причин стали злоупотребления со стороны русской администрации и местных властей. Он так и резюмирует первую причину: «Эти поборы, это некорректное отношение чиновничества к туземцам и туземной администрации было одним из слагаемых...»<sup>19</sup> Взятки становятся нормой для звеньев управления: волостного, уездного, областного,

<sup>19</sup> ЦГА РК. Ф. 797. Оп. 1. Д. 45. Л. 78–79.

губернского. Тынышпаев пишет, что «редкого из уездных начальников мог видеть лично, не уплатив переводчику мзду за устройство такого свидания»<sup>20</sup>.

Второй причиной восстания семиреченских казахов Железников считает обострившийся земельный вопрос и переселенческую политику, в приоритете которой были интересы переселившегося крестьянства, решенные зачастую в ущерб коренному населению. «Земельный вопрос был вторым слагаемым, приведшим к мятежу. После аграрных беспорядков в Европейской России самый худший элемент – разнузданная, малоспособная к упорному труду, слабая по своим хозяйственным инстинктам масса ринулась на окраины, в том числе и Семиречье, получая бесплатно здесь землю. Однако те требования, которые предъявили переселенцы, в массе считавшие, что им должны дать все для их обеспечения сразу, ставили их во враждебные отношения к туземцам»<sup>21</sup>. Причем не впервые в своих докладных записках ротмистр отмечает необоснованные претензии и требования новоселов к власти и местному населению.

Третьей причиной, вызвавшей вооруженный протест казахов в Семиречье, является активное давление, набеги, незаконные изъятия скота казахов и др. со стороны переселенцев. Железников отмечает эти факты, ставшие нормой и вызывавшие выступления казахов. «Переселенцы выискали источник постоянного дохода с киргиз. Киргизские пастбища были рядом с землями новых переселенцев, начались форменные набеги на скот туземцев. Его отбирали от пастухов с киргизской земли, гнали в поселок, а приехавшим за скотом киргизам заявляли, что скот взят за поправу на земле, принадлежащей поселку, и требовали за поправу деньги: 1, 2, 3 рубля с головы. Все это обостряло отношение киргиз к русским поселенцам... Отношение русских к киргизам было третьим слагаемым к мятежу, и оно вызвало ту жестокость, которую проявили киргизы к русскому населению, главным образом к новоселам, поселки которых они жгли, уничтожая хозяйство и расправляясь с людьми самым свирепым образом»<sup>22</sup>.

<sup>20</sup> Тынышпаев М. Его превосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору. С. 37.

<sup>21</sup> ЦГА РК. Ф. 797. Оп. 1. Д. 45. Л. 80.

<sup>22</sup> Там же. Л. 81.

Четвертой причиной восстания, названной Железняковым, стали бесконечные поборы с казахского населения, особенно увеличивавшиеся в период Первой мировой войны и осуществлявшиеся всеми, кто имел отношение к власти. Местная русская администрация призывала казахов к пожертвованиям деньгами, юртами, кошмами и др. И если первоначально эти пожертвования осуществлялись охотно, но позже они, как пишет Железняков, «приняли форму вымогательства», «выколачивались», «были злоупотребления туземной администрации, которая часть пожертвований утаивала себе». И как результат этих вымогательств – «злоба росла, и эта злоба была четвертым слагаемым мятежа».

Вымогательства осуществлялись не только администрацией, но и со стороны полиции, и жандармов. Железняков говорит о негативной роли Верненского, полицмейстера штабс-ротмистра Поротикова, «человека умного и ловкого, но не отличавшегося честностью», ставшего близким, доверенным человеком, способного оказывать сильное влияние на губернатора генерал-лейтенанта М.А. Фольбаума (Соколова-Соколинского) и создавшего в области систему вымогательства. Закономерно, что «злоба против жандармов была пятым слагаемым к мятежу». Проанализировав все эти обстоятельства, свидетелем делается вывод, что «все перечисленные выше слагаемые создали ту почву и то настроение, которое после сильного толчка, выразившегося в неожиданном призыве рабочих, неправильно понятого, привели к мятежу туземцев киргиз и кара-киргиз»<sup>23</sup>.

В архивных материалах отслезены еще ряд моментов, которые Железняков не включает в качестве «слагаемых», но они, безусловно, не только могут, но и должны быть выделены в качестве причин массовых выступлений казахов в 1916 г.

Указ от 25 июня был принят в разгар сезонных сельскохозяйственных работ, осуществлялся в краткие сроки, игнорируя разбросанность кочевых аулов на обширных территориях, без предварительной работы по разъяснению цели мобилизации среди казахов; не учитывалось, что казахское население никогда не подвергалось мобилизации ни на воинскую повинность, ни тем более на тыловые работы.

---

<sup>23</sup> Там же. Л. 82.

По разверстке Генштаба на тыловые работы планировалось набрать из Казахстана и Средней Азии 400 тыс. человек, в том числе из всех областей, населенных казахами, около 240 тыс. «тыловиков». Фактически каждое третье хозяйство теряло молодого и сильного работника, с учетом того, что общее число казахских хозяйств в крае составляло немногим более 700 тыс.<sup>24</sup> Цифры по количеству мобилизованных тыловиков расходятся в исследованиях. С. Асфендиаров называет цифру в 150–180 тыс. казахов<sup>25</sup>; по мнению А. Букейханова, численность тыловых рабочих, реквизируемых из Казахстана, составила около 100–120 тыс. человек. В отчете генерал-губернатора Куропаткина указано, что из Туркестанского края к 1 февраля 1917 г. отправлено 120 тыс. рабочих для тыловых работ<sup>26</sup>.

В августе 1916 г. состоялось частное совещание казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей с разрешения собрания Тургайским губернатором. На совещании присутствовали лидеры национального движения А. Букейханов, М. Дулатов и др. Протокол данного совещания позволяет понять позицию, высказанную национальной интеллигенцией. На данном совещании ими были отмечены причины, спровоцировавшие в дальнейшем вооруженные выступления в степи. Указ от 25 июня 1916 г. стал известен казахам в форме объявления местных властей, в то время, как отмечали присутствовавшие на совещании: «Местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение высочайшее повеление. В неподготовленности населения и в чрезвычайной спешности, местами грубости и злоупотреблений в действиях властей кроется корень, до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений»<sup>27</sup>. Причем на совещании отмечено, что мобилизация могла пройти достаточно мирно, без эксцессов, если бы была проведена определенная работа властями для разъяснения данной акции. В протоколе отмечается: «При наличности 1) надлежащей подготовки населения; 2) частичной мобилизации в течение более или менее продолжительного

<sup>24</sup> История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3. Алматы, 2000. С. 638.

<sup>25</sup> Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. С. 128.

<sup>26</sup> Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. С. 330.

<sup>27</sup> ЦГА РК. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.



времени по мере надобности; 3) при применении возможных льгот, необходимых для сохранения интересов хозяйства и 4) при участии уполномоченных от населения». И далее отмечается, что «если мы не видим худшего – открытого восстания народа, то это объясняется его чрезвычайным миролюбием»<sup>28</sup>.

Эти меры, по мнению интеллигенции, знавшей свой народ и считавшей его «чрезвычайно миролюбивым», позволили бы избежать кровопролития. Вряд ли это было открытием для власти, в том числе волостных управлений, представлявших коренное население. Однако эти и другие рекомендации не были учтены. Итак, одной из важнейших причин в восстании 1916 г. необходимо назвать не только указ от 25 июня 1916 г., а, прежде всего, практическую реализацию данного указа, формы и методы этой реквизиции.

В документе приведены примеры скоропалительной, осуществляемой в спешном порядке реквизиции. Например, в Актюбинском уезде, где население разбросано в степи на расстоянии 200–400 верст, власти потребовали явиться на пункты мобилизации через 10 дней, в Кустанайской – через 9 дней и т. п. Кроме того, в посемейных списках возраст казахов ставился произвольно и не соответствовал действительности. Эти списки никем не уточнялись и не сверялись. Но местная власть спешно потребовала эти неправильные списки и начала мобилизацию мужского населения. Попытки казахского населения добиться справедливости, уточнения списков не дали результата, вот почему оно обратилось практически во всех областях к самосуду. Некоторые из волостных управителей стали сводить счеты со своими врагами, внося их и их родственников в списки реквизиции, «другие стали торговать списками, предлагая за деньги изменить возраст призываемых. Одни откупались, другие непризываемые попадали в список призываемых. Волостные управители Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саим Кадыханов и Чингирлауской волости Уральского уезда Ахмед Сарыбалин были убиты населением за разнообразные подлоги и злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили начальству»<sup>29</sup>.

<sup>28</sup> Там же. Л. 50.

<sup>29</sup> Там же. Л. 50–51.

Ухудшали ситуацию действия местных властей, совершавших не только ошибки, но зачастую и откровенные злоупотребления при составлении списков призывников. В своих показаниях по делу о восстании 1916 г. М. Тынышпаев приводит факты таких злоупотреблений и «ошибок», как, например, по «Кызылборукскому делу» в Верненском уезде – деятельность временно исполняющего должность помощника уездного начальника волости Хлыновского, арестовавшего без причины (в качестве превентивной меры) наиболее влиятельных казахов при проведении компании по мобилизации; по «Ботбаевскому делу» в этом же уезде – злоупотребления при составлении списка рабочих со стороны управителя Абдыгалия Курбангалиева, не включившего в списки тыловиков своих сторонников, но записавшего в список родственников своего противника. Пристав Гилев не принял жалобу на управителя и привел вооруженных нижних чинов<sup>30</sup>. Конфликты в степи разгорались. Такого рода проблем и примеров более чем достаточно сохранилось и в архивных фондах.

В документальном сборнике «Грозный 1916-й год» приведены многочисленные архивные материалы по данному вопросу. Так, на Меркенском участке пристав Лундин неправомерными действиями спровоцировал казахов на вооруженные выступления; есть жалоба на должностных лиц волостного уровня – волостного правителя М. Бибатырова и его писаря Ахмета Татинова, которые «при мобилизационных работах допустили много незаконных действий» и т. д.<sup>31</sup>

Национально-освободительное восстание 1916 г. охватило практически весь Казахстан. В справке, составленной генерал-лейтенантом бароном Таубе, о выступлениях казахов и мерах их подавления в период с 7 июля по 5 сентября 1916 г. приведены цифры по количеству «скопищ киргиз» в некоторых областях и уездах. В частности, в Зайсанском уезде насчитывалось несколько групп, более 1000 человек каждая, в Семипалатинском – около 7000 человек, в Усть-Каменогорском – несколько групп, насчитывающих до 3000 человек, в Акмолинском – до 30 000 человек, у Ермнтауских гор – до 5000 тыс., в Атбасарском – более 7000<sup>32</sup>.

<sup>30</sup> Тынышпаев М. Его превосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору. С. 42–43.

<sup>31</sup> Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. С. 63–66.

<sup>32</sup> История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). С. 647.

К концу 1916 – началу 1917 г. восстание было жестоко подавлено. В Семипалатинской и Акмолинской областях против восставших действовало 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот, в Тургае – экспедиционный корпус в составе 17 стрелковых рот, 18 казачьих сотен, 4 кавалерийских эскадрона, 18 орудий, 10 пулеметов и др., в Семиречье – 95 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 390 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Карательными экспедициями были уничтожены десятки казахских аулов. Около 300 тыс. казахов и киргиз (одна четвертая часть коренных жителей) бежали в Китай<sup>33</sup>. Карательные экспедиции уничтожали не только повстанческие отряды, но и мирное население, не участвовавшее в вооруженных выступлениях. Количество «туземцев», расстрелянных и погибших от рук карательных отрядов, во время столкновений с переселенцами не установлено.

По материалам рапорта генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина на имя Николая II о причинах, ходе восстания и мерах по его подавлению можно подвести некоторые итоги. «Военные действия, – пишет А. Куропаткин, – охватили в разных областях края период с 13 июля 1916 г. по 25 января 1917 г. Войска понесли потери: убитыми – 97, ранеными – 86, без вести пропавшими – 76 человек. От беспорядков восстания туземного населения в Туркестане пострадало 3709 русских, убито 2325, пропало без вести 1384»<sup>34</sup>.

По совершенно очевидным причинам даже приблизительное количество пострадавших коренных жителей Туркестана в ходе восстания в отчете генерала Куропаткина не приведено. Только по судебным приговорам, утвержденным генерал-губернатором Куропаткиным, в Туркестанском крае на 1 февраля 1917 г. было приговорено к смертной казни 347, каторжным работам – 168, тюремному заключению – 129 человек. Но в конечном итоге, отмечает генерал-губернатор, был казнен 51 человек<sup>35</sup>.

В документальном сборнике приведен протокол совещания 16 октября 1916 г. под председательством генерал-губернатора

<sup>33</sup> Там же. С. 649.

<sup>34</sup> Грозный 1916-й год. С. 336.

<sup>35</sup> Там же. С. 338.

Туркестанского края Куропаткина. В протоколе отмечено, что «генерал-губернатор высказал, что считает необходимым отобрать от киргиз все те земли, где пролита русская кровь, естественно, что все эти земли должны быть изъяты из пользования киргиз и обращены под водворение русских... Нужно стремиться создать обособленную от киргиз территорию с русским населением не только в границах этнографических, но и географических...»<sup>36</sup> Эти планы генерал-губернатора не имели практической реализации, но ситуацию они не смягчали и к национальному примирению не вели. Политика национального примирения в Туркестане начнет осуществляться лишь в марте 1917 г. уже при Временном правительстве.

Еще один любопытный документ, часто цитируемый в последнее время, дает весьма яркие штрихи по итогам восстания 1916 г. вскоре после этих событий. По запросам ряда депутатов вопрос о событиях 1916 г. обсуждался на заседаниях Государственной думы. В августе 1916 г. депутаты Государственной думы А.Ф. Керенский и К.Б. Тевкелев по поручению своих фракций выезжали в Туркестан, чтобы на месте ознакомиться со всем происходящим. 13 декабря 1916 г. прошло закрытое заседание Государственной думы. Мы располагаем стенографическим отчетом, где выступал Керенский и рассказал о своей поездке в Туркестан, в частности, о том, что видел лично и узнал о последствиях и подавлении восстания. Безусловно, что в этом выступлении имеется определенная доля политического ангажемента, популистской цели, поставленной А. Керенским, но игнорировать данные материалы, как исторический источник, и исключать его из анализа общей характеристики и итогов восстания 1916 г. абсурдно. Керенский, в частности, отметил: «Я говорю и не отрицаю, что эксцессы были и пострадали от этого стихийного возмущения в некоторых местах сравнительно небольшие группы русского населения и даже в Семиречье, за исключением двух уездов, Пржевальского и Джаркентского, а почему – я скажу. В других местах жертвы со стороны русских были единичные, а вот когда случились беспорядки в Джизаке, туда приходит карательный отряд, состоящий из трех видов оружия, пехоты, артиллерии, кавалерии, и начальник отряда отдает приказ идти в таких-то направлениях и по своему

<sup>36</sup> Грозный 1916-й год. С. 85.

пути сжигать все туземные поселения, уничтожать население без различия пола и возраста. Были уничтожены грудные дети, старики, старухи... Я, будучи на двух фронтах, западном и кавказском, нигде не видел столь идеально уничтоженного вражеского города, как этот город Джизак, находящийся в России, русский город. Но этим не ограничились, теперь Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о конфискации всех земель всех жителей г. Джизака... Эти земли конфискованы, и население, без различия правых и виноватых, лишено права впредь пользоваться своей собственной землей...»<sup>37</sup> И далее А. Керенский заключает: «Все, что произошло в Туркестане, является результатом не только, я не скажу даже злой воли, а невежества и безумия верхов, но является и результатом этого уже оказавшегося разложения местной системы управления»<sup>38</sup>.

Таким образом, подводя итоги, следует выделить ряд причин национально-освободительного движения 1916 г. в Туркестане: аграрная и переселенческая политика российского государства в национальных окраинах; разложение системы российского управления (областного и губернского уровня), ее некомпетентность и равнодушие к проблемам местного населения; злоупотребления и мздоимство чиновников низового звена – от аульного до уездного; ухудшение социально-экономического положения коренного населения; увеличение налогов в ходе Первой мировой войны; указ о реквизиции от 25 июня 1916 г., формы и методы его реализации. Данный комплекс причин и привел к точке кипения в событиях 1916 г.

Восстание 1916 г. и его последствия, безусловно, продемонстрировали кризис власти в Российской империи. Интерпретации этих событий в национальных историографиях будут различаться. Мы не считаем это проблемой, ведь на оценку и интерпретацию исторических событий оказывают многие факторы. Главное, чтобы события прошлых лет дали нам урок, и уже сегодня власть не повторяла ошибок, а это возможно, если объективно и беспристрастно говорить о том, что происходило в нашей общей истории.

<sup>37</sup> Там же. С. 182.

<sup>38</sup> Там же. С. 188.

МАЛАБАЕВ С.К.

## Трагические события 1916 г.: мифы и реальность

---

**Т**рагические события 1916 г. вызвали и вызывают много вопросов и споров между историками. В преддверии 100-летней годовщины наступило время прояснить некоторые спорные моменты и вопросы.

**Миф 1.** В исторической науке утвердилось мнение о том, что поводом и причиной восстания явился царский указ о мобилизации на тыловые работы. Однако в историографии не было уделено внимания тому, что поводом к возникновению восстания послужило неправильно понятое распоряжение о призыве на работы в тылу армии, ведь кыргызы, как и другие народы Средней Азии, в своем большинстве решили, что их призывают не на тыловые работы, а в ряды действующей армии для военных действий. Распоряжение, объявленное в Семиречье 1 июля, застало всю область врасплох. Неподготовленные к новости, туземцы сильно растерялись и приуныли. Разъяснения администрации сознательно или бессознательно, но плохо понимались. Ложное убеждение, что рабочие будут направлены на самый фронт, на линию окопов, привилось в степи несколько быстро и настолько крепко, что о решительном воздействии на умы кочевников некоторое время не могло быть и речи<sup>1</sup>. У восставших сформировалось мнение о том, что их призывают на войну. Один из руководителей восставших Атекинской волости Алимкул Таубалдин перед событиями выдвинул лозунг: «На войну не идти, лучше умереть в борьбе с русскими». Он вел активную агитацию среди молодежи, утверждал, что их призывают не на работы, а прямо на передовые позиции<sup>2</sup>.

**Миф 2.** В отечественной науке существует концепция о том, что Кыргызстан в годы царской власти был колонией империи и

---

<sup>1</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–6.

<sup>2</sup> Там же. Д. 48. Л. 11.

что трагические события 1916 г. были антиколониальным восстанием. Однако архивные данные свидетельствуют о том, что с годами колония превращалась в часть полноправной метрополии, где кыргызы со временем получали равные права с переселенческим населением. Современный исследователь Т. Кененсариев справедливо утверждает, что царская администрация начала проводить политику слияния окраин с остальной частью империи, и в своей монографии приводит высказывание военного министра России В.А. Сухомлинова в 1912 г., что «Туркестан по отношению к центральной части империи перестал быть колонией»<sup>3</sup>.

Архивные данные говорят о справедливости высказывания военного министра России. Империя проводила социальные реформы в Кыргызстане, которые положительно сказывались на настроении местного населения. Особенно заметными были реформы в области медицины. Местное население обращалось к властям с просьбой об открытии больниц. 12 февраля 1901 г. кыргызы Ошской волости писали: «19 февраля сего 1901 г. исполнится 25 лет со дня водворения в крае полного спокойствия и законности под великой державой Великого Белого Царя. В память этого дня мы, выборные от земледельцев г. Оша в числе 75 человек, посоветовавшись с представителями прочих волостей уезда, решили на волостном съезде просить о разрешении построить в г. Ош для наших жен и малолетних детей особую от мужской туземную женскую лечебницу с кроватями для приезжающих больных и рожениц, по одной на волость»<sup>4</sup>. Царские управленцы к их чести пошли навстречу и открыли больницу, где «пользование в лечебницах, как на постоянных кроватях, так и амбулаторных больных проводилось бесплатно»<sup>5</sup>.

Интересно отметить, что в царское время в Оше была бюджетная статья на «лечение неимущих больных», на которую отпускались немалые средства<sup>6</sup>. Беднейшим слоям населения при невозможности оплаты за услуги здравоохранения выдавались «удостоверения о бедности», по которым они освобождались от платы за лечение<sup>7</sup>.

<sup>3</sup> Кененсариев Т. Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане. Бишкек, 2009. С. 6.

<sup>4</sup> ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

<sup>5</sup> Там же. Л. 88.

<sup>6</sup> Там же. Д. 4а. Л. 84.

<sup>7</sup> Там же. Л. 186.

Примечательно то, что местные власти выдавали «удостоверения о бедности», предварительно ознакомившись с материальным положением человека. Документ гласит: «1908 г. января 30 дня я, старший аксакал г. Оша, удостоверяю, что житель г. Оша Ташбай Курманов не имеет средств уплатить за лечение и содержание его в Ошской городской больнице»<sup>8</sup>. В результате Ташбай Курманов был освобожден от платы за лечение. Такие же удостоверения получало и переселенческое население, а оплата за услуги, например, в области медицины, была равной между коренным и переселенческим населением. Полицейский пристав города Ош выдал удостоверение, в котором значилось: «Я, полицейский пристав гор. Оша, удостоверяю, что Александра Николаевна Трусова не имеет средств уплатить за лечение и содержание ее в Ошской городской больнице за декабрь месяц 1907 г. в сумме 1 руб. 47 коп.»<sup>9</sup>.

Нужно отметить, что в возникновении трагических событий свою роль сыграло и нагнетание межнациональных отношений, обстановка недопонимания в некоторых районах. Часть переселенческого населения тоже внесла свою лепту в то, что кыргызы неправильно понимали цели мобилизации на тыловые работы. Житель города Пржевальска Дмитрий Каракаш отмечал в своих показаниях, что «русское население много помогло тому, что киргизы неправильно понимали цели реквизиции. Я слышал, как крестьяне злорадствовали над киргизами, что дескать и “ваше время пришло”, слышал и доморощенных политиков, которые с глупой улыбкой говорили: “Знаем мы, для каких работ берут киргиз, надо надавить их и освободить земли для русских”»<sup>10</sup>.

В исторической науке часто поднимается вопрос о том, что одной из причин восстания также был земельный вопрос, выражавшийся в изъятии плодородных земель у кыргызского населения. На этот вопрос архивные источники отвечают неоднозначно. Сами представители царской администрации указывали на это явление в своих отчетах, рапортах. Военный губернатор Семиреченской области также отмечал, что одной из главных причин «явилась широкая колонизация Семиречья русским элементом, повлекшая

<sup>8</sup> ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 50.

<sup>9</sup> Там же. Л. 54.

<sup>10</sup> Там же. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 2. Л. 77 об. – 78.



за собою стеснение прежнего простора, а местами и потерю туземцами прежнего обилия земли и воды»<sup>11</sup>. Нужно отметить, что более значимым является мнение человека, который непосредственно и специально занимался вопросами переселения крестьян из России на территорию Кыргызстана. Таким специалистом являлся заведующий водворением переселенцев Пржевальского подрайона Семиреченского переселенческого района, который в письме от 11 октября 1916 г. заведующему переселенческим отделом в Семиреченском районе отмечал, что «в Пржевальском уезде за последние годы изъятия кыргызских земель не было»<sup>12</sup>, хотя именно в Пржевальском уезде трагические события приняли наиболее ожесточенный характер.

В исследованиях, касавшихся использования кыргызов на тыловых работах, писалось, что они использовались как рабочая сила, но не обращалось внимания на то, что империя обеспечивала им надлежащие условия труда, пропитание, бесплатную медицинскую помощь, жалованье, предоставлялся отпуск и освобождение от работ вследствие болезни или семейных обстоятельств. Органы власти должны были «следить за тем, чтобы обращение с рабочими иностранцами у администрации учреждений и предприятий было заботливое, во внимание к незнакомству этих рабочих с русским языком и с местными условиями, а также чтобы были приняты по мере возможности во внимание их бытовые особенности»<sup>13</sup>. Для рабочих-кыргызов предоставлялось право на отправление религиозных обрядов. При наборе на работы принимались во внимание и семейные обстоятельства.

В приказе отмечалось: «Населению должно быть объявлено, что в деле набора рабочих следует принимать во внимание семейное положение отдельных лиц и в виду сравнительно незначительного числа рабочих, которое берется от населения, было бы справедливым не брать из семьи единственного сына-работника и назначать в наряд холостых преимущественно перед семейными и особенно многосемейными»<sup>14</sup>. Кыргызы, как и переселенцы, получали равную заработную плату, поэтому трудно говорить

<sup>11</sup> Там же. Д. 46. Л. 1.

<sup>12</sup> Там же. Д. 31. Л. 5.

<sup>13</sup> Там же. Ф. И-54. Оп. 1. Д. 89. Л. 44 об.

<sup>14</sup> Там же. Д. 77. Л. 53 об.

о какой-либо дискриминации в вопросах их заработной платы. Например, на лесопильном заводе Большого Кебиня простой рабочий-туземец Алим Мамалбаев за август 1916 г. получил 35 рублей, а помощник машиниста Антон Комиссаров за это же время – 35 рублей<sup>15</sup>.

Одной из причин, вызвавших трагические события, была также коррумпированность, беспечность, а порой и измена части управленческого аппарата царской администрации, а также взяточничество части волостных управителей и их помощников. Пишпекский уездный начальник 14 декабря 1916 г. в письме в Семиреченское областное правление отмечал, что одним из поводов к восстанию послужило «то обстоятельство, что выборные при составлении приговоров о наряде рабочих назначали в рабочие лишь бедных киргиз, оставляя совершенно влиятельных и богатых лиц»<sup>16</sup>. Бывшие в плену у восставших переселенцы показывали, что причиной восстания киргизы называли полковника Иванова, говоря, что «вас русских продал уездный начальник, ему киргизы дали много денег, и он разрешил уничтожить русских»<sup>17</sup>. Еще задолго до восстания полковнику Иванову неоднократно докладывали о готовящемся восстании, но он не придавал ни фактам, ни сведениям никакого значения. Он знал о готовящемся восстании от своего знакомого Султан Мурата, ставшего одним из организаторов восстания, но скрыл эти сведения как от населения, так и от начальства. Во время подавления восстания Султан Мурат был взят в плен и втайне без полагавшегося суда и следствия был казнен Ивановым, так как мог выдать своего коррупционного покровителя<sup>18</sup>.

Сами киргизы, в основном из простого народа предупреждали переселенцев о будущей резне. Еще 3 августа 1916 г. представители селений Кольцовка и Барскауна Пржевальского уезда ввиду тревожных слухов о подготовке восстания просили уездного начальника полковника Иванова прислать военную охрану, на что тот отвечал, что их тревога ни на чем не основана, кроме того, что «работники

<sup>15</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 51. Л. 75.

<sup>16</sup> Там же. Д. 48. Л. 1.

<sup>17</sup> Там же. Д. 6. Л. 8 об.

<sup>18</sup> Там же. Д. 2. Л. 46.

киргизы болтают всякий вздор»<sup>19</sup>. Более того, начальник уезда Иванов, зная о готовящемся восстании, дезинформировал центральную власть, отправляя телеграммы однообразной редакции: «Все спокойно»<sup>20</sup>.

Следует отметить, что острие восставших также было направлено и против кыргызских феодалов, волостных управителей, почетных лиц и зажиточной части кыргызского населения. Главный удар по феодалам, волостным управителям и зажиточным людям был нанесен в Кыргызстане. Если по всему Туркестанскому краю было убито 55 представителей феодалов, то только в южном Кыргызстане убито 34<sup>21</sup>. На севере Кыргызстана тоже зафиксированы выступления против местной феодальной знати и волостных управителей. 10 августа подвергся нападению волостной управитель Тлеубердинской волости Пишпекского уезда Чолпонкул, которого восставшие блокировали в местной мечети и угрожали ему убийством, говоря: «Давайте сюда Чолпонкула и Джантая, мы их уьем, они виноваты в составлении приговоров по сдаче нас и наших детей в солдаты, уьем их и никого не отдадим в солдаты»<sup>22</sup>. Представители Пржевальского уезда, волостей Тургенской, Заукинской, Курментинской, Семизбельской, Улахольской, Барскаунской и других 23 июля просили полковника Иванова взять их всех в тюрьму, так как население их волостей открыто угрожало им физической расправой за составление приговоров на рабочих<sup>23</sup>.

Как же местной феодальной знати удалось повернуть недовольство рядовых кыргызов против царской администрации? Одна из причин этого – это угрозы со стороны местных феодалов и их представителей, которые угрожали, что если тынаевцы не присоединятся к восстанию, «то они изрубят и ограбят их. После угрозы все здоровые, годные к работе киргизы-тынаевцы присоединились к угрожавшим и уехали с ними»<sup>24</sup>. Один из предводителей Канат Абукин с кыргызами обращался очень грубо, заставляя идти против русского войска, кто не слушался, наказывал своим судом, т. е.

<sup>19</sup> Там же. Д. 31. Л. 7.

<sup>20</sup> Там же. Д. 2. Л. 34.

<sup>21</sup> Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 260.

<sup>22</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

<sup>23</sup> Там же. Д. 8. Л. 4–5.

<sup>24</sup> Там же. Д. 27. Л. 20.

срубал голову. Например, одному кыргызу из Темирбулатовской волости он отрубил голову за то, что тот не пошел против русских, после чего кыргызы Темирбулатовской волости ушли от него<sup>25</sup>. Еще одной причиной были невежество и темнота населения, которыми и воспользовались местные феодалы. Эти обстоятельства, кстати, признавал все тот же Канат Абукин<sup>26</sup>.

**Миф 3.** В исторической науке Кыргызстана утвердилось мнение о том, что Российская империя, а также Временное правительство, установившееся после Февральской буржуазно-демократической революции, враждебно относились к восставшим, устраивая военно-полевые суды, которые жестоко преследовали их, а позднее и к беженцам-кыргызам и «не давало народам ни хлеба, ни земли, ни свободы, ни мира. Оно защищало интересы эксплуататоров и колонизаторов»<sup>27</sup>. Однако ранее неопубликованные архивные данные подтверждают, что помощь, как со стороны империи, так и Временного правительства, оказывалась, и немалая. Например, как и царизм, так и демократическое правительство стояли за установление миролюбивых отношений между народами, за помощь и возвращение беженцев.

Нужно отметить и судебную систему царизма, которая, удостоверившись в том, что человек не участвовал в кровавых событиях, отпускала его на свободу. 10 января 1917 г. мировой судья шестого участка Пишпекского уезда постановил: «Ахмета Тюлькебаева от личного задержания освободить за неимением никаких оснований к его задержанию»<sup>28</sup>. В приказе войскам Туркестанского военного округа в марте 1917 г. в городе Ташкенте говорилось: «Комитетом принимаются все меры к восстановлению миролюбивых отношений киргиз с крестьянами смежных селений. Желательность возвращения киргиз подтверждается приговорами»<sup>29</sup>. Еще царским наместником генерал-губернатором Куропаткиным 28 января на отпущенные центром 50 тыс. руб. был создан хлебный запас в Нарыне и Атбашах для прибывающих беженцев<sup>30</sup>. Представители

<sup>25</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Д. 22. Л. 46–46 об.

<sup>26</sup> Там же. Д. 27. Л. 36 об.

<sup>27</sup> Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. С. 244.

<sup>28</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 25. Л. 34.

<sup>29</sup> Там же. Д. 42. Л. 22.

<sup>30</sup> Там же. Л. 23.

Временного правительства в Туркестане также организовывали продовольственные склады и питательные пункты для возвращающихся беженцев-кыргызов, среди которых свирепствовал голод, для чего выделяли немалые средства. Так, председатель Туркестанского комитета Щепкин обратился в Петроград с просьбой о помощи беженцам: «Полученные комитетом сведения свидетельствуют, что возвращающиеся из Китая киргизы нуждаются в безотлагательной помощи. Среди них на почве голода развивается значительная смертность, наблюдались случаи зарывания живых детей. Туркестанский комитет признает необходимым оказать дальнейшую немедленную помощь возвращающимся из Китая киргизам, на что просит спешно ассигновать еще сто тысяч рублей в его распоряжение»<sup>31</sup>.

После подавления восстания межнациональная ситуация оставалась крайне тяжелой вследствие проявления враждебных действий, выразившихся в убийствах и грабежах кыргызов переселенцами, не забывших жестокости восставших. Временное правительство стремилось нормализовать ситуацию и, нужно отдать ему должное, это у него получалось. После установления власти Временного правительства в Туркестане под его эгидой был создан Кыргызский комитет во главе с Найзабеком Тулиным, который 12 ноября 1917 г. предписывал прокурору: «Резня, грабежи, самоуправство со стороны крестьян, солдат на киргиз усилились. Одиннадцатого ноября ночью в Узунгирской волости в десяти верстах от города убиты 25 киргиз, во главе с Асылковым следователь выехал. Киргизский комитет просит принять самые энергичные меры к прекращению убийств и оградить киргиз от всяких насилий»<sup>32</sup>. Энергичные меры были приняты комиссаром Временного правительства Абдыкеримом Сыдыковым, который уже 24 ноября докладывал, что «по делу об убийстве 25 киргиз двое преступников задержаны, розыск остальных производится»<sup>33</sup>.

В исторической науке Кыргызстана устоялось мнение К.У. Усенбаева о том, что «восстание отличалось широкими масштабами и небывалым размахом. Оно охватило всю Среднюю Азию, Казахстан,

<sup>31</sup> Там же. Л. 23.

<sup>32</sup> Там же. И-28. Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

<sup>33</sup> Там же. Л. 7.

часть Поволжья, Закавказья, Алтая, Западной Сибири и некоторые другие национальные окраины царской России. Что касается Киргизии, то трудно назвать аил или кыштак, жители которого в той или иной степени не принимали бы участия в данном выступлении»<sup>34</sup>. Однако, как свидетельствуют архивные документы, не только аил или кыштак, но находились целые волости, в которых восстания не происходило, например, в Шамсинской волости<sup>35</sup>. В Пригородном участке Пишпекского уезда трагических событий тоже не было<sup>36</sup>.

О моральном облике руководителей восстания 1916 г. говорит тот факт, что когда феодалы не смогли сдержать недовольство простого народа и им удалось повернуть его против переселенцев и царской администрации, то некоторые из них примкнули к восставшим, а когда восстание стало терпеть поражение, снова переметнулись к царской администрации. Феодал Исхак Курманов из Курманходжаевской волости присоединился к восставшим. Отец Исхака Курман Лепесов был руководителем восставших кыргызов Джумгала. В начале октября отрядом полковника Слипко был пойман Курман Лепесов с сыном Исхаком, оба были приговорены к смертной казни. Тогда с целью спасения своих жизней, стремясь выслужиться перед царской администрацией, Исхак Курманов стал доказывать, что они с отцом не причастны и что Канат держал их силой. Он предложил оставить отца Курмана Лепесова в качестве заложника, а его, Исхака, отпустить, обещая, что он сам поймает Каната и его сына. Полковник согласился на эти условия, и Исхак Курманов был отпущен. Через несколько дней он привел сына Каната, который тут же был повешен, а в середине октября поймал и привел Каната. За поимку Каната и его сына Курман Лепесов и его сын Исхак были прощены. Исхак даже был представлен к награде и назначен волостным управителем<sup>37</sup>. Сам Канат Абукин объявил восставшим «биться до последней капли крови и ни в каком случае не отступать», но когда казаки открыли огонь, то Канат первым ударился бежать, а за ним кинулись другие<sup>38</sup>.

<sup>34</sup> Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. С. 255.

<sup>35</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 27. Л. 47.

<sup>36</sup> Там же. Д. 34. Л. 16 об.

<sup>37</sup> Там же. Л. 44.

<sup>38</sup> Там же. Д. 15. Л. 11 об – 13.

Как же относились к восстанию рядовые кочевники-кыргызы? По свидетельству архивных документов, часть народных масс была против восстания. Канат Абукин признавал, что его армия малочисленная и состоит всего 4–5 тыс. бойцов. Так как рядовые кыргызы шли в бой неохотно, то по словам Каната, их «приходилось подгонять сзади нагайками»<sup>39</sup>. Когда переселенец Зиновий Орленко обнаружил транспорт, в котором было спрятано оружие, и ему угрожало лишение жизни от восставшего, который уже целился в него из ружья. В это время другой кыргыз закричал: «Кой-кой!» («Оставь!») и этим спас переселенцу жизнь<sup>40</sup>.

Среди архивных документов встречаются показания простых кыргызов, которые заявляли, что о предполагаемом восстании и его целях им было неизвестно<sup>41</sup>. Кыргызы из простонародья не стремились участвовать в восстании и откочевывали от восставших. Так, Исмаил Муратов отмечал в своих показаниях: «В мое оправдание показываю, что за три дня до бунта в нашу волость приехал джигит почетного киргиза Барскаунской волости Усена Шамырова и от имени Шамырова стал подговаривать всех киргиз нашей волости принять участие в бунте против русских. В нашей волости не согласилось до 300 человек, в том числе я и мой отец, и когда начался бунт, то мы в числе 300 человек ушли в горы и никакого участия в бунте не принимали, а впоследствии холод и голод заставили нас спуститься с гор. Мы спустились около с. Тарханы, где нам встретились русские мужики и доставили в с. Покровское. Почему киргизы устраивали бунт, я не знаю, но предполагаю, что из-за солдат»<sup>42</sup>.

Особо следует отметить, что рядовые кыргызы хорошо относились к пленным переселенцам. Прасковья Мячина, жительница Уй-Тала, отмечала в своих показаниях, что попала в плен к кыргызу Кыдралу, который, будучи сам болен тифом, перевез ее к себе на своей подводе и приказал своей жене кормить вместе с ее семьей и вообще заботился о них и говорил, что даст их в обиду лишь тогда, как умрет<sup>43</sup>. Елена Умхина в своих показаниях тоже отмечала добро-

<sup>39</sup> Там же. Д. 27. Л. 35 об.

<sup>40</sup> Там же. Д. 25. Л. 20.

<sup>41</sup> Там же. Д. 6. Л. 47, 53.

<sup>42</sup> Там же. Л. 36.

<sup>43</sup> Там же. Д. 1. Л. 17.

ту и благородство рядовых кочевников: «Когда киргизы ворвались в дом Павлова, ко мне подошел мой бывший работник Джимагул и сказал, чтобы я шла к нему в плен, иначе меня убьют киргизы. Я была у него с восьмью малыми детьми, все мы уцелели благодаря Джимагулу. Он хорошо кормил нас и не давал в обиду, когда другие киргизы приходили убивать нас и бранили Джимагула за то, что он держал нас, когда ему самому нечего было есть. Джимагул при мне плакал и высказывал сожаление, что киргизы бьют русских, говоря, что богачи заставляют бунтовать бедноту. Джимагул говорил, что на совести его нет убийства и что он никого не грабил. Действительно, когда кто-то из киргиз принес Джимагулу русскую рубашку, он выбросил ее из юрты, говоря, что русских вещей ему не нужно. Также поступал и его отец Байсары. Я прямо скажу, что только благодаря Джимагулу сохранена жизнь моя и моего семейства»<sup>44</sup>. О том, что многие кыргызы были против восстания, говорили сами переселенцы, близко соприкасавшиеся с кыргызами. Так, житель г. Пржевальска Каракыш Дмитрий заявлял: «Уверен, многие киргизы были против каких бы то ни было выступлений»<sup>45</sup>.

Трагические события 1916 г. возникли вследствие ошибок как царской администрации, не сумевшей разъяснить сути мобилизации, так и части кыргызского населения, которое не до конца поняло мобилизации на тыловые работы и дало местным феодалам втянуть себя в жестокую резню. Населению Кыргызстана не смогли разъяснить, что мобилизация была трудовой, а не военной и что все тыловые работы оплачивались. Тыловые рабочие обеспечивались продовольствием, медицинским обслуживанием и имели льготы.

Свою роль в восстании сыграли также неурегулированные социально-экономические и межнациональные отношения между переселенцами и кыргызами. Часть простого народа была втянута в восстание из-за угроз местных феодалов и нехотя шла под знамена восставших феодалов.

<sup>44</sup> ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об. – 23.

<sup>45</sup> Там же. Д. 2. Л. 30.



## Сведения об авторах

<b>АБАШИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ</b>	профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт- Петербурге, д.и.н. (Российская Федерация)
<b>АМАНЖОЛОВА ДИНА АХМЕТЖАНОВНА</b>	ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, д.и.н. (Российская Федерация)
<b>АШИМБАЕВ ДАНИЯР РАХМАНОВИЧ</b>	главный редактор Казахстанской биографической энциклопедии, руководитель информационно- издательского проекта «Кто есть кто в Казахстане» (Республика Казахстан)
<b>БАРИНОВ ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ</b>	старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, к.и.н. (Российская Федерация)
<b>БАТЫРБАЕВ БАКТЫБЕК СУЛАЙМАНОВИЧ</b>	доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, генерал-майор юстиции, к.ю.н. (Кыргызская Республика)
<b>БАТЫРБАЕВА ШАЙЫРКУЛ ДЖОЛДОШЕВНА</b>	профессор, заведующий кафедрой источниковедения, историографии и исторической информатики Кыргызского национального универ- ситета имени Жусупа Баласагына, д.и.н. (Кыргызская Республика)

---

<b>БАХТУРИНА АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВНА</b>	профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций факультета документоведения и технотронных архивов историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, д.и.н., доцент (Российская Федерация)
<b>БОРУБАШОВ БЕКБОСУН ИШЕНБЕКОВИЧ</b>	заведующий кафедрой международного права юридического факультета Кыргызско-российского славянского университета имени Б.Н. Ельцина, д.ю.н., к.и.н., профессор (Кыргызская Республика)
<b>БАСИЛЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ</b>	научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, к.и.н. (Российская Федерация)
<b>ГАФАРОВ НУМОНДЖОН УСМОНДЖОНОВИЧ</b>	заведующий отделом магистратуры, аспирантуры и докторантуры Таджикского государственного университета коммерции, д.и.н. (Республика Таджикистан)
<b>КАДЫРАЛИНА ЖАННА УРКИНБАЕВНА</b>	первый заместитель директора Института истории государства КН МОН РК, д.и.н. (Республика Казахстан)
<b>МАЛАБАЕВ САЛАМАТ КАСЫМБЕКОВИЧ</b>	преподаватель факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, к.и.н. (Кыргызская Республика)

---

---

<b>МАСАУЛОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ</b>	руководитель Центра перспективных исследований (Кыргызская Республика)
<b>МАХМУДОВ ОЙБЕК АНВАРОВИЧ</b>	доцент кафедры всемирной истории исторического факультета Национального университета Узбекистана, к.и.н. (Республика Узбекистан)
<b>ПОЧЕКАЕВ РОМАН ЮЛИАНОВИЧ</b>	профессор, заведующий кафедрой теории права и государства юридического факультета НИУ ВШЭ в г. Санкт-Петербурге, к.и.н., доцент (Российская Федерация)
<b>САКТАГАНОВА ЗАУРЕШ ГАЛИМЖАНОВНА</b>	профессор Карагандинского государственного университета имени академика Е.А. Букетова, д.и.н. (Республика Казахстан)

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ  
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И НАРОДОВ  
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ  
(1916 год: уроки общей трагедии)

Сборник докладов  
Международной научно-практической  
конференции

г. Москва,  
18 сентября 2015 г.

*Составитель  
и научный редактор*  
Т.В. Котюкова

*Дизайн и верстка*  
Д.Н. Залялетдинов

*Корректор*  
Н.В. Яшина